

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Цай Вэй

Цай Вэй

**«МЕТАЛЛЫ» КАК ОБЛАСТЬ-ИСТОЧНИК
КОГНИТИВНОЙ
МЕТАФОРЫ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Л. И. Горбунова

Иркутск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ	
ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «МЕТАЛЛЫ» КАК ИСТОЧНИКА	
МЕТАФОРЫ	
1.1. «Языковая картина мира» как один из ключевых терминов современной лингвистики	22
1.2. Область-источник когнитивной метафоры как объект лингвистического описания	28
1.3. Типы информации, задействованные в качестве источника метафоры	44
1.4. Наименования металлов: аспекты лингвистического исследования и основные результаты	49
ВЫВОДЫ	55
ГЛАВА 2. ПЕРЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАЛЛОВ,	
ВЫСТУПАЮЩИЕ В КАЧЕСТВЕ КОГНИТИВНОГО ИСТОЧНИКА	
МЕТАФОРЫ	
2.1. Цвет	60
2.2. Блеск	82
2.3. Звук	86
2.4. Вес	91
2.5. Прочность	99
2.6. Твердость	103
2.7. Анализ источника метафоры как прием выявления когнитивно значимой информации	109
2.8. Редко эксплуатируемые признаки	115
2.8.1. Непроницаемость	115
2.8.2. Температура	115
2.8.3. Запах	117
2.8.4. Вкус	117

ВЫВОДЫ	118
ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАЛЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИЕ В КАЧЕСТВЕ КОГНИТИВНОГО ИСТОЧНИКА МЕТАФОРЫ	
3.1. Неспособность чувствовать	120
3.2. Неспособность мыслить	125
3.3. Наносящий урон	128
3.4. Жесткость	130
3.5. Способность украшать	135
3.6. Ценность	136
3.7. Корреляция перцептуальных и экспериенциальных признаков ..	145
ВЫВОДЫ	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157
СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ.....	180
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	182
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях, обозначенный в отечественном языкознании в качестве главного еще в 1988 г. [Роль человеческого фактора в языке 1988], продемонстрировал свою продуктивность. В рамках антропоцентрической парадигмы язык понимается как система, продуцирующая «особые способы репрезентации значения, особые языковые формы обобщения в мышлении и психике человека» [Кубрякова 2004, с. 77]. В предлагаемой диссертации реализован антропоцентрический подход и изложены результаты изучения понятийной области МЕТАЛЛЫ как источника когнитивной метафоры, что позволяет «выявить посредническую функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением языковой картины мира, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком» [Кустова 2000, с. 85]. В соответствии с методологическими установками современной лингвистической науки язык в диссертации рассматривается как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека» [Кубрякова 2004, с. 9]. В фокусе исследования находится когнитивная информация, а функционирование языковых единиц и их значения рассматриваются как средство экспликации знаний о металлах, формирующие соответствующую понятийную область.

Актуальность исследования определяется тем, что оно вписано в круг наиболее значимых задач, решаемых современной лингвистикой в рамках антропоцентрической парадигмы.

Как показала практика, важнейшим результатом лингвистических исследований является обоснование понятия «языковая картина мира» (далее ЯКМ) и использование его при изучении языка как средства познания и

фиксации результатов познавательного процесса. Доказано, что язык, с одной стороны, выступает посредником в восприятии действительности через свои моделирующие механизмы, а с другой, является кратчайшим средством доступа к мыслительному процессу, репрезентирующим и материализующим результаты восприятия мира и его познания. ЯКМ в современной лингвистике отнесена к сложным ментальным конструктам – наиболее значимым и крупным когнитивным моделям [Мишанкина 2010, с. 10]. Изучение еще одного фрагмента ЯКМ, предпринятое в диссертации, дополняет корпус имеющихся данных о ЯКМ как результате моделирования.

Важнейшим механизмом моделирования реальности, воплощенного в ЯКМ, признана метафора [Кустова 2004, Овсянникова 2010, Падучева 2004, Пахомов 2015, Резанова 2012, Мишанкина 2010, Дехнич 2013], понимаемая современной лингвистикой как средство познания нового (область-мишени¹, далее ОМ) через уже известное (область-источник², далее ОИ) [Лакофф, Джонсон 2004, с. 27]. Именно изучение метафорического механизма как механизма когнитивного стоит в центре предпринятого нами исследования. Несмотря на несомненные достижения лингвистики в этой области, важнейшая для лингвистики проблема изучения способности человека соотносить разные фрагменты действительности, создавать образ реальности, интерпретировать ее и вписывать в систему ценностей языкового коллектива по-прежнему интересует науку и далека от окончательного решения.

В результате проведенных исследований метафоры русистике удалось получить значимые результаты в семантике (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, О. А. Башкирцева, Л. И. Горбунова, Ан. А. Зализняк, Г. И. Кустова, И. М. Кобозева, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелев и др.), в изучении метафоры как когнитивного явления (Н. Д. Арутюнова,

¹ *target domain*

² *source domain*

Г. И. Кустова, Ан. А. Зализняк, Е. С. Кубрякова, О. Н. Лагута, Н. А. Мишанкина, Е. В. Падучева, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, З. И. Резанова), в исследовании метафорических моделей (А. А. Абрамова, В. Ю. Апресян, Е. В. Купчик, Н. А. Мишанкина, Е.А. Потураева, З. И. Резанова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия), в описании отдельных фрагментов ЯКМ как результата работы метафорического механизма (Ю. Д. Апресян, Т. В. Булыгина, Т. М. Воронина, Т. В. Леонтьева, В. Мусси, Е. А. Потураева, Д. А. Романов) и использовании метафоры в отдельных видах дискурса (А. Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А. Н. Клименко, Н. А. Ковалев, В. В. Овсянникова, Н. А. Мишанкина, М. В. Пименова, Г. В. Попова, А. П. Чудинов), в теоретической разработке методик исследования метафор (О. Н. Алешина, О. Н. Лагута). Работы указанных авторов послужили теоретической базой данной диссертации.

Достижения в этих областях демонстрируют пристальное внимание лингвистики к результатам метафорического моделирования действительности. Плодотворность применённого подхода и явное преобладание работ, в которых в центре внимания находится ОМ, привели к актуализации вопросов, связанных с понятийными областями, используемыми как база в познании нового, как ОИ. Изучение понятийной области МЕТАЛЛЫ как ОИ предопределяет еще один аспект актуальности данной диссертации.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена также выбором его объекта – понятийной области МЕТАЛЛЫ. Одноименный фрагмент действительности, получивший детальную номинацию в русском языке, является важнейшим в жизни современного человека. Кроме того, металлы давно известны человечеству, играют в его жизни значительную роль, и поэтому о них накоплено много знаний. Металлы имеют разнообразные связи с жизнью современного общества, с ними соотносится множество традиционных представлений, они вписаны в культурный код и систему ценностей [Аверинцев 1973; Петров 2011; Степанова 2018; Салимова 2013; Боваева, Халгаева 2018; Пятова 2011; Виниченко, Плешивцева 2014;

Алекперова 2014; Денисенко 2015; Тодосиенко, Кунафина 2019; Тележко 2018; Жукова 2018; Хуснутдинов, Хуснутдинова 2012; Туреханова 2015; Шестеркина 2010; Сандакова 2018; Парина 2014; Пушкарева 2018]. Естественно, что знания о металлах используются как основа для познания других фрагментов действительности, что придает знаниям о металлах статус базовых. Важность изучения базовых знаний человека отмечена еще основоположниками когнитивного понимания метафоры [Лакофф, Джонсон 2004], однако до сих пор исследования, в которых в фокусе находилась бы ОИ метафоры, являются редкими. Предлагаемая работа позволит получить новые данные об одной из важнейших областей, используемой как источник формирования русской ЯКМ, дополнить и верифицировать уже имеющиеся данные.

Несмотря на важное место, которое занимают металлы в жизни цивилизации и отражение этой области в многочисленных и весьма разнообразных единицах русского языка, эта часть лексики является слабо изученной. Возможно, эта ситуация обусловлена распространенным мнением о том, что описание значения предметного имени сводится к простому описанию объекта, который оно называет (о денотате и сигнификате слов с конкретно-предметным значением см.: [Кобозева 2000б]). С этой точки зрения, семантика не должна заниматься анализом значений таких слов, так как это приведет к утрате семантикой статуса собственно лингвистической дисциплины [Апресян 1974].

Однако изучение роли наименований металлов и их дериватов в метафорическом процессе, во-первых, позволит уточнить знания о значениях соответствующих единиц русского языка, совершенствовать приемы описания значений в словарях. Во-вторых, изучение метафорического потенциала данной области станет основой целостного описания значимого фрагмента русской ЯКМ, а кроме того, даст возможность в дальнейшем представить металлы как категорию, означенную средствами русского языка,

выявить ее состав и устройство, что коррелирует с одной из важнейших задач современной лингвистики по изучению категоризации действительности, закрепленной средствами современного русского языка.

Объектом данного исследования является понятийная область МЕТАЛЛЫ, репрезентированная средствами русского языка.

Предмет исследования – понятийная область МЕТАЛЛЫ как область – источник метафорического осмысления действительности носителями русского языка.

Цель работы – выявить зафиксированную лексическими средствами русского языка информацию о металлах, релевантную для метафорического освоения других фрагментов действительности.

Для достижения данной цели в работе решаются следующие задачи:

1) сформировать корпус единиц, отображающих результаты метафорического освоения действительности: а) наименования металлов, используемые в метафорических значениях, б) словообразовательные дериваты имен металлов, репрезентирующие результаты функционирования метафорического механизма;

2) выявить признаки металлов, задействованные в метафорическом процессе в качестве основы познания других фрагментов действительности;

3) изучить содержание базовых знаний о металлах, формирующих фрагмент русской ЯКМ, разграничить онтологически смежные свойства металлов;

4) исследовать характер концептуализации признаков металлов и их место в системе ценностей русского языкового коллектива;

5) сформулировать принципы применения результатов исследования ОИ в лексикографической практике.

Исследование проводилось на весьма разнообразном материале. Во-первых, это наименования металлов – 14 существительных. Границы дан-

ной группы определялись в несколько этапов. На первом этапе было проведено анкетирование, в котором участвовало 122 информанта старше 16 лет. Каждому из участников было дано задание указать 10 наименований представителей разных классов (деревья, виды транспорта), в том числе и металлов. Затем были отобраны наименования металлов, которые упоминались более 1 раза, тем самым была выявлена центральная группа (*золото, серебро, железо, медь, алюминий, платина, олово, свинец, цинк, уран, бронза, сталь, никель, титан, чугун, латунь, палладий, литий, хром, вольфрам, калий, кальций, натрий, магний, кобальт, молибден, радий, цирконий, бериллий, кремний, кадмий, висмут, цезий, марганец*). На этом этапе в материал были включены наименования сплавов (*латунь и бронза*).

Вторую группу в исследованном материале составили производные слова, входящие в словообразовательные гнезда с вершинным словом из первой группы. Источником данного материала послужил «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов 1990, далее СТ]. Далее из всего составленного массива были избраны только те слова, у которых в словарях зафиксированы метафорические значения ³, а также те, которые использовались в контекстах в метафорических значениях: 23 существительных, 27 прилагательных, 54 глагола, 9 наречий.

Третья группа изученного материала представляет собой данные, отраженные в словарных дефинициях отобранных слов. Этот материал был необходим как зафиксированный результат действия метафорического механизма, как свидетельство работы языкового сознания и языковой рефлексии носителей языка – составителей словарей. Кроме того, материал словарей является традиционной отправной точкой лингвистического исследования, надежным источником языковых данных.

Четвертую группу составили контексты с отобранными языковыми

³ Под метафорическим в работе понимается значение, эксплицирующее работу метафорического механизма.

единицами, представленные в Национальном корпусе русского языка [Национальный корпус русского языка, далее НКРЯ]. Этот материал является важнейшим по нескольким причинам. Он позволил более полно выявить актуальные для метафорического освоения действительности данные о металлах, не зафиксированные в словарях, но актуализируемые в речи. Представленность в НКРЯ всего спектра русских устных и письменных текстов разных стилей и эпох, а также внушительный количественный состав (на момент сбора 30215901 предложение – дата обращения 27. 02. 2017) обеспечивает корректность полученных данных. Сопоставление данных словарей и НКРЯ позволило уточнить словарные данные и стало основой разработки алгоритма применения результатов анализа метафор в лексикографической практике.

Используя прием направленной выборки, мы отобрали и проанализировали более 167 000 контекстов, репрезентирующих метафоры с ОИ МЕТАЛЛЫ. Такое количество контекстов было необходимо задействовать по следующим причинам.

Изучаемая лексика относится к многозначной, поэтому выявление значения возможно только в речевом отрезке. При этом предварительный анализ отобранного материала показал, что для понимания значения, в котором употреблены изучаемые единицы, чаще всего бывает недостаточно даже объема словосочетания. Например, *железный человек* может означать ‘не изменяющий своим убеждениям’, ‘очень крепкий физически’, ‘жесткий’, ‘простой’. Поэтому для выявления значений требовались более широкие контексты.

Кроме того, при анализе отобранных из НКРЯ контекстов с указанными единицами выяснилось, что и в предложении не всегда ясно основание метафорического переноса. Например, в предложении *Крупный священник с медными глазами, которые тяжело ходят из стороны в сторону, как язык колокола на веревке у пономаря* (С. Шаргунов) прилагательное

медный может пониматься как ‘цвета меди’, ‘вызывающий психологический дискомфорт’, ‘бессмысленный’, ‘бесчувственный’. Поэтому для обоснованного выявления информации о металлах, задействованной в метафоре, были отобраны только те контексты, в которых имелись элементы, эксплицирующие необходимую для исследования информацию. Избранный способ отбора материала обеспечил необходимый уровень доказательности выводов.

В качестве иллюстраций контексты представлены в работе в зависимости от их объяснительных возможностей – в сокращенном виде (как фрагменты предложений) и целые предложения или даже фрагменты текста. В диссертации применен иллюстративный способ представления материала.

Основными словарными источниками выступили словари русского языка: «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий 2006, далее БФСРЯ], «Большой энциклопедический словарь» [Большой энциклопедический словарь 2002, далее БЭС], «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000, далее СЕ], «Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.» [Словарь современного русского литературного языка 1950-1965, далее БАС], «Словарь русского языка: в 4-х т.» [Словарь русского языка 1981-1984, далее МАС], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2003, далее СОШ], «Толковый словарь русского языка: в 4 т.» под ред. Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка 2000, далее СУ], «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль 1981–1982, далее СД], «Большой толково-фразеологический словарь» М. И. Михельсона [Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона 2004, далее СМ].

Обращение к столь разнородным и обширным источникам информации обусловлено стремлением представить изучаемый языковой материал наиболее полно, выявить значения языковых единиц, не зафиксированные словарями, что позволило не только зарегистрировать значения, но и уточнить семантический потенциал описываемых средств, с достаточной полнотой установить состав знаний о металлах. Поэтому в исследуемый материал включены как единицы, зафиксированные словарями, так и представленные только в контекстах. Последняя группа является особо ценной, т.к. в том числе отражает регулярность когнитивной метафорической модели с источником МЕТАЛЛЫ и системность знаний о металлах, непротиворечивость соответствующего фрагмента ЯКМ.

Методы исследования. В работе осуществлен антропоцентрический подход к анализу языковых единиц, в рамках которого язык понимается как система, которая «существует в человеке для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак 1998, с. 369].

В соответствии с избранным подходом основным лингвистическим методом, использованным в диссертации, является метод моделирования – метод лингвистического исследования, состоящий построении специфического объекта (модели), отражающего свойства, характеристики и связи объекта-оригинала, с целью получения и (или) хранения информации. Цель применения метода моделирования в диссертации – изучение фрагмента ЯКМ, связанного с представлениями носителей русского языка о металлах.

Значительную роль в достижении указанной цели сыграл анализ словарных дефиниций, который был необходим для формирования основной части материала исследования, для выявления признаков металлов, используемых или не используемых в метафорическом процессе, а также для анализа адекватности словарного представления когнитивной базы, лежащей в

основе производных значений изучаемых слов. Важно, что в словарной дефиниции отражается то, какую информацию создатель словаря – носитель языка – усматривает за описываемой единицей, а это в ряде случаев весьма значимо для исследования.

Моделирование также базируется на контекстуальном анализе как способе выявления всего спектра значений языковых единиц и когнитивных основ метафорического представления мира. Это традиционный способ анализа, используемый российскими лингвистами в области семантики, т.к. «разрешенной» основой для лингвистического анализа является исключительно языковое поведение» [Рахилина 2000, с. 19]. «При этом важнейшей является установка, что о когнитивной стороне языковой деятельности, о содержании языковой картины мира мы можем судить только на основании функционирования единиц языка. Особенностью работ, написанных в русле этого направления лингвистики, является то, что выводы об антропоцентричности языка, о фундаментальности представлений о языковой картине мира, о том, что языковой знак отражает не объект, а его образ, не являются исходными для лингвистического исследования, а следуют из тщательного изучения значения языковой единицы и ее функционирования» [Горбунова 2011, с. 9]. «При семантическом анализе исследователь имеет дело именно с речью: он должен вывести значение из наблюдаемых фактов употребления» [Селиверстова 2004, с. 35]. Именно обнаружение и анализ роли релевантных элементов контекста позволили выявить набор эксплуатируемых в ходе познания признаков металлов, определить их содержание и аксиологическую наполненность. Использование данной методики позволило реализовать ориентацию современной лингвистики на объяснительность.

Контекстуальный анализ, или, в терминах Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], анализ синтагматически связанной группы слов, использовался в качестве необходимого дополнения к анализу словарных дефиниций по целому ряду причин.

Во-первых, анализ словарных дефиниций, в силу их неполноты, не позволяет выявить все значения наименований металлов и их дериватов. Контекстуальный анализ дал возможность восполнить этот пробел, таким образом наиболее широко представить спектр производных метафорических значений языковых единиц, отражающих результаты метафоры. Во-вторых, значение многих единиц, использованных в качестве материала диссертации, в высокой степени контекстуально обусловлено, поэтому когнитивные основания появления метафорического значения можно обнаружить только через анализ элементов широкого контекста. Таким образом, контексты использовались в том числе в качестве диагностического окружения, обеспечивающего дифференциацию когнитивной информации, лежащей в основе конкретного метафорического употребления языкового выражения.

При сборе материала было использовано анкетирование для определения границ центральной части класса наименований металлов.

С помощью направленной выборки был сформирован корпус наименований металлов и их дериватов, используемых в метафорических значениях, а также контекстов, эксплицирующих когнитивные основания метафоры и содержание признаков металлов, задействованных в метафорах.

Общенаучные приемы синтеза, анализа, научного описания, абстрагирования, обобщения применялись на всех этапах работы.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

– впервые собран и проанализирован новый лингвистический материал – лексические номинации металлов и их дериваты, репрезентирующие знания языкового коллектива о металлах, используемые в качестве источника освоения других областей действительности;

– выявлены и описаны когнитивные основания метафор с ОИ МЕТАЛЛЫ, в том числе обнаружены ранее не отмечавшиеся признаки, использованные как основания метафорического переноса наименований;

– из всего спектра знаний о металлах выделены свойства, актуальные

для формирования фрагмента русской ЯКМ;

- изучено содержание этих свойств, охарактеризован способ их концептуализации и место в системе ценностей носителей русского языка;
- структурирована область знания МЕТАЛЛЫ, отраженная средствами русского языка: выявлен состав признаков, формирующих данную область, их группировка и характер корреляции;
- доказана эффективность анализа ОИ метафоры при отборе информации, отражаемой в словарной дефиниции, а также при разграничении и отождествлении значений полисеманта.

Теоретическая значимость работы обусловлена ее вкладом в когнитивную теорию метафоры: на новом материале рассмотрена проблема функционирования ОИ когнитивной метафоры; уточнены и расширены характеристики и состав базовых знаний; выявлена продуктивность использования знаний о металлах при метафорическом освоении действительности; продемонстрирована роль перцепции и культурного опыта в формировании базовых знаний; подтверждены данные о целостности образа объекта, использованного как источник метафоры.

Кроме того, целостное и целенаправленное описание ОИ МЕТАЛЛЫ может служить отправной точкой верификации и уточнения выводов, уже сделанных лингвистикой о некоторых ОМ и метафорических моделях. На новом материале подтвержден антропоцентризм и антропоморфизм русской ЯКМ, а также идея о реализованной и потенциальной части понятийной области, выступающей источником метафоры.

На основе разработанного алгоритма описания понятийной области МЕТАЛЛЫ и соответствующего фрагмента русской ЯКМ могут выполняться исследования других понятийных областей и фрагментов русской ЯКМ, а также может проводиться сопоставление разных ЯКМ на основе единого методологического подхода.

Регистрация когнитивно значимых признаков металлов и выявление их содержания позволяет углубить знания о природе языкового механизма.

Полное описание изученного участка языка может стать частью эмпирической базы для сопоставительных исследований и «позволит в дальнейшем восполнить серьезную лакуну современной семантики – практически полное отсутствие работ по теме, которую можно было бы назвать «лексической типологией», и сравнить весь объем сведений, необходимых для употребления семантически близких слов в разных языках» [Рахилина 2000, с. 27].

Практическая значимость диссертации заключается в разработке алгоритма использования анализа ОИ когнитивной метафоры в лексикографической практике, особенно при создании словарей активного типа для составления словников, разработки принципов описания слов и структуры словарной дефиниции. Кроме того, данные о релевантных для метафорического процесса признаках, полученные в диссертации, могут лечь в основу уточнения и расширения содержания дефиниций традиционных толковых словарей, помочь более точно представить систему значений полисемантов.

Основные положения и выводы об ОИ когнитивной метафоры могут быть использованы в практике преподавания курсов по современной теоретической лингвистике, а конкретные данные о когнитивной составляющей концептуальной области МЕТАЛЛЫ могут составить содержание курсов по метафорологии, русского языка как иностранного, лингвокультурологии.

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на базовые теоретические положения современной антропоцентрической парадигмы – когнитивной теории метафоры, теории ЯКМ; использованием метода когнитивного моделирования и приемов семантического анализа при описании репрезентативного по объему и разнообразию материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная метафора играет значительную роль в формирова-

нии и репрезентации фрагмента русской ЯКМ, связанного с представлениями о металлах. Функционирование языковых выражений, репрезентирующих результаты метафоры с ОИ МЕТАЛЛЫ, эксплицирует актуальные для русского языкового коллектива знания о металлах, используемые для освоения других фрагментов действительности. Регулярность использования таких знаний, высокая степень структурированности понятийной области МЕТАЛЛЫ обуславливают ее функционирование в качестве ОИ метафоры и позволяют квалифицировать знания о металлах как базовые для носителя русского языка.

2. Структурированность понятийной области МЕТАЛЛЫ обнаруживается в том, что признаки металлов, используемые в метафорическом процессе, объединяются в две группы на основе их происхождения – перцептуальные и экспериенциальные. Между перцептуальными и экспериенциальными признаками каждого металла прослеживается корреляция, что обеспечивает высокую степень предсказуемости новых метафорических значений соответствующей лексики.

3. В формировании понятийной области МЕТАЛЛЫ существенную роль играет физический опыт, что проявляется в актуальности перцептуальных признаков металлов для метафорического освоения действительности. К перцептуальным – чувственно воспринимаемым объективно существующим у металлов как у элементов неживой природы – признакам относятся ‘цвет’, ‘блеск’, ‘вес’, ‘звук’, ‘твердость’ и ‘прочность’. Отражение знаний о весе металлов, степени устойчивости к деформации и разрушению в русской ЯКМ отличается от научных представлений. В ЯКМ для металлов это абсолютные признаки, которые не могут изменяться по степени интенсивности: вес металлов представлен только через признак ‘тяжелый’, степень устойчивости к деформации только как ‘твердость’, степень устойчивости к разрушению только как ‘прочность’. Среди перцептуальных признаков имеются редко используемые (‘непроницаемость’, ‘холод’, ‘запах’,

‘вкус’), наличие которых демонстрирует когнитивный потенциал понятийной области МЕТАЛЛЫ. Перцептуальные признаки вписаны в систему ценностей языкового коллектива и концептуализированы определенным образом. Концептуализация перцептуальных признаков культурно обусловлена.

4. Культурный опыт является значимым фактором, обуславливающим объем и содержание понятийной области МЕТАЛЛЫ. В метафорическом процессе активно задействованы экспериенциальные признаки, которыми металлы наделил человек в результате сопоставления с самим собой (‘неспособность мыслить’, ‘неспособность чувствовать’), физического (‘жесткость’) или оперативного (‘ценность’, ‘способность украшать’) взаимодействия. Особое место в русской ЯКМ отводится признаку металлов ‘ценность’: только он отражается как проявляющийся в разной степени интенсивности; только по отношению к нему в языке последовательно отмечается как наличие, так и отсутствие.

5. В русской ЯКМ на основе соотнесения с положительной / отрицательной зонами аксиологической шкалы противопоставляются друг другу две группы металлов. Золото, серебро и реже платина соотносятся с положительной зоной аксиологической шкалы. Также отчетливо выделяется группа металлов, осмысленных как противопоставленные и даже враждебные человеку (прежде всего это железо, сталь, в меньшей мере чугун и свинец).

6. Концептуализация перцептуальных признаков, само наличие экспериенциальных признаков и выявленная корреляция между двумя видами признаков демонстрирует антропоцентричность изученного фрагмента русской ЯКМ, обеспечивает целостный характер образа каждого из металлов.

7. Выявление признаков металлов, используемых как источник метафоры, является надежным основанием для отбора информации, которую необходимо отразить в словарной дефиниции, а также для корректного

представления семантической структуры многозначного слова.

Основные положения работы были представлены на научных конференциях разных уровней: на Научно-практической студенческой конференции Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, в рамках секции «Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики» (Иркутск, 27 марта 2019 г.); VII Международной научно-методической конференции «Филологические открытия» (Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, 23 мая 2019 г.); Международной научной конференции, посвященной столетию Иркутского государственного университета «Пространства коммуникации: Язык Литература Медиа» в рамках секции «Когнитивные исследования языка: от теоретических установок к результатам» (Иркутск, 19 сентября 2018 г.); Международной научно-практической конференции, посвященной столетию Иркутского государственного университета «Россия-Китай: вызовы глобализации, перспективы сотрудничества в Сибирско-Дальневосточном пространстве» в рамках секции «Аутентичный диалог России и Китая в пространстве культур, языка и лингводидактики» (Иркутск, 24 октября 2018 г.); научно-практической конференции «Неделя науки в ИФИЯМ» в рамках секции «Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики» (Иркутск, 28 марта 2018 г.); VII Международной научно-практической конференции «Русское слово: синхронический и диахронический аспекты» (Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево, 14 декабря 2017 г.)

Основное содержание работы отражено в 10 публикациях, из них 4 статьи опубликованы в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, 1 в журнале, включенном в базу Scopus.

Личный вклад соискателя состоит в сборе, обработке, классификации

и анализе языкового материала, разработке методики анализа, интерпретации результатов, формулировании выводов, представлении результатов исследования на конференциях и в публикациях.

Структура работы.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и двух приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется цель, задачи работы, описывается объект исследования, задаются границы материала, изученного в диссертации. Кроме того, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Теоретические основы изучения понятийной области МЕТАЛЛЫ как источника метафоры» представлены теоретические положения современной лингвистики, положенные в основу данной работы, рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с предложенной проблематикой, определяется понятийный аппарат исследования, устанавливается связь рассмотренных теоретических установок и задач, решаемых в диссертации.

В главе 2 «Перцептуальные признаки металлов, выступающие в качестве когнитивного источника метафоры» изучаются признаки металлов, имманентно присущие им и воспринимаемые чувственно, разграничиваются смежные признаки, уточняется их соотношение, описывается физическая и концептуальная составляющая этих признаков.

В главе 3 «Экспериментальные признаки металлов, выступающие в качестве когнитивного источника метафоры» описываются признаки, которыми металлы наделил человек, выявляется их корреляция с перцептуальными признаками.

В заключении формулируются выводы, которые удалось сделать в ходе работы.

В приложении 1 предлагается алфавитный перечень русских наименований металлов и их дериватов, отражающих результаты метафоры с ОИ МЕТАЛЛЫ.

В приложении 2 представлены результаты опроса, на основании которого корректировался отбор материала исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «МЕТАЛЛЫ» КАК ИСТОЧНИКА МЕТАФОРЫ

Современный этап существования лингвистики характеризуется антропоцентричностью. В рамках этого подхода решается задача изучения роли языка в жизни человека. Названный антропоцентрический подход к исследованию языка обеспечил значительные достижения как в понимании механизмов функционирования языка в целом, так и соотношения отражаемой в высказывании внеязыковой действительности и значения языковой единицы. Интенсивные поиски в этом направлении естественным образом привели к появлению огромного количества лингвистических концепций, новых лингвистических понятий.

Задача данной главы – описать содержание тех лингвистических представлений, которые позволяют выявить и очертить состав и содержание знаний о металлах, выступающих источником знаний о других фрагментах действительности и реализованных в производных метафорических значениях описываемых языковых единиц. Кроме того, множественность, а часто и противоречивость смыслов, в которых употребляются некоторые необходимые для нашего исследования термины, требуют уточнения их содержания.

1.1 «Языковая картина мира» как один из ключевых терминов современной лингвистики

Важнейшим понятием, которое используется современной лингвистической парадигмой для изучения языка, является **языковая картина мира** (далее ЯКМ) – «определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого

языка» [Апресян 1986, с. 5], это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Каналаш 2011, с. 62].

Главным результатом исследований ЯКМ является теоретическое обоснование термина, выявление основных характеристик ЯКМ, определение ее специфики как наивной, противопоставление научной, мифологической и художественной картине мира и сопоставление с ними [Апресян 1986; Арутюнова 1987, 1999; Бесценная 1982; Булыгина, Шмелев 1997; Вендина 1998, 2002; Гачев 1998; Кубрякова 1988; Кустова 2004; Колшанский 1990; Корнилов 2003; Маковский 1992; Мейлах 1974; Николаева 1983; Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике 2000; Постовалова 1988; Серебренников 1988; Урысон 1995, 1996, 1998, 1999, 2003; Цивьян 2006; Шмелев 2002].

Практика применения этого термина продемонстрировала продуктивность осуществляемого подхода, в том числе при изучении семантики языковых единиц. «Понятие наивной картины мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными» [Апресян 1986, с. 6].

Изучение ЯКМ и ее отдельных фрагментов приводит к выводу о том, что окружающий мир отражается в языке не зеркально, что «в языке находят отражения те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим язы-

ком» [Шмелев 2002, с. 12], что, например, «описание пространства на естественном языке содержит определенную интерпретацию визуальной информации, служащей отправной точкой для его порождения» [Кобозева 2000а, с. 152–153]. Эти наблюдения легко распространяется на другие фрагменты действительности, отраженные в языке, в результате чего делается вывод об избирательности языка в описании окружающего мира и ставится задача выявить, какие фрагменты действительности отражены в конкретном языке и как это осуществлено его средствами ⁴. Доказывается, что «это отображение, конечно, в каком-то смысле означает ее искажение: некоторые свойства объектов при отображении неизбежно теряются, а остаются только безусловно значимые» [Рахилина 2000, с. 15] (см. также [Кубрякова 1994]).

Таким образом, важнейшей теоретической установкой при изучении ЯКМ, является понимание того, что не все знания о мире, имеющиеся у языкового коллектива, отражаются в языке и используются при передаче информации с помощью языка. «Так, например, формирующие языковой образ (стереотип) камня признаки “крепость”, “неподвижность”, “несокрушимость”, отраженные в таких выражениях, как *каменное лицо*, *сердце не камень*, *как за каменной стеной* и т. д., находят подтверждение в традиционной ритуальной практике <...>. Однако другие свойства камня, составляющие его культурный образ в народной картине мира, не получают отражения в языке. О том, что камни растут, что они могут падать с неба, что они могут быть оружием божества или нечистой силы <...> – обо всем этом мы не можем узнать “из языка”, эти черты культурного образа камня реконструируются из верований, обрядов, бытовой практики, но не имеют прямого языкового подтверждения» [Толстая 1995: 126].

⁴ Ср., например, толкование наименований насекомых, рыб и характеристику ЯКМ в этой связи: «Она как бы “игнорирует” все более полное научное знание и выбирает из него лишь то, что ей нужно для выполнения своей функции: воспроизведение в коллективном сознании языкового социума обиходного, приблизительного представления о той или иной части окружающего мира» [Корнилов 2003, с. 42].

В этом направлении имеются существенные достижения, которые состоят в моделировании отдельных фрагментов ЯКМ, зафиксированных средствами русского и других языков мира, однако исчерпывающее описание значимых для представления о русской ЯКМ областях еще не достигнуто. В предлагаемой работе ставится цель выявить, какие знания о металлах отражены средствами русского языка и избраны его носителями в качестве когнитивной основы для познания других фрагментов мира. Таким образом можно будет выявить центральную с когнитивной точки зрения информацию о металлах, наиболее актуальную именно для носителей русского языка.

В связи с введением в лингвистический обиход понятия ЯКМ поставлен вопрос о разграничении языковой и энциклопедической информации [Апресян 1974, 1995] прежде всего в связи с содержанием словарной дефиниции [Апресян 1995]. Однако появляется большое количество работ, в которых доказывается, что особенно при метафорической мотивации часто невозможно объяснить появление нового словоупотребления и понять его без учета экстралингвистической, в том числе когнитивной, информации, не содержащейся в исходном значении [Вендина 2002; Гусева 2008; Ермакова 2000; Зализняк 2006; Кобозева 2000а; Рахилина 2000]. «Лингвист, по видимому, обязан ее “регистировать”, и чем полнее будут его наблюдения, тем больше мы будем знать о природе языкового механизма» [Рахилина 2000, с. 28]. Поэтому в современной лексикографической практике несколько изменены ориентиры, в современных словарях уже, как правило, не ставится вопрос о жёстком разграничении именно этих типов информации. Однако вопрос об отборе признаков, которые необходимо отражать в словарной статье, остается по-прежнему актуальным. Обращение к составу признаков описываемого фрагмента ЯКМ, задействованных в когнитивных процессах, в том числе в метафоре, позволяет обрести важный критерий отбора информации, включенной в дефиницию.

Значимым положением, которое характеризует современное представление науки о ЯКМ, был вывод о том, что «ЯКМ включает в себя не только мир объективный, но и все то, что существует только в человеческом сознании и нигде, кроме него (субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, мифы в широком понимании)» [Корнилов 2003, с. 74]. В ЯКМ происходит интерпретация, концептуализация отражаемых объектов и фрагментов действительности [Вежбицкая 1996; Кравченко 2018; Панасенко 2014; Горбунова 2010; Гатаулина 2005; Красавский 2001; Рахилина 2000; Леонтьева 2008; Мусси 2014; Кустова 2004; Башкирцева 2011]. Поставленная задача исчерпывающего описания характера и механизмов этой интерпретации, релевантных для формирования ЯКМ, для соотношения реальности и содержания высказывания, не может быть признана решенной. Изучение признаков металлов, используемых как источник когнитивной метафоры, позволит в том числе выявить место, отводимое металлам в жизни, трактовку того, как воспринимается взаимодействие человека с ними, а также систему понятий, в том числе ценностных, в которых носитель русского языка осмысляет металлы.

Важнейшей характеристикой ЯКМ является ее антропоцентричность⁵. Основные определения этого понятия всегда включают компонент, отражающий связь ЯКМ и языкового коллектива: «понятие НЯКМ⁶ базируется на признании того факта, что любой национальный язык является неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [Корнилов 2003, с. 137]. Исследователи подчеркивают, что творцом и носителем ЯКМ является человек.

⁵ Об истории вопроса см. [Алпатов 1993].

⁶ национальных языковых картин мира – Ц. В.

Антропоцентризм ЯКМ проявляется также и в ее составе. Как уже говорилось, мир в языке отражается избирательно, а само «наличие в картине лакун (“пустых клеток”) не есть недоработанность картины мира, а следствие особенностей мира и человека. Мир бесконечен и загадочен для человека, а человек конечен и ограничен в своих познавательных возможностях. Так как картина мира не представляет собой законченного образа мира, она обладает особой пластичностью, подвижностью, поливариантностью» [Роль человеческого фактора... 1988, с. 11], лакуны предстают как объекты, явления, понятия, важные и заметные для одного народа и незначимые для другого. Тот факт, что в языке очень подробно отражается сам человек и те фрагменты мира, с которыми он регулярно контактирует в обыденной жизни, также является проявлением антропоцентричности.

Еще один аспект антропоцентричности ЯКМ современная лингвистика усматривает в том, как отражается мир в языке. Человек в этом случае (размеры и устройство его тела, способ взаимодействия с объектами, применение объекта в обыденной жизни человека, отводимое объекту место в системе ценностей человека и общества и т.п.) является своеобразной естественной точкой отсчета. Подчеркивается, что «антропоцентричность описания языка должна быть его главной доминантой: в языковой картине мира никак нельзя “упустить” информацию, которая значима для человека» [Рахилина 2000, с. 16]. С связи с данным пониманием антропоцентричности принято отмечать эгоцентричность языка. Эгоцентричной является дейктическая, параметрическая лексика, многие качественные прилагательные, слова, в значение которых встроено представление о норме и т. д. [Апресян 1986, 1995; Арутюнова 1987, 1988; Рахилина 2000; Кобозева 2000б; Урысон 1998, 1999, 2003; Кустова 2004; Горбунова 2010; Ефанова 2013; Постовалова 1988; Серебренников 1988; Пименова, Сергеева 2003; Шмелев 1997, 2002]. «Язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо

большой степени, чем признается в настоящее время. Далеко идущие выводы из этого факта предстоит сделать и лингвистике вообще, и лексикографии в частности» [Апресян 1995, с. 296].

Таким образом, изучение ЯКМ, зафиксированной конкретным языком, является, с одной стороны, важнейшей целью современной лингвистики, так как достижение этой цели позволит говорить о том, что обнаружен набор знаний о мире, релевантный для данного языкового коллектива. С другой стороны, знания о ЯКМ позволяют понимать использование имеющихся языковых единиц и появление новых употреблений.

1.2. Область-источник когнитивной метафоры как объект лингвистического описания

Современная лингвистика предлагает рассматривать метафорологию «как междисциплинарную отрасль научного знания, исследовательским объектом которой является как собственно метафорогенная деятельность человека, так и результаты этой деятельности» [Алешина 2003: 56], одним из таких результатов признана ЯКМ [Алешина 2003; Лагута 2003; Мишанкина 2010]. Характер ЯКМ в значительной мере определяется системой метафор, используемых языковым коллективом в процессе познания и отражения действительности.

Развитие метафорологии со второй половины XX в. во многом обусловлено следующим выводом Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25]. Главной революционной идеей в понимании метафоры стало выделение ее новой функции – когнитивной, а она сама была определена как процесс и результат установления связи между областью-источником (*source domain*, далее ОИ) и областью-мишенью (*target domain*, далее ОМ): «Сущность метафоры со-

стоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 27]. Так как метафоры, представленные в языке, соотносятся с метафорическими представлениями о действительности, то изучение метафорических выражений можно использовать для исследования когнитивной деятельности человека.

Понятийная система формируется в результате функционирования человека в материальном и культурном окружении. Характеризуя понятийные области, которые используются как ОИ, Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают два важнейших соотношения: конкретное – абстрактное и экспериенциальное – культурное. Как следует из изложения, эти виды отношений тесно переплетены, сложно взаимодействуют.

ОИ и ОМ не эквиваленты с точки зрения направления метафоризации. Авторы теории концептуальной метафоры характеризуют ОИ как более конкретное знание, оно формируется как результат физического взаимодействия человека с окружающим миром. Противопоставление ОИ и ОМ по степени конкретности стало довольно часто воспроизводимым тезисом в современной метафорологии.⁷ «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или неструктурированные по своей природе сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993, с. 245]⁸.

Тезис об однонаправленности метафоры от конкретного к абстрактному критикуется чаще всего. В работах по когнитивной метафоре доказывается, что в качестве ОИ могут выступать и нематериальные области [Попова, Клименко 2017; Ковалев 2017; 苏傲 2012] и, более того, что метафора обратима. При этом уже описанный языковой материал свидетельствует,

⁷ Ср., например: «С точки зрения исследователей, функция концептуальных метафор состоит в представлении сложных и отвлеченных событий с помощью более простых и конкретных. Метафора является единственным способом осмысления абстрактных сущностей» [Попова, Клименко 2017, с. 53].

⁸ Metaphor allows us to understand a relatively abstract or inherently unstructured subject matter in terms of a more concrete, or at least highly structured subject matter (перевод наш. – Ц.В.)

что среди выявленных ОИ нематериальные сферы встречаются намного реже, чем конкретные, материальные; в случаях обратимости метафор взаимодействуют чаще, хотя и не исключительно, также материальные области (**человек – машина, человек – дом, человек – растение, человек – животное**) [Резанова 2012; Ковалев 2017; 苏傲 2012].

В разделе о структурных метафорах Дж. Лакофф и М. Джонсон анализируют и метафоры с ОИ, не напрямую относящимися к конкретно-предметным областям: **война, ресурс, вещество, азартная игра, колдовство**. Обоснование возможности использования знаний о данных областях действительности в функции ОИ – осмысление мира «в достаточно более точных терминах» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 97], «в терминах, более удобных для понимания» [там же].

В книге «Метафоры, которыми мы живем» предпринимается попытка объяснить, почему метафорический процесс обычно направлен от материальных областей к нематериальным. Говоря о базовом опыте человека, к которому относится не только сенсорно-моторный, но и эмоциональный, ментальный, культурный, Дж. Лакофф и М. Джонсон особо выделяют физический опыт, так как он определяется в терминах функций человеческого тела, рождается из двигательной активности человека, поэтому конкретен, структурирован и не нуждается в дальнейшем истолковании. Эмоциональный же опыт «существенно менее четко определен в терминах функций человеческого тела» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 94] и «никакая ясно определенная понятийная структура для эмоций не возникает исключительно на базе пережитых эмоций» [там же]. Поэтому эмоции, будучи также частью опыта, не могут быть определены сами по себе и их определение нуждается в когнитивной опоре.

Итак, поскольку физический опыт определен более четко, это является одной из причин того, что нефизическое обычно концептуализируется в терминах физического.

Дж. Лакофф и М. Джонсон также отвечают на вопрос о соотношении перцептуального и концептуального в метафоре. Одним из важнейших положений когнитивного подхода к пониманию метафоры является следующее: «Для описания оснований понятийной системы, пожалуй, наиболее важно разграничить опыт и то, как мы его концептуализируем» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 95].

М. Джонсон является автором термина **образная схема** (или **образ-схема, image-schema**), который используется при обосновании когнитивного представления о метафоре.

ОИ формируется на основе обобщения опыта обыденного взаимодействия с миром и представляет собой систему схем образов (image schema), которые регулярно воспроизводятся при физическом взаимодействии с миром. Образ-схема – это динамический образец (pattern) восприятия и моторных программ, схематическая структура, с помощью которой организуется наш опыт, придающая ему связность и упорядоченность. Именно категории, связанные с физическим опытом, продемонстрированы в классическом труде «Метафоры, которыми мы живем» (**верх, низ, перед, зад, путь, вместительность**).

При этом Дж. Лакофф и М. Джонсон подробно описывают роль физического опыта и культуры в формировании ОИ. Ученые не определяют, что такое физический и культурный опыт, однако из изложения материала можно понять, что физический опыт складывается из впечатлений о функционировании тела, его положения в пространстве, соотношения функций тела и локализации. Культурный же опыт формируется на основе взаимодействия с окружающим миром, использования его составляющих, выделения роли фрагментов мира в жизни человека, целесообразности их использования.

Утверждая, что многие метафоры основаны на телесном опыте, Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что даже он не определяется

только формой тела – любой опыт вплетен в культуру. Нельзя также говорить, что телесный опыт просто интерпретируется культурой, как бы накладывается на него. «Более корректно утверждение, что опыт составляет плоть нашей культуры, что мы познаем “мир” так, что наша культура уже включена в каждый акт познания-опыта» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 94]. Говоря о культурной обусловленности метафор, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают и физическую обусловленность метафор, отмечая, что об этом мало что известно, поэтому их выводы могут быть неточными.

Таким образом, даже ориентационные метафоры, которые являются отражением физического опыта, того, что «наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 35], не самоочевидны, они отличаются тем, как вплетены пространственные понятия в ту или иную культуру, как они концептуализированы. «Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные оппозиции **верх – низ, внутри – снаружи** и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 35], поэтому, изучая содержание таких метафорических выражений, можно установить содержание опыта, приобретенного носителями той или иной культуры.

Если попытаться вычленив из анализа метафорических выражений, анализируемых в книге, какие знания о пространстве наиболее актуальны для англоязычной культуры, то можно утверждать, что, например, локализация наверху связывается с общим позитивным состоянием. Согласованность же метафор позволяет сказать, что к позитивному относится власть, сила, успех, увеличение, веселье, предсказуемость, будущее, неизвестное, добродетель, рациональное, здоровье, жизнь. Разнообразные представления о верхе объясняются тем, что «вертикальное измерение различными способами вторгается в область нашего опыта» [Лакофф, Джонсон 2004,

с. 43], в результате создается целый комплекс представлений о фрагменте действительности, который позже используется для познания чего-то иного, т. е. об ОИ.

Таким образом, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, перцептуальное и концептуальное сложным образом взаимодействуют в метафорическом процессе. Но все же в познании-опыте выделяются более физические⁹ (например, принятие вертикального положения) и более культурные¹⁰ установки.

Ставится задача по возможности выявить эмпирические и культурные основания представлений о **верхе** и других ОИ. Описание же ОИ позволяет сделать выводы о картине мира носителей языка. Предполагая, что многие пространственные концепты встречаются во всех культурах, авторы считают, что то, «как концепты ориентированы и какие ориентации важнее, в разных культурах различно» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 48]. Поскольку в англосаксонской культуре **верх** связывается с положительной зоной аксиологической шкалы, он и способен быть ОИ для представления перечисленных смыслов. Само существование оппозиции **верх–низ** как важнейших ОИ также говорит о центральности и значимости вертикальной ориентации для англосаксов, хотя в других культурах эта оппозиция может не быть настолько значимой, уступая место, например, противопоставлению **центра** и **периферии**. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят примеры представлений о **верхе** и **ниже**, отличающихся от англосаксонских.

Составляющим физического опыта, выбранным данной культурой как основание метафор, присваивается статус базовых. Вводя понятие **базовые концепты**, Дж. Лакофф и М. Джонсон не определяют его, однако приводят примеры: **физическая ориентация, объекты, субстанции, виденье, путешествия, война, сумасшествие, пища, строение**. При первом

⁹ Выражение предложено переводчиком в [Лакофф, Джонсон 2004, с. 94].

¹⁰ Там же.

приближении понятно, что этот список не исчерпывающий, далеко не системно представляет базовый опыт человека и включает не только представления, сформированные на основе перцептуального опыта.

Основной вывод, который следует из изложения соотношения между физическим и культурным, таков: «Материальное основание метафоры неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 43].

Составляющие ОИ и их характеристики Дж. Лакофф и М. Джонсон называют фрагментами концепта, которые играют неодинаковую роль в метафорическом процессе.

Согласно исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, ОИ имеет традиционно используемую и не используемую в метафоре часть. «Метафорические концепты лишь фрагментарно используются для структурирования наших обычных понятий. Метафорические концепты выходят за область буквального, так как неизбежно содержат части, которые в обычном случае не используются для осмысления обыденных представлений человека» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 90].

В нескольких главах своей работы авторы подчеркивают идею отбора характеристик ОИ для использования в структурировании мира. Отбор осуществляется под влиянием культуры. Сами результаты этого отбора являются значимыми для познания когнитивной деятельности человека. Очевидно, что задействованные в метафоре фрагменты ОИ оказываются особыми.

Таким образом, важно выявить те характеристики ОИ, которые эксплицируются в метафорических выражениях, отражают наиболее существенные с точки зрения данной культуры признаки и свойства. Это значимо для когнитивной лингвистики, поскольку позволит выявить состав базовых знаний. Это важно также и для составления традиционных толковых словарей. Например, если проанализировать признаки металлов, которые

указываются в словарных дефинициях наименований металлов, то возникает впечатление некоторой случайности отбора.

Это необходимо также и для словарей активного типа, поскольку позволит более обоснованно составить словники, отобрать лексику, отражающую ключевые понятия и представления языкового коллектива. Кроме того, выявление и изучение характеристик, используемых как источники когнитивной метафоры, будет основанием для включения сведений о них в словарь, т.к. именно эти сведения являются основой для использования и понимания единиц языка. В таком случае становится по-настоящему понятно, что «ЛЮДИ ИМЕЮТ В ВИДУ ¹¹, когда они употребляют слова» [Вежбицкая 1996, с. 236].

По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, словарные дефиниции, в которых фиксируются производные метафорические значения слов, отражают результаты регулярного использования фрагментов ОИ. Однако именно в потенциале неиспользуемых частей состоит образность авторских метафор, «в особых контекстах вполне можно создать новые метафоры, основанные на этих компонентах метафорического концепта» [Лакофф, Джонсон 2004: 91]. Участие в когнитивном освоении ОМ используемой или неиспользуемой в метафоре части – основание для квалификации речи как обычной или образной, творческой.

Поскольку, как считают Дж. Лакофф и М. Джонсон, авторские метафоры не структурируют обыденный опыт человека, а возникают чаще в субкультурах, то такого рода метафоры представляют относительный интерес для науки. Однако, как показывает анализ языкового материала, использование новых аспектов ОИ происходит не так уж редко и реализуется всем языковым коллективом. Например, в словарях не отмечены колористическое и ценностное значения прилагательного *платиновый*, однако они довольно частотны в речи современного человека и не привязаны к какой-

¹¹ Выделено А. Вежбицкой.

либо социальной или возрастной группе (*платиновая блондинка, платиновая карта*).

В связи с анализом категории каузации Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят о сложности устройства некоторых базовых категорий, которые одновременно являются холистичными, функционируют как некая целостность, так как формируются на основе постоянно повторяющегося комплекса характеристик, но при этом допускают неограниченно глубокий анализ. Как представляется, и фрагменты материальной действительности также представляют собой разложимую целостность, что обусловлено синтетичностью человеческого восприятия и способностью к анализу.

Итак, целостные ОИ можно разложить на составляющие, выделить характеристики, которые разнообразно вовлекаются в процесс метафорического освоения мира.

Огромное количество и многоаспектность современных когнитивных исследований метафоры свидетельствует об устойчивом интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафора признается средством познания действительности, инструментом организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности. И если изучать метафору в первом из названных аспектов, то в фокусе должна находиться ОМ, если же в двух последующих, то внимание необходимо направить скорее на ОИ.

Однако изложение новых представлений о метафоре в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона выстроено таким образом, что имплицитно задан и основной вектор изучения метафоры в когнитивной лингвистике – сосредоточенность на ОМ. Логика здесь такова: задача когнитивной лингвистики, в том числе и метафорики, – описать участие языка в мышлении и познании; результатом и целью метафоры является новое знание, следовательно, чтобы через метафору понять работу когнитивного механизма, надо исследовать ОМ.

Дж. Лакофф и М. Джонсон формулируют и описывают некоторые метафорические модели. При этом даже в этих формулировках ОМ выдвигается на первый план, занимая место подлежащего. ОИ выступает здесь как характеристика ОМ, соотносимая с предикатом. В результате получается некоторый перечень ОМ, вводимый формулой «они концептуализируются как...» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 76]. Сама синтаксическая конструкция предполагает, что здесь представлено знание именно об ОМ.

ОИ при анализе метафорических моделей характеризуется опосредованно, только для того, чтобы описать ОМ: «Метафора машины создает представление о разуме как об устройстве¹², которое характеризуется фазами включения-выключения, эффективностью, произведенной мощностью, в котором есть внутренний механизм, источник энергии, которому свойственны те или иные условия эксплуатации» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 53]¹³. Если бы в фокусе находились именно характеристики ОИ, то следовало бы не просто перевернуть высказывание, но необходимы были бы и серьезные уточнения.

В современной русской метафорологии ОИ также чаще воспринимается только как источник когнитивной информации, позволяющий получить знания об ОМ: говоря о том, что в результате метафорической проекции высвечиваются отдельные свойства ОИ, авторы перечисляют эти свойства исключительно как источник знаний об ОМ. Наиболее типичные задачи, решаемые в работах, где в качестве объекта исследования заявляется некоторая ОИ, связаны с результатами метафорической проекции, при этом вопрос о содержании знаний об ОИ не ставится [Потураева 2011; Алексеева, Басалаева 2014; Мусси 2014; 雨薇 2013; 侯春媛 2015; 王芳 2013; 颜晓 2015; 杨华 2014; 牛丽红 2007; 王璐佳 2017; 傅玲, 鲁速 2008].

¹² Подчеркнуто авторами.

¹³ См. также с. 97, 101 и др.

Доказательством тому служат выводы, которые делаются в исследованиях указанного типа, например: «Витальная сфера моделирует власть как живое существо, наделенное зрением, как организм, который переживает смерть естественным или насильственным способом» [Пименова 2012: 148]; или «в целом метафорически представленная в библейских образах сфера экономики осмысливается как своеобразное противостояние ада и рая – экономического благополучия и кризиса» [Попова, Клименко 2017, с. 57]. Какие свойства ада и рая актуальны для выражения этого противопоставления, как они истолкованы данной культурой, какую роль этим свойствам отводит языковой коллектив – эта информация в данном типе работ выпадает из поля внимания.

Описание характеристик ОИ присутствует в некоторых работах как сопутствующий результат. В такого рода исследованиях типичной является следующая формулировка предмета исследования: «специфика использования и прагматический потенциал метафор с исходной концептуальной областью “Неживая природа” в текстах современных российских средств массовой информации» [Чудакова 2005, с. 4]. Так, например, в [Овсянникова 2010] не ставится задача изучить составляющие ОИ, однако в выводах имеется информация, касающаяся этого компонента метафорического процесса: «В сфере-источнике “Человек” актуализированы признаки человека как существа с присущими ему состояниями и процессами, этапами на протяжении всего жизненного цикла от рождения до смерти, с внешним обликом и внутренним строением, а также свойственной человеку деятельностью, включая социальную деятельность.

Активному метафорическому переосмыслению в области геологии подвергаются образы сферы-источника “Дом”, связанные с домом как завершённым строением, состоящим из определённых частей и элементов, а также с процессами разрушения дома.

В сфере-источнике “Одежда” заимствуются образы, связанные с изготовлением одежды и ткани, готовыми предметами одежды, их частями,

элементами, украшением, а также с головными уборами и обувью» [Овсянникова 2010, с. 171 (см. также [Чудакова 2005]).

Косвенное описание ОИ представлено в работах, в которых изучается многозначность с использованием когнитивного термина **образ-схема**. Здесь производные значения слов анализируются через выявление компонентов образов-схем. Вот типичный ход рассуждения: «Регулярное семантическое варьирование лексем АСП “круг”, реализующих образ-схему соотношения центра и периферии, обнаруживается в актуализации сем “всеохватность” (*круговой обзор, вокруг ни души, окружить вниманием, кругозор, горизонт*), “полнота” (*круговой обзор, круглый сирота, круглый отличник, кругом виноват, кругом прав*), “объединение” (*свой круг, окружение политика, кружок Петрашевского, забота об окружающих людях, кругозор личности, горизонты интересов*), а также деактуализации семы “граница”, в отличие от других образ-схем концепта “круг” (*тишина кругом, оглядеться вокруг, окружение человека, круглый сирота, кругом виноват, занять круговую оборону, политический кругозор, быть окружённым вниманием, в ореоле славы, на периферии сознания* и др.)» [Резникова 2015, с. 161]. Как следует из формулировок, избранных автором, его прежде всего интересует не образ-схема, а результаты ее применения к освоению других областей действительности. Как представляется, даже расстановка ключевых слов в таких статьях является неслучайной: на первом месте слова, сопряженные с результатами применения образа-схемы¹⁴, а ее затем характеристики.

Определенный аспект изучения ОИ реализован в достаточно редких работах, где исследуется структура ОИ [Овсянникова 2010; Пименова 2012; Мишанкина 2012; Мишанкина, Железнякова 2015]. Например, в [Пименова

¹⁴ См, например: «регулярная многозначность, семантическое варьирование, метафора, концепт, образ-схема, центр, периферия, круг» [Резникова 2015, с. 158].

2012] ОИ **растение** охарактеризована через выделение ее структурных частей, эксплуатирующихся в метафоре: корни, стебли, крона, стволы и т. д. Кроме того, дается и краткая характеристика этих признаков. Важным для нашего исследования является следующий подход, эксплицирующий внимание исследователя к ОИ и выделяющий важнейший потенциальный результат такого внимания: «Мы считаем значимым рассмотрение как метафорического означивания различных типов музыкального звучания, так и использование единиц концептуальной сферы “Музыка” в метафорическом значении в связи с тем, что оценочность, появляющаяся при метафорическом функционировании лексемы, позволяет сделать вывод не только об отношении к объекту номинации, но и к исходному объекту¹⁵, представления о котором переосмысляются в процессе метафорической концептуализации. Возникает своего рода “зеркальный” эффект. Зачастую именно с его помощью можно выявить оценку исходного типа звучания, репрезентируемого исходным значением лексемы» [Мишанкина, Железнякова 2015, с. 46].

Из всех областей действительности, используемых как источник когнитивной метафоры, наиболее изученным является пространство в его категориях, объектах и отношениях [Горбунова 2010; Кустова 2004]. При этом авторы ставят перед собой цель получить именно знания о пространстве, зафиксированные в языке. Метафорическое осмысление пространственных категорий как источник знаний о новых областях жизни в такого рода работах является не главной, а сопутствующей задачей.

Наблюдается также несимметричный выбор методов исследования ОИ и ОМ. Например, исследования [Пахомов 2015; Erofeeva, Pаhomov 2016] посвящены «моделированию области-источника и области-мишени вокальной метафоры» [Пахомов 2015, с. 4]. При этом сказано, что ОИ моделируется на основании данных словарей, а ОМ – данных языка. Однако

¹⁵ Выделено нами –Ц.В.

если иметь в виду, что, во-первых, в сферу метафоры, как говорят Дж. Лакофф и М. Джонсон, вовлекаются не все данные об ОИ, во-вторых, что в дефиницию включены только данные о сигнификате, соотносимые с релевантными признаками определяемого понятия, то можно спрогнозировать, что для моделирования ОИ информация из словаря в некоторой части может быть избыточной, а в некоторой – недостаточной. Более продуктивная методика продемонстрирована, например, в работе [Рябых 2015], где данные об ОИ извлекаются из контекстов и где показано, как в поэтическом тексте автор, создавая метафорические выражения, последовательно вербализует свои знания об ОИ.

Сложилось устойчивое мнение, что теория когнитивной метафоры «не дает ясного ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной ОИ и ОМ в процессах метафоризации» [Баранов 2004, с. 9]. Основной причиной этого принято считать неразработанность метаязыка представления знаний, зафиксированных в языковых единицах, невыявленность инвентаря формальных процедур преобразования знаний.

Однако, на наш взгляд, здесь важно еще и то, что отсутствует сама номенклатура знаний, которые подвергаются обработке в ходе метафорического освоения мира. Элементы этой номенклатуры выявляются в работах, посвященных изучению метафор, но опять же косвенным образом. В результате в качестве ОИ называются **вместилище, путь, человек, фауна, флора, ландшафт, артефакты, дом, война, игра** и др.) [Чудинов 2001; Мишанкина, Деева 2013; Овсянникова 2010]. Совершенно очевидно, что список таких сфер и категорий гораздо более широк.

Следует отметить, что в лингвистике предпринимаются попытки инвентаризации метафорических моделей в применении к определенному типу дискурса. Однако при этом акцент все же делается на результатах метафоризации, т. е. извлекаются данные об ОМ.

Итак, несмотря на то что задача изучения ОИ поставлена достаточно давно и детализирована по отношению к разным отраслям лингвистики¹⁶, она далека от решения в том числе и потому, что как цель когнитивного исследования метафоры доминирует именно ОМ.

В результате анализа ставших уже классическими установок авторов теории когнитивной метафоры и достижений русской когнитивной метафорологии представляется необходимым сформулировать и обосновать перспективы изучения ОИ когнитивной метафоры.

Метафора играет ведущую роль в познании. Знания об ОИ квалифицированы как базовые. Увеличение количества работ, где в фокусе будет находиться именно ОИ, позволит выявить состав и содержание базовых знаний.

В ОМ отражаются результаты метафорического познания действительности. Они суть следствие соотнесения с данными об ОИ. Как следует из работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, выбор ОИ важен потому, что задает ракурс рассмотрения познаваемого, поэтому целостное и целенаправленное описание отдельных ОИ позволит верифицировать и уточнить выводы, уже сделанные о некоторых ОМ.

Авторы когнитивной теории метафоры также говорят о необходимости описать метафорические модели, которые возникают в результате сформированности устойчивых связей между некоторыми ОИ и ОМ. Для решения той задачи необходимо иметь детальное представление об обеих составляющих метафорического процесса. Поэтому целостное изучение ОИ необходимо как первоначальный этап решения указанной задачи.

Свойства объектов, эксплицированные с помощью метафор, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, не являются свойствами объектов как таковые, а основываются на человеческих представлениях о функциях, на человеческой перцепции, они являются интерактивными, имеющими смысл

¹⁶ Ср., например: «Полное исследование метафорики дискурса предполагает... разработку метаязыка описания области источника и области цели» [Баранов 2004, с. 15].

только относительно человеческой деятельности. Таким образом, изучение источников метафоры позволит говорить о тех свойствах объектов, которые человек выделяет из общего комплекса свойств.

Исследование номенклатуры этих свойств позволит установить, какие характеристики объектов и целостных фрагментов действительности задействованы в когнитивной деятельности, каковы их сущностные и концептуальные характеристики, выделить среди них универсальные и национально специфические. Подобные данные позволят выйти на дальнейшее изучение таких значимых для современной лингвистики понятий, как **механизмы понимания, языковая картина мира, значение языковой единицы.**

Определяя установки когнитивной лингвистики, Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Мы в основном озабочены тем, как люди понимают свой опыт. Мы рассматриваем язык как источник данных, с помощью которых можно выявить общие принципы понимания» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 148]. Базовой составляющей понимания опыта являются знания, функционирующие в составе ОИ. Поэтому Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что результаты анализа метафор должны быть учтены при изучении языковых значений и обязательно представлены в словарях, что облегчит, например, понимание производных значений многих слов и выражений (*мы далеко зашли* 'о любви'). Для этого необходимо определить список ОИ и их характеристики, что позволит установить, каков состав базового опыта, как люди его понимают и как пользуются этим знанием.

Автоматизм метафоры, на который обращают внимание авторы теории когнитивной метафоры, также обуславливает важность изучения именно ОИ, т.к. «важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [Шмелев 2002, с. 13]. Роль метафоры не ограничивается функцией познания. «Поскольку значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах и

поскольку наше представление о материальном мире отчасти метафорично, метафора играет очень существенную роль в установлении того, что является для нас реальным» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 176]. Изучение характеристик ОИ, регулярно подвергающихся метафорической обработке, поможет в выявлении этой реальности.

1.3. Типы информации, задействованные в качестве источника метафоры

Современная наука доказала, что в основе представлений об окружающей действительности лежит различная по природе информация [Кубрякова 2004; Лаенко 2005; Кустова 2004; Горбунова 2010].

Так, в [Панасенко 2014] выделено шесть форматов знания, отраженных в лексических категориях. В основе одних форматов лежит информация о том, что объективно имеет место, о признаках, наличие которых обусловлено природой самого объекта, существующих независимо от человека, но воспринимаемых человеком. Сюда прежде всего можно отнести выделяемый Л. А. Панасенко формат перцепции, который «интерпретирует признаки объектов, доступные человеку посредством каналов чувственного восприятия: зрительного, слухового, обонятельного, осязательного, вкусового», формат наблюдения, который «интерпретирует знания об объектах, вытекающие из опыта наблюдения за ними во временном развертывании и/или в контексте их включенности в конкретную ситуацию, т.е. знание динамических признаков (изменение локации объекта, структурные видоизменения, проявления психики и социализации у объектов живой природы)» [Панасенко 2014, с. 4]. Другая группа форматов знания связана с практикой, зависит от человека, не существует вне его практики, так как порождена человеком. Это формат функции, который «интерпретирует признаки объектов, свидетельствующие об их утилитарном назначении»; «признаки формата экспериенциальных эффектов отражают разного рода воздействия

на человека и окружающую его среду со стороны определенных объектов»; «формат операционального опыта связан с интерпретацией знаний о возможных действиях и манипуляциях с объектами»; «формат ассоциативного знания задается самим социумом и обнаруживается как результат анализа включенности объекта категории в разные контексты жизнедеятельности человека» [там же].

В [Горбунова 2017; Горбунова 2018] также утверждается, что «представляется необходимым разграничить, во-первых, информацию, непосредственно отображающую действительность (форма, цвет, размер, запах объекта – перцептуальные признаки объектов), и, во-вторых, те свойства объектов материального мира, которые не могут быть познаны через прямое наблюдение, например, сфера использования объекта, способ его воздействия на человека, место в системе ценностей и т. п...» [Горбунова 2018, с. 54]. Это «те свойства объекта, которые не существуют сами по себе, без участия человека. Например, способность звезды служить ориентиром возникает только тогда, когда ее в качестве такового использует человек. Свойство злаков быть декоративными (кормовыми, пищевыми), т. е. украшать (служить кормом для животных или пищей для человека), не присуще растению как элементу живой природы и возникает только тогда, когда это свойство приписывается ему людьми в результате его использования. Такие признаки назовем экспериенциальными и будем отличать их от перцептуальных, т. е. воспринимаемых органами чувств и существующих независимо от человека как имманентные свойства объекта» [там же]. Перцептуальные и экспериенциальные признаки разграничиваются как обнаруживаемые и создаваемые человеком.

В нашем исследовании также представляется продуктивным разграничить указанные типы информации об окружающей действительности, так как это позволит продемонстрировать антропоцентричность ЯКМ с нескольких точек зрения. Во-первых, само выделение экспериенциальных

признаков говорит о включенности человека в ЯКМ как ее важнейшей составляющей. Во-вторых, как показал предварительный анализ материала, перцептуальные признаки металлов, как правило, не только интерпретированы определенным образом и отражают результаты человеческого восприятия, но и вписаны в систему ценностей языкового коллектива, соотнесены с деятельностью человека. Более того, их концептуализация коррелирует с содержанием и интерпретацией экспериенциальных признаков.

Особо следует подчеркнуть, что в нашемданном исследовании термин **экспериенциальный** используется как производный от *human experience* ‘человеческий опыт’, на роль которого в формировании образа мира обращает внимание Дж. Лакофф [Лакофф 2004, с. 23]. При этом опыт понимается не как философская категория, а узко, как то, что «выходит за пределы буквального отражения, или репрезентации, внешней реальности» [Лакофф 2004, с. 13], как ‘совокупность знаний и практически усвоенных навыков, умений’.

В связи с использованием в работе термина **экспериенциальный** необходимо сделать несколько замечаний и уточнений.

Термин **экспериенциальный** в одной из научных традиций соотносится с типологией семантических ролей – ролью экспериенцера, т. е. воспринимающего субъекта. На этом основании выделяется экспериенциальная лексика. «Слова с экспериенциальной семантикой обслуживают внутреннюю сферу человека – сферу ощущений (в том числе физиологических), восприятий, знаний и вообще разнообразных реакций человека на воздействие окружающего мира» [Кустова 2004, с. 211].

Г. И. Кустова считает, что именно способность воспринимать отличает семантическую роль **экспериенцер** от ролей **агенс**, **пациенс**, **инструмент**. Эта роль состоит в реакции говорящего на ситуацию, которую он «актуализирует в своем внутреннем мире» [Кустова 2004, с. 212]. Подчеркивание того, что экспериенциальная семантика может возникать у слов, не со-

относимых со сферой восприятия, подразумевает, что все-таки автор признает и наличие лексики, которая не несет отпечатков того, как нечто воспринимается говорящим. Более того, Г. И. Кустова противопоставляет параметрические и экспериенциальные прилагательные, относя к первым *высокий, широкий, длинный*. Автор утверждает, что интерпретация значений параметрических прилагательных основывается на критериях, внешних по отношению к человеку, называя в качестве такового критерий нормы.

Описывая специфику экспериенциальных прилагательных, Г. И. Кустова указывает, что здесь «антропоцентричность (связь с человеком) заложена уже в исходном, основном значении, поскольку экспериенциальные прилагательные обозначают такие свойства предмета, которые действуют на человека и вызывают у него определенное ощущение, реакцию» [Кустова 2004, с. 281].

Однако любое высказывание на естественном языке отражает то, как ситуацию воспринял говорящий или как она интерпретирована языковым коллективом, потому что ЯКМ антропоцентрична. ЯКМ – это «тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает» [Рахилина 2000, с. 14]. ЯКМ «не копирует, а отображает действительность» [Рахилина 2000, с. 15]), и главную роль в этом отображении играет ее создатель – говорящий, а «антропоцентричность буквально пронизывает языковые конструкции» [Рахилина 2000, с. 17]. Семантические исследования показывают, что, например, «“географическое” противопоставление есть следствие определенной концептуализации действительности» [Рахилина 2000, с. 27], трактовка предмета как прочного или крепкого, большого или маленького, разбиение объектов на топологические типы зависит от того, как воспринят объект и как он соотносится с деятельностью человека [Рахилина 2000]. В литературе подчеркивается интерпретационный характер даже тех языковых единиц, которые напрямую соотносятся с объективной реальностью. «Представители разных культур НЕ ПО-РАЗНОМУ, например, слышат звуки, издаваемые животными, или видят цвета,

а их сенсорно-рецептивный компонент сознания ПО-РАЗНОМУ КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЕТ ДАННЫЕ СЕНСИБИЛИЙ»¹⁷ [Корнилов 2003, с. 171.] В [Лаенко 2013; Колесов 2008] указывается на обязательность воспринимающего субъекта как категории, формирующей языковое значение, а перцепция квалифицируется как один из видов деятельности субъекта.

Поэтому для работ, в которых изучаются значения, отражающие наивные представления о действительности, предложенное Г. И. Кустовой деление прилагательных на параметрические и экспериенциальные представляется непродуктивным, поскольку в ЯКМ любое представление о действительности, номинированное в лексике, отражает результаты восприятия и интерпретации мира человеком. Более того, метафора как когнитивный механизм, результаты которого проявляются в языковых выражениях, антропоцентрична по своей сути. Поэтому не представляется возможным, изучая лексику в названном аспекте, делить ее на ту, в значении которой отражаются результаты человеческого восприятия, и ту, которая такого отпечатка не несет.

В связи с поставленной в работе целью изучить МЕТАЛЛЫ как ОИ метафоры закономерной и методологически обусловленной является следующая трактовка. Металлы имеют объективно присущие им как элементам природы свойства, которые воспринимаются человеком, но существуют у металлов независимо от человека. Однако при формировании ЯКМ любое из этих свойств подвергается концептуализации.

Таким образом, чувственно воспринимаемые объективно присущие металлам признаки отражаются в языке не объективно, а так, как они концептуализированы носителем языка. «Под процессом концептуализации понимается определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от

¹⁷ Выделено автором.

того, как он ее в данный момент представляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализациями» [Рахилина 2000, с. 10].

При этом вслед за [Горбунова 2010] продуктивным представляется выделить два типа концептуальной информации: информация, основанная на перцепции некоторого свойства металла (твердый, т.к. не деформируется, серо-голубой, поскольку так его видит говорящий), и информация которая «возникает в результате приписывания ситуации таких свойств, которые не могут быть восприняты визуально, т.к. эти свойства не присущи самой ситуации, субъективны, они есть результат наложения на объективный мир ценностных позиций, выработанных обществом» [Горбунова 2010, с. 81], например, цвет свинца мрачный, звук, издаваемый серебряными изделиями, чистый. Оба типа информации описаны в диссертации.

1.4. Наименования металлов: аспекты лингвистического исследования и основные результаты

Наименования металлов и их словообразовательные дериваты не часто выступали объектом лингвистических исследований. В этой группе лексики наиболее изученным является участок, связанный с золотом. Описание представлений о золоте как металле чаще всего выполняется в культурологическом аспекте [Боваева, Халгаева 2018; Бурнаков 2016]. Так, например, в [Аверинцев 1973] изучается включенность золота в ранневизантийскую культуру, символические и сакральные смыслы, связываемые с золотом, и их отражение в произведениях искусства, в том числе в поэзии. В [Петров 2011] рассматриваются «персонажи русских духовных стихов в свете народно-христианских представлений в золоте, устанавливаются мифологические истоки амбивалентности образа золота» [Петров 2011, с. 27]. В [Денисенко 2015] автор изучает золото как символ в славянской мифологии, в [Пятова 2011] золото рассматривается как мифологема.

В работах указанного плана языковой материал используется как подтверждение о наличии определенных символических, мифологических смыслов, связываемых у этноса с золотом. Фокусировка исследования здесь проявляется в том, что авторы исходят из традиционных представлений о золоте, находя иллюстрации в языковом материале, а не извлекают знания о традиционных представлениях из анализа языка. Это обнаруживается как в самом ходе анализа, так и в предлагаемых авторами формулировках значений слов: например, «золотой ‘символизирующий богатство, дорогой’» [Сердюк 2010, с. 119]. Так, в [Сердюк 2010] ставится задача изучить своеобразие семантики лексемы *золотой* в волшебной сказке, утверждается, «что в тексте сказки актуализируются коннотативные компоненты семантики лексемы *золотой*, обусловленные традицией, а также культурно-языковой картиной мира и мифопоэтической моделью мира анализируемого жанра» [Сердюк 2010, с. 117]. При этом прилагательному *золотой* приписываются значения, сформированные всей совокупностью элементов очень широкого контекста: «Значение ‘творящий волшебство, помогающий’ лексема *золотой* реализует также, определяя чудесные средства, с помощью которых персонаж выполняет трудные задачи. Показателен следующий пример: *И выросла из них яблонька – да какая! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные*» [Там же, с. 122].

Имеются отдельные работы, в которых описывается золото как элемент художественного мира писателя [Степанова 2018].

При изучении металлов качестве объекта анализа также выступают группы «драгоценные металлы», и «драгоценные камни и металлы». В статье «Семантика драгоценных металлов “золото” и “серебро” в поэзии К. Бальмонта» автор реализует культурологический подход и делает вывод о том, что «в целом Константин Бальмонт использует в своих произведениях золото в типичной для этого металла символике плодородия, Солнца, богатства. <...> Золото и серебро в творчестве поэта используются чаще всего

для характеристики окружающего мира, явлений природы. И в целом создаваемые здесь поэтом образы опираются на многовековую традицию и символику народов разных культур» [Метелкина 2013, с. 43]. В [Метелкина 2012] ставится задача «рассмотреть лексико-сематическое поле “Драгоценные камни и металлы” в современном русском языке, выявить составляющие этого поля и описать его содержание и структуру» [Метелкина 2012, с. 74], а также «выяснить, какое место драгоценные камни и металлы занимают в сознании современного человека» [Там же]. Для решения этой задачи был проведен ассоциативный эксперимент, на основе которого автор делает вывод о том, что в сознании современных молодых людей золото ассоциативно связывается, с одной стороны, с успехом, лидерством, а с другой, с чем-то назойливым, приевшимся, с честолюбием. В статье отмечается, что «серебро носит куда более положительную окраску, чем золото – верность, молодость и в то же время вечность» [Метелкина 2012, с. 76]. По мнению автора, данные эксперимента свидетельствуют о том, что фрагмент наивной языковой картины мира, связанный с драгоценными камнями и металлами, у современных молодых людей является неполным. На фоне этого вывода парадоксально выглядит мнение о том, что «прямые и переносные значения компонентов рассматриваемого лексико-семантического поля достаточно хорошо известны им и играют существенную роль в формировании миропонимания, в частности его аксиологических приоритетов [Метелкина 2012, с. 77].

В научной литературе серебро и золото описываются в связи с изучением концептов «богатство», «деньги» как на материале отдельного языка, так и нескольких языков в сопоставительном аспекте: [Клементьева 2008; Куцый 2003; Макеева 2009; Сафонова 2014; Федянина 2005]. В работах указанного типа слова *золото*, *серебро* и их производные рассматриваются в рамках номинативного поля концепта как выразители смысла ‘мера стои-

мости', связанного с деньгами. Выявляется, что золото выступает в качестве денежного эталона богатства, понимаемого как обладание материальными ценностями.

Железо исследуется в единичных работах. Так, в [Хуснутдинов, Хуснутдинова 2012] «на основе данных словарей разных типов описывается история функционирования слова *железо* в русском языке. Показывается влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на формирование и изменение структуры многозначного слова» [Хуснутдинов, Хуснутдинова 2012, с. 54]. Данные словарей используются авторами как источник сведений об изменении семантической структуры слова и о том, как представляется носителю языка в тот или иной исторический период железо – реалья действительности. В статье указывается, что знания о физических и химических свойствах железа служат основанием для характеристики свойств и качеств человека.

А. М. Туреханова проводит сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом «железо» / «Eisen», в немецком и русском языках в лингвокультурологическом аспекте [Туреханова 2015]. Она выделяет некоторые признаки железа, которые переносятся на человека, и отмечает численное превосходств фразеологизмов с отрицательными коннотациями.

В последние годы выполняются исследования с использованием концептуального анализа [Степанова 2018; Виниченко, Плешивцева 2014; Пушкарева 2018; Шестеркина 2010], в том числе в сочетании с приемами сопоставительной лингвистики [Алекперова 2014; Тодосиенко, Кунафина 2019].

Названия некоторых металлов в лингвистической литературе рассматриваются с позиций этимологии. В [Трубачев 1985; Жукова 2018; Парина 2014; Тележко 2018 а, 2018 б, 2018 в] приводятся результаты этимологического исследования названий золота, серебра, железа, свинца, меди в группах индоевропейских языков, на фоне чего уточняются контакты и

направления миграций древних этнических групп, делаются значимые выводы в области антропологии.

Анализ функционирования наименований металлов встречается в связи с изучением отдельных свойств и качеств объектов окружающего мира. Чаще всего сведения о лексике этой группы используются при изучении цвета как значимой характеристики предметов [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005; Гатауллина 2005; Грановская 1964; Завьялова 2008; Кузьмина 2008]; символики цвета у отдельных авторов [Карташова 2004], в отдельных типах дискурса [Чуньчунь, Чарыкова 2016]. Наименования металлов и их производные рассматриваются с точки зрения структурных и семантических характеристик колоративов в ряду других наименований цветов.

В [Сандакова 2018] упоминаются названия металлов в связи изучением метафоры со значением прочности.

В [Жукова 2018] номинации металлов рассматриваются в связи с описанием способов выражения оценки и эмоций.

О. Е. Рубинчик в статье о словосочетании *серебряный век* [Рубинчик 2013] квалифицирует его как термин, базирующийся на удачной метафоре, отражающий ценностный аспект в периодизации литературы через его включенность в систему *золотой век – серебряный век – железный век*. Эффективность данных терминов объясняется культурно обусловленными представлениями о различной ценности металлов.

Работы, в которых наименования металлов описываются в составе целостной группы, довольно редки.

К таковым следует отнести диссертацию Н. И. Гриценко [Гриценко 2003], в которой проведен системный семантико-словообразовательный и лингвокультурологический анализ лексико-тематической группы «металлы» с акцентом на словообразовательные возможности наименований металлов. В ходе исследования выявлены наименования с наиболее разветвленными словообразовательными связями, представлена типология

словообразовательных гнезд с исходным словом – названием металла, произведен семантико-словообразовательный анализ полного (в составе узусальных образований и инноваций) словообразовательного гнезда с исходным словом *бронза*. В работе доказано, что наименование сплава *бронза* функционирует подобно наименованиям металлов.

В статье Т. А. Фесенко и Н. В. Шестеркиной [Фесенко, Шестеркина 2006] проанализированы поговорки с компонентами *золото*, *серебро*, *медь* и *железо* как средства вербализации концепта «металл». Авторы относят концепт «металл» мифопоэтическим концептам, порождаемым когнитивной метафорой. В работе выявляются некоторые составляющие концептов металлов. Например, концепт «золото» связан с признаком «деньги», с представлениями о богатстве, благополучии, власти денег, жизненных испытаниях. Блеск золота интерпретируется как обманчивый и способный затмевать разум. У железа выявлены свойства ‘прочность’, ‘стойкость’, ‘надежность’, ‘бездушие’, ‘изъян’, ‘хрупкость’, ‘податливость’. В статье выявлена шкала ценности для указанных металлов. При этом ценность трактуется только как мера стоимости, представленная в денежных эквивалентах. Свойства металлов рассматриваются вне связи друг с другом.

Е. В. Максимова в диссертации «Функционально-семантическая характеристика названий металлов и производных от них прилагательных в русском и немецком языках» [Максимова 2006] рассматривает названия металлов и производных от них прилагательных в функционально-семантическом аспекте. В выявлении специфики лексических значений автор опирается на семы, зафиксированные в словарных дефинициях, а в качестве основного исследовательского приема использует анализ синтагматики. Выделение и описание общих и различительных черт переносного употребления названий металлов и производных от них прилагательных в русском языке в сопоставлении с немецким производится через классификацию метафорических моделей. Метафорическая модель в данной работе понимается как сочетание наименования металла или его производного со словом

определенной лексико-семантической группы или грамматического класса, например, «метафорическое прилагательное, производное от названия металла + имя существительное», «метафорическое название металла + глагол», «название металла + генитив существительного».

Несмотря на заявленную задачу выявить специфику русской и немецкой ЯКМ, акцент в работе делается на национальном своеобразии семантики языковых единиц, а не ЯКМ. Национальная специфика охарактеризована через регистрацию различий в наборе значений и синтагматических возможностей изученных слов.

Таким образом, анализ исследований, в которых изучается отражение знаний о металлах в языках, позволяет сделать следующие выводы. Чаще всего описанию подвергаются представления о золоте и связанная с ними лексика. Наиболее заметным результатом является подтверждение с помощью языкового материала культурологических данных, связанных с мифологией и символикой определенной культуры. Имеется явный недостаток комплексных исследований, в которых бы анализ осуществлялся на фоне широко представленной группы наименований металлов. Описано содержание отдельных концептов, сформированных на основе знаний об отдельных металлах. При этом соответствующий фрагмент концептуальной картины мира и ЯКМ остается недостаточно описанным.

ВЫВОДЫ

Одна из важнейших черт современной лингвистической парадигмы – антропоцентричность. Данная методологическая характеристика обуславливает рассмотрение языка как проявления одного из видов деятельности человека, отражающих его мышление, менталитет, культурные и иные установки. Появившиеся в рамках антропоцентрической лингвистики понятия и концепции (**ЯКМ, концептуальная метафора, концептуализа-**

ция и т. п.) демонстрируют основополагающую роль человека в функционировании языковых единиц и разнообразных видов корреляции действительности, языковых значений и информации, передаваемой с помощью языковых выражений.

В результате анализа имеющихся исследований ЯКМ были выделены следующие важнейшие характеристики этого понятия. ЯКМ – это образ мира, зафиксированный языком и сложившийся в ходе обыденной деятельности человека. Поэтому ЯКМ признается наивной.

ЯКМ антропоцентрична, так как отражает самого человека и те фрагменты мира, которые являются наиболее значимыми для языкового коллектива. Антропоцентричность ЯКМ проявляется в ее эгоцентричности, т. е. признании этноса ее творцом и релевантности для нее понятий **наблюдатель, говорящий и языковой коллектив**.

Важнейшим достижением в изучении ЯКМ является доказательство того, что мир в языке отражается не зеркально, а так, как он понят и интерпретирован носителем языка. Эта установка позволила с помощью лингвистического анализа выявить, какие фрагменты действительности и их характеристики заметны и значимы для данного этноса.

Моделирование отдельных фрагментов национальных ЯКМ ведется с учетом понятия **концептуализация**, которая проявляется в самом отборе означенных языком фрагментов действительности, а также в том, как они отражены языком, в интерпретации их свойств и соотнесении с системой ценностей данной культуры.

Все отмеченное позволило антропоцентрической лингвистике более точно и полно информацию, передаваемую при функционировании языковых единиц, убедительно объяснить возможность или невозможность того или иного словоупотребления. Кроме того, учет сложившихся представлений о ЯКМ лежит в основе современных подходов к описанию семантики, реализованных в словарях нового типа.

Метафора во многом определяет характер и состав ЯКМ. В главе подробно описаны основные установки концептуальной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые понимают метафору как когнитивный механизм отражения познаваемой области (называемой ОМ) в терминах уже познанной (ОИ).

Отмечается, что в фокусе исследовательского интереса находится ОМ. Изучение ОИ позволяет получить следующие новые результаты.

В качестве ОИ используются базовые знания, источником которых является опыт и культура этноса. Изучение ОИ позволит выявить состав и содержание базовых знаний.

Подчеркнута важная идея теории концептуальной метафоры об отборе знаний об ОИ, используемых в метафорическом процессе. Исследование результатов этого отбора дает возможность описать свойства объектов, которые человек выделяет из общего комплекса свойств, что значимо для изучения когнитивной деятельности и ЯКМ.

Анализ метафорических выражений на русском языке с позиций ОИ является способом выявления релевантной для русского языкового коллектива информации и основанием для отбора признаков, которые необходимо отразить в словаре.

Выявление и тем самым расширение номенклатуры областей, используемых как ОИ метафоры, необходимо для более обоснованного составления словарей и определения структуры словарных статей.

Поскольку выбор ОИ задает ракурс рассмотрения для ОМ, то целостное и целенаправленное изучение отдельных ОИ позволит верифицировать выводы, уже сделанные о некоторых ОМ. Кроме того, корректное представление об ОМ невозможно без опоры на знания о том, каков состав и содержание знаний, функционирующих в качестве ОИ.

Исследование ОИ позволит установить, какие характеристики объектов и целостных фрагментов действительности и каким образом задейство-

ваны в когнитивной деятельности, в каких языковых единицах они номинируются. Подобные данные позволят выйти на дальнейшее изучение многих значимых для современного языкознания понятий.

ОИ метафоры можно адекватно описать только с обязательным привлечением контекстов, в которых отражены результаты метафоры.

В качестве информации, использованной в ОИ МЕТАЛЛЫ для познания других фрагментов действительности, функционируют данные двух типов, которые различаются по своей природе. Во-первых, это данные об объективно присущих металлам признаках, обусловленные их материальной сущностью как объектов природы (цвет, вес, отношение к внешнему воздействию, температура, звук и т. п.) В силу их материальности эти признаки воспринимаются чувственно и названы в работе перцептуальными. Во-вторых, это признаки, которые металлы приобрели, будучи включенными в деятельность человека, обусловленные характером использования в ней, такие, которые вне этой деятельности не существуют (ценность, антигуманность, декоративность). Такие признаки названы в работе экспериенциальными.

ГЛАВА 2. ПЕРЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАЛЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИЕ В КАЧЕСТВЕ КОГНИТИВНОГО ИСТОЧНИКА МЕТАФОРЫ

Металлы как элементы неживой природы характеризуются рядом свойств, присущих им и отличающих их от других элементов природы. Эти свойства объективно существуют и в совокупности определяют металлы как класс: вес, цвет, физическое состояние и т. п. Они воспринимаются чувственно и поэтому именуются в работе перцептуальными. Одна из задач данной главы – выявить те имманентно присущие металлам чувственно воспринимаемые свойства, знания о которых используются русским языковым коллективом для познания других сфер жизни, т. е. как источник метафоры.

Однако следует подчеркнуть, что в работе описываются не сами металлы как элементы природы, существующие в действительности, а то, как эти элементы познаны и концептуализированы говорящим, ведь «даже те языковые значения, которые связаны с перцепцией, не отражают непосредственно визуальный или тактильный опыт, а определенным образом его интерпретируют [Селиверстова 2004, с. 18] ¹⁸. Таким образом, объективные свойства металлов, зафиксированные в метафорических выражениях языка, – это свойства, воспринятые носителем языка, концептуализированные определенным образом (см. также [Лаенко 2005; Макарова 2005]).

«Под процессом концептуализации понимается определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент пред-

¹⁸ О разграничении денотата и значения знака и концептуализирующей роли знака см.: [Селиверстова 2004, 2000].

ставляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализациями» [Рахилина 2000, с. 10]. Концептуализация проявляется в интерпретирующей деятельности говорящего и отражается в функционировании языковых единиц. К концептуализации относится отбор тех свойств объекта, которые учитываются при использовании слова, «поскольку важными оказываются разные стороны предмета, названного этим именем» [Всеволодова, Владимирский 1982, с. 17].

Другой важнейший аспект концептуализации, рассматриваемый в данной главе, – интерпретация свойств металлов познающим и воспринимающим их человеком. В связи с антропоцентрическим подходом, реализуемым в работе, точкой отсчета в этой интерпретации является человек, его перцептуальные, оперативные контакты с металлами.

Кроме того, концептуализация проявляется в установлении связи фрагмента действительности и ценностных позиций, выработанных обществом. т. е. необходимо установить, какое место отводится каждому из выявленных перцептуальных признаков металлов в жизни человека и общества, как они осмысляются аксиологически.

2.1. Цвет

Цвет является одной из неотъемлемых характеристик подавляющего большинства объектов окружающей действительности. Уже в первые годы жизни человек усваивает знания об основных цветах. Значимость цвета как важнейшего признака отражается и в том, что в языках мира имеются цветообозначения, которые ярко характеризуют картину мира. Цвет для многих сообществ является культурной константой и вписывается в национальную аксиологическую шкалу [Гатауллина 2005; Лаенко 1988; Макеенко 1999]. Исследования психологов и лингвистов показывают, что цвет – чувственно воспринимаемая и одна из базовых категорий наивного знания –

трудноопределим, в нем сложно выделить значимые составляющие ¹⁹. Именно поэтому многие определения цвета в наивном сознании соотносятся с предметными референтами. А. Вежбицкая доказывает важную «роль сравнения или, более точно, универсальное понятие ПОДОБИЯ в передаче зрительных ощущений» [Вежбицкая 1996, с. 231], связывая осмысление цвета с совокупностью ассоциаций с некоторой группой объектов, которые осознаются как носители данного цвета (красный цвет крови, огня, солнца) (см. также: [Мурьянов 1978; Шрамм 1979]).

При этом «число оттенков цвета, различаемых человеком, имеет порядок десятков или даже сотен тысяч», тогда как «число имен цвета не превышает 150» [Фрумкина 1984, с. 25]. Внимание к цвету как к релевантному признаку объекта, с одной стороны, и ограниченность языковых средств с семантикой цвета, с другой, приводит к появлению новых языковых единиц, что убедительно доказывается авторами работ, в которых осуществлен диахронный подход к лингвистическому анализу этого участка языка [Грановская 1968; Тазиева, 2007; Кожемякова, 2001; Кузьмина 2008]. Расширение номенклатуры цветообозначений в языках происходит чаще всего за счет метафорического сближения с цветом эталонного объекта [Рузин 1994; Кузьмина 2008; Василевич и др. 2005]. Поэтому и словарные дефиниции, определяющие семантику цветообозначений, часто являются остенсивными (отпредметными), среди которых частотны, например, «развивающие качественное значение относительные прилагательные, образованные от названий предметов с ярко выраженной цветовой окраской» [Грановская 1964, с. 6].

¹⁹ Обзор литературы по цветообозначениям см. в следующих работах: [Василевич 2003; Онол 1996; Кожемякова 2001; Сапига и др. 2016].

К таким отпредметным цветообозначениям следует отнести и дериваты, образованные от названий металлов, и сами названия металлов²⁰: *серебро* ‘то, что своим блеском и цветом напоминает этот металл, похоже на него’, *стальной* ‘напоминающий сталь, похожий на сталь по цвету’, *золотой* ‘цветом и блеском напоминающий золото’, *серебрить* ‘делать серебристым, придавать чему-л. серебристый цвет, оттенок’, *оловянный* ‘похожий цветом на олово, напоминающий олово’.

Как видим, в приведенных дефинициях дается отсылка к знаниям носителя языка о мире, которые позволяют представить себе цвет предмета, напоминающего цвет металла. Эти знания подаются как объективные, примерно одинаковые для всех, поскольку в другом случае слово не может передавать информацию о цвете адекватно. При этом в словарях можно наблюдать, что разные цветообозначения отсылают к цвету одного металла: *золотой* ‘цветом и блеском напоминающий золото’ и *золотистый* ‘цвета золота, по цвету напоминающий золото, с блестяще-желтым отливом’; *серебряный* ‘цветом или блеском напоминающий серебро’ и *серебристый* ‘цветом и блеском напоминающий серебро, отливающий серебром’. Есть ли отличия цвета в данных парах – не известно.

В некоторых словарных статьях наряду с отсылкой к цвету металла-эталона дается уточняющая формулировка: *чугунный* ‘имеющий цвет чугуна; черный с сизым отливом’, *медный* ‘красно-желтый, цвета меди’, *бронзовый* ‘золотисто-коричневый, цвета бронзы’, *оловянный* ‘имеющий цвет олова, светло-серый с тусклым отливом’. И только одна дефиниция цветообозначений рассматриваемого типа, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, оказалась не отсылочной: *стальной* ‘серебристо-серый’ [СОШ].

²⁰ Представление об эталонности металла как носителя комплекса признаков отчетливо проявляется в дефинициях следующего рода: *платиновый* ‘свойственный платине, характерный для нее’, *чугунный* ‘похожий на чугун, напоминающий чугун по виду, цвету или по тяжести, твердости’.

Но так ли однозначны представления о цвете металлов и можно ли считать металлы эталонными носителями цвета? В словарных дефинициях цвет указывается как одна из определяющих характеристик металлов: *медь* ‘металл красноватого цвета, вязкий и ковкий’, *серебро* ‘химический элемент, благородный металл серовато-белого цвета с блеском (употребляется для выделки ювелирных изделий, посуды, для чеканки монеты, в фотографии и т. п.)’. Рассмотрение дефиниций позволяет сделать некоторые выводы.

С металлом всегда соотносится оттенок основного цвета (сталь – серебристо-серый, медь – красноватый, серебро – серовато-белый и т. п.), исключение составляет золото, которое считается эталоном для основного – желтого – цвета: *золото* ‘химический элемент, благородный металл желтого цвета, обладающий большой ковкостью и тягучестью (употребляется для выделки драгоценных изделий и в качестве мерил ценности)’. И в контекстах такого рода наименования цветов часто встречаются наряду с наименованиями основных цветов, что подтверждает стремление говорящего наиболее точно определить колористические характеристики предмета, с одной стороны, и когнитивную важность и необходимость цветообозначений, эксплуатирующих знания о металлах, с другой:

1) *Светлая бронза заката резко граничила с голубовато-серой поверхностью моря* (И. А. Ефремов);

2) *Белил алмазных пролита струя на листовенные цинки* (В. И. Шишов);

3) *Озеро блестело внизу светлой латунью. За ним желтели стволы сосен, синели их уходящие вдаль вершины* (Н. И. Гаген-Торн).

Участок цветового спектра, соотносимый с цветом конкретного металла, трудно определить четко, часто в одном и том же словаре для наименования одного и того же оттенка цвета используются разные формулировки, при этом в качестве эталона одного цвета называются разные металлы: *железо* ‘химический элемент, тяжелый ковкий металл серебристого

цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун’ и *сталь* ‘твердый ковкий металл серебристо-серого цвета, представляющий собой сплав железа с углеродом и другими элементами’; *серебро* ‘химический элемент, благородный металл серовато-белого цвета с блеском (употребляется для выделки ювелирных изделий, посуды, для чеканки монеты, в фотографии и т. п.)’ и *платина* ‘химический элемент, благородный металл серовато-белого цвета, обладающий большой ковкостью и тягучестью (употребляется в электро- и радиотехнике, ювелирном деле и т. д.)’, *бронзовый* ‘золотисто-коричневый, цвета бронзы’ [БАС].

Железо, сталь, серебро, олово, цинк и платина являются эталонами для цветов, находящихся в переходной зоне между белым и серым, золото, медь, латунь, бронза – для красно-желто-коричневого участка спектра (ср.: [Кузьмина 2008]. Интересно, что в определении цвета металла, использованного для когнитивной опоры, есть отсылка к другому металлу – серебру и золоту (*серебристый, серебристо-серый, золотисто-коричневый*).

Эти факты не позволяют однозначно вычленить когнитивное содержание наименований этих цветов, связанных с названиями металлов. Для уточнения информации можно воспользоваться анализом колористических метафор, в которых металлы являются ОИ ²¹:

4) *Поднялось лицо Ольги, неподвижное, как латунная луна* (В. Месяц);

5) *Цвет волос натуральный блонд, почти **платина*** (Е. Завершнева);

6) *Где найдёшь такую синеву далее? Такое **серебро** вод? Такую звонкую **медь** полуночных восходов?* (Н. Иванов).

Уже предварительный анализ материала позволяет сделать некоторые выводы.

²¹ В некоторых работах заявлено, что результатом исследования «стало детальное описание всех эталонных объектов» [Кузьмина 2008, с. 5], однако, как правило, авторы ограничиваются классификацией эталонных объектов, выделяя, например, в отдельную группу металлы как цветовые ориентиры.

Во-первых, металлы различаются тем, насколько часто они задействованы в определении цвета другого объекта. Такие металлы, как сталь, серебро, свинец, золото, бронза наиболее часто используются как эталоны цвета. Реже, но все-таки довольно часто встречаются колористические наименования, связанные с платиной, железом, оловом и латунью. Редкими и экзотическими представляются номинации, отсылающие к цвету алюминия, никеля, цинка.

Во-вторых, если наименование ²² металла отражает процесс метафорического сближения, то среди его производных значений обязательно есть значение, связанное с номинацией цвета. Так, существительные *никель* и *цинк* встречаются в контекстах в единственном производном метафорическом значении – колористическом: *никель испарений; никель глаз; облил булыжники лунный никель; небо с примесями цинка; белил алмазных пролита струя на листовенные цинки.*

В-третьих, даже если в словарную дефиницию не включается указание на цвет металла, то в случае его использования в метафорическом познании мира говорящий обязательно опирается на цвет. Например, *латунь* в словарях определяется как ‘сплав меди с цинком, иногда с примесью других металлов (свинца, железа, олова и др.)’ [МАС]. При этом в контекстах встречаются исключительно метафоры, эксплуатирующие цвет и блеск латуни: *напротив запада в домах латунь; латунная луна; латунный взгляд.*

Кроме того, именно указанный признак становится основанием метафорического сближения различных объектов действительности и некоторых металлов, что отмечается в словарях: *серебро* ‘то, что цветом или блеском напоминает такой металл’ [СЕ], *золото* ‘то, что цветом напоминает блеск такого металла’ [СЕ]. Это подтверждает выводы о том, что признак ‘цвет’ для металла относится к наиболее когнитивно значимым, едва ли не важнейшим из всех.

²² Имеются в виду названия металлов и их дериваты.

Сопоставление познаваемого объекта с металлом в ходе метафорической проекции часто позволяет при определении цвета опереться на знания о цвете еще одного референта. То, что когнитивная операция сопоставления имеет место, доказывается и контекстами, в которых определение цвета двухступенчато, при этом реализуется когнитивная формула 'X цвета Y, который похож на цвет Z' (волос цвета золота, которое сравнимо по цвету с нивой):

*7) Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зеленый,
Словно море в разную погоду (Ю. П. Кузнецов).*

Рассмотрим, цвет каких объектов определяется через отсылку к цветам металлов, и попытаемся определить цветовые различия между металлами.

Серо-белый участок связывается с цветом алюминия, серебра, никеля, платины, олова, стали, железа, свинца, цинка, чугуна. Это наиболее представленный фрагмент цветовой палитры в нашем материале.

Словари определяют цвет серебра как серовато-белый ²³. Суффикс *-оват-* говорит о незначительном сдвиге в серую зону. Цвет серебра это цвет, который придает предмету низкая температура (*гора искрилась серебром в морозные лунные ночи; веточками-висюльками, осыпанными морозным серебром; деревья в сизом, снежном серебре; сплав ледяного серебра; посеребрённые* ночным заморозком; *посеребрённый* инеем; *снег засеребрился; осыпанные серебром изморози*), цвет седых волос (*седина посеребрила его волосы*), воды (*Уда манила серебром; серебром ходила Волги гладь; в отливах розовых речного серебра; озеро трепещет серебром; серебро водопада; Тибр серебряный; кипит серебряный залив; серебром морей*), росы (*роса засеребрится*), дождя (*колышется дождинок серебром; на*

²³ См. подобные выводы в [Кожемякова 2001].

ливня **серебро**), лунного света или луны (*холодным голубым **серебром** лунного света; **серебро** течет от месяца; **посеребренные** луной; луна окатила его **серебром**) звезд (звезд **серебряные** очи; млечных путей **серебро**), самолета (**серебром** крыл самолет плыл в облаках белых), рыбы (питалась **серебром** сардинок), пыли (**посеребренная** пылью), молний (**засеребрился** молниями); некоторых деревьев (в старинном **серебре** святых олив; чинары **серебро**), паутины (за **серебром** повисших с листьев паутин). Все это предметы, цвет которых скорее следует отнести к участку между белым и серым с заметным сдвигом в сторону белого, о чем свидетельствуют и контексты:*

8) *А когда-то белей **серебра** ты поила водой из колодца* (Е. И. Дмитриева);

9) *С травой, хрустящей **белым серебром**...* (И. А. Бунин).

Цвет платины – это цвет тех же объектов: снега и холода (*платиной горбов своих ледяных; тихо сыплет **платиновый** снег*), луны (*платиновый лунный диск*), воды (*храню я кусок волны пена на ней из **платины**; море из **платины** жидкой; сияя утренней **платиной**, отражала река набухающий день*), рыбы (*плывите в лиловеющих глубинах, рыбы! Отливая **платиной** и латунью*), седых волос (*в благородную **платиновую** проседь*). Исключительно с платиной связывается особый цвет светлых волос или шерсти (*платиновая блондинка, платиновая норка*). Контексты также позволяют думать, что цвет платины относится к белой зоне с небольшим сдвигом в сторону серого, но все же он не серый и не голубой:

10) *«Не **платиновые**, а **серые**», невозмутимо поправила ее Настя* (А. Маринина);

11) *Мех Наполеона имел особенный цвет не **белый**, не **голубой**, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы все-таки подобрали **платиновый*** (Ю. Коваль).

То, что серебро и платина считаются похожими, закреплено во внутренней форме слова *платина*, которое, по свидетельству «Большого энциклопедического словаря» [БЭС] происходит от исп. *platina* (уменьшительное от *plata* серебро), а также в контекстах:

12) *Дорожкой платиновой серебрясь, отдохнувший от зноя в самшитовой роще, улетучиваясь от берега, бриз осторожно пробует парус на ощупь* (М. А. Зенкевич). Однако в словарях по-разному определяется цвет этого металла: серовато-белый [СОШ], серебристо-белый [СЕ] или белый [СУ]. Контексты же позволяют говорить, что платина белее серебра.

Анализ контекстов демонстрирует, что использование платины в качестве эталона цвета встречается гораздо реже, чем серебра. Возможно, это объясняется в том числе и тем, что цвет платины ярко окрашен аксиологически: связывается с богатством, дороговизной, оценивается как шикарный и модный: *очень красивого платинового оттенка; роскошной платиновой шерсти; вид шикарной, длинноногой, платиновой блондинки сильно раздражает рядовую женщину; в благородную платиновую проседь*²⁴.

Цвет олова определяется в словарях как серебристо-белый, т.е. светлее серебра, а В. И. Даль сопоставляет олово со свинцом ('белее свинца') [СД]. Наличие таких отсылок к цвету другого металла, говорит о стремлении увидеть специфику и то, что среди металлов некоторые осознаются как более эталонные носители цвета. С цветом олова носители русского языка сравнивают цвет горячих или, наоборот, холодных объектов (*небес расплавленное олово, Каспийского моря растопленное олово; студеным оловом наклонилась ко мне река; в запаянных оловянным льдом лужах; холодом блеснули оловянные окошки*), луны (*под оловом луны*), дождя (*олово дождя*), воды (*речное олово; оловянная вода*), рыбы (*пугая больших оловянных рыб*), растений (*оловянные листья тальника*).

²⁴ Об аксиологической составляющей цвета см., например, [Дерюгина 2015; Мартыанова 2013].

Говорящий стремится определить цветовые особенности объекта через использование наименований очень близких оттенков:

13) *Белое солнце порою проглядывало оловянным слепым зраком* (Б. Екимов);

14) *Мимо оловянных капустных полей, мимо станционных платформ с серыми асфальтовыми лужами от ночного дождя* (В. Гроссман);

15) *Ледяной ураган уже приближался клоками туч, оловянных и синих* (А. Белый). Иногда соотношение с цветом одного, а не другого металла намеренно заостряется:

16) *Она писала когда-то о свинцовых водах Волхова, или об оловянных, как бишь?* (Т. П. Пассек).

Такого рода употребления позволяют говорить о цвете олова как промежуточном между белым и серым, более светлым, чем цвет свинца.

Цвет олова имеет и концептуальные характеристики. Он связывается с безжизненностью, с умиранием:

17) *Задержалось веко, чуть приоткрылся глаз из-под черных налитых мешков, но мертвенный, оловянный блеск говорил, что мысли уже не было...* (Д. А. Фурманов);

18) *...Устремлялись его бойкие, но как бы не живые, оловянного блеска глаза* (Ф. К. Сологуб);

19) *Один глаз был полузакрыт от огромного сине-багрового кровоподтека, а другой, слезящийся и воспаленный, имел какой-то оловянно-безжизненный оттенок* (Н. Э. Гейнце).

Примерно тот же фрагмент цветовой палитры (между серым и белым) соотносится с алюминием: *сноп холодных алюминиевых брызг; алюминиевые лужи застыли; пыльная ли алюминиевая седина ковыля; бомбы казались алюминиево-белыми; он стал серо-алюминиевым*. Подобные употребления являются очень редкими, что свидетельствует о наличии среди металлов эталонов определенного оттенка цвета. Алюминий таковым не является.

При этом в тех единичных контекстах, где в качестве когнитивной опоры при определении цвета объекта выступает цвет алюминия, встречаются и аксиологически отмеченные:

20) *Небо приобрело неприятный, **алюминиевый** оттенок. Кругом сновали, мелко танцую, какие-то серые точки* (И. Грекова). Акцент на ценностном компоненте прилагательного *алюминиевый* подчеркнут тем, что для обозначения цвета использовано прилагательное *серый*, а для ценностного – *алюминиевый*, однородное с *неприятный*.

Цвет цинка также связывается с серо-белым участком: *у цинковых звезд, за цинковой рекой, над цинковой гладью морской, небо цинковое просвечивает через стекла домов, тонким цинком одеты поля.*

Контексты подчеркивают, что носитель языка отличает этот цвет от белого и серого:

21) *Все в то же небо с примесями **цинка**, затеками **белил** и **громыханьем** крыши* (В. Б. Кривулин);

22) *Серым облаком сад навис над разлинованной жестью мостовой; небо **цинковое** просвечивает через стекла домов* (С. Е. Нельдихен).

Аксиологическую окрашенность цвета цинка подчеркивает противопоставленность глаз цвета цинка и перцептуально близкого цвета воды:

23) *Цинковые строгие глаза. Кожа цвета **воды** на столе президиума* (С. Довлатов). Эта окраска вписывается в общую концептуализацию серых оттенков, ассоциируемых с цветами металлов.

Цвет стали – это цвет глаз (*глаза у всех солдат **стальные***), холода (***стальное** небо дышит стужей*), воды (*любил **стальную**, серую Оку; **сталь** Балтики; **сталь** протяжно-гулких рек; моря медленная **сталь***), дождя или дождевого неба (*прежде чем **сталь** свой обет дождевой не исполнит*), утра (*утра **сталь***), молнии (*молнии сверкают грозной **сталью***). Соотнесение со сталью номинирует сдвиг от серого в синюю зону, но все же это не синий цвет: ***стальная** полоса мертвецкого оттенка; есть серо-светлый день, **стальной**, немного синий; глаза **стальной** синевы; сине-*

стальнойю стрекозой. Функционирование цветообозначений, отсылающих к стали, позволяет сделать вывод о том, что сталь осознается как металл светло-серого цвета с небольшим синим оттенком²⁵. Отличает также стальной цвет аксиологическая окрашенность: он признается холодным. Холод в русской языковой картине мира окружен многочисленными метафорическими проекциями²⁶, а сталь метонимически связана с оружием, отсюда на основе сложных ассоциаций и возникает интерпретация стального цвета как сурового, бесчувственного, приносящего дискомфорт, иногда даже жестокого:

24) *Глаза блистают **сталью**, не улыбается твой рот* (М. И. Цветаева).

Характерно противопоставление синих и голубых глаз стальным именно на основе концептуализации синего и голубого как цветов, включаемых русским человеком в личную сферу, и стального как проявления антигуманности, отсутствия чувств:

25) *На заводе говорливом, черном,*

Где гремит машинная гроза,

Зацелованный огнями горнов,

*Потерял я **синие** глаза.*

Да недолго о потерянных тужил,

*Дал завод мне **серые, стальные*** (Н. А. Кузнецов);

26) *Помню, что они у вас другие,*

Но ведь у солдат во все века,

*Что глаза у женщин – **голубые**,*

Принято считать издалика.

Мы вас просим, я и остальные, –

Лучше, чем напрасная слеза, –

²⁵ Ср. *стальной* ‘похожий цветом на сталь, светло-серый с отливом’ [СУ].

²⁶ См., например, о метафорических употреблении прилагательного *холодный* в [Рахилина 2000, с. 229–231], где особо выделена эмоциональная и цветовая метафора.

*Выпейте вы тоже за **стальные***

Наши, смерть выдавшие, глаза (К. Симонов).

Цвет свинца, согласно словарям, синевато-серый. Это цвет, который приобретают объекты в условиях плохой освещенности: вечером, ранним утром, зимой, в дождь и грозу: *в зимнем **свинцовом** небе; вечер грузился **свинцовыми** тучами, холодом, неуютом; мелькает в **свинцовой** хмари; река шипела утренним **свинцом**; море уже подернулось темно-свинцовой рябью, совсем по-зимнему.*

На близость к серому и одновременно на отличие от него указывают гибридные колористические наименования, а также употребление *свинцовый* в одном контексте с прилагательным *серый*:

27) *Река с белыми барашками казалась **свинцово-серой** (Н. Дежнев);*

28) ***Свинцово-серое** небо будет давить на плечи все сильнее, а листья далеких деревьев, скорее **серые**, чем зеленые, будут нашептывать страшные, страшные сказки (Д. Конев).*

Цвет свинца – это серый, довольно темный цвет, способный изменять интенсивность, на что указывают употребления *все больше густеющим, переходящим в **темно-свинцовый**; темный свинец Невы, свинцово-черный*. Принадлежность к темной зоне обозначается сопоставлением с цветом олова как светлого металла:

29) ***Свинцовое** Карское море, **свинцовое** карское небо, на нем **оловянные** длинные отблески ледяных полей (В. Конецкий).* Специфика цвета свинца подчеркивается и соположением с черным:

30) *По **свинцу** вод розовые размытости. Гористо-сопочные берега на фоне закатных полыханий **угольно-черные** (В. Конецкий).*

Наличие синего оттенка в темно-сером основном цвете также обнаруживается при анализе контекстов:

31) *Вечереющим днем Антипов сидел на откосе, смотрел на реку, на отлогий противоположный берег с желтой каймой песка, на свинцово-голубой простор, разделенный тенью от крутояра пополам дальняя сторона голубая, а ближняя темный свинец* (Ю. В. Трифонов).

Цвет свинца концептуализируется как мрачный, что отмечается словарями и проявляется в контекстах: *свинцовый* ‘перен. мрачный, сине-черного мрачного оттенка’[СУ];

32) *Вода в Волге стала свинцово-серой, неприятной, только узкая полоска голубого неба на горизонте внушала еще некоторые надежды, но и она скоро истончилась и растаяла в пелене дождя* (Н. Дежнев);

33) *За бархатными червонными шторами с желтыми кистями мрачнел свинцовый равнинный пейзаж* (А. Аршакян).

Кроме того, цвет свинца так же, как и многие другие цвета, встроен в аксиологическую шкалу, будучи связанным с представлениями о бездушности:

34) *Какой же Пашка на самом деле: синий, серый, свинцовый?* (Ю. Нагибин).

Дефиниция существительного железо в словарях включает признак ‘металл серебристого цвета’. Однако ни один из словарей не дает производных значений у слов *железо* и *железный*, возникших за счёт использования признака ‘цвет’. Но в контекстах мы можем увидеть результаты когнитивной обработки данного признака. Цвет железа – это цвет холодной осенней воды (*Нева шла громадой железной воды*), звезд и звездного неба (*сосут космическое звездное железо*), т. е. темно-серый. Определение *железный* может уточняться определением *синий, синеватый*, обозначая сдвиг от темно-серого в сторону синего:

35) *Исмаил смотрел на гостя из-под железно-синих бровей* (А. Проханов);

36) *Поверхность воды на ржавых лужах подернута тонкою пленкою, которая отражается на солнце **железно-синеватым** блеском* (С. Т. Аксаков). Наблюдается также сдвиг в сторону черного, что указывает на принадлежность к темным участкам цветовой палитры:

37) *Такой **железной черноты** не видел я у зеркал...* (Г. А. Шенгели).

Цвет железа, как и цвет стали, противопоставляется голубому и синему по признаку ‘способность / неспособность к сочувствию, человечности’:

38) *У красавицы лекарки*

*на браслете **бирюза**,*

запись в книгах без пометки –

*и **железные** глаза* (А. С. Присманова).

Чугун является самым темным металлом из указанной группы. В словаре его цвет определяется как ‘черный с сизым отливом’ [СЕ]. Соотнесение с объектами чугунного цвета позволяют уточнить представление о металле как о темно-сером, почти черном: *в **чугуне** отягощенных туч; пара ворон, распахнув веера, **чугунной** чешуей взъерошась; иранец зовет, **черный, чугунный***. Контексты также свидетельствуют о том, что говорящий выделяет цвет чугуна на фоне черного, синего и сизого:

39) ***Чугунная** волна застыла за кормой.*

*Сквозь дымку **сизую** неуловимой мути*

*Полоска берега темнеет **синевой*** (В. П. Катаев);

40) *В прозрачно-**синей** воде покачивается садок-клеть, сплетённая из тростника, и там копошатся черно-**чугунные крабы*** (Н. Кожевникова);

41) *Пчелкин обогатил ужасный лик **чугунной синевой** бури* (В. П. Катаев).

Итак, анализ метафор, где в качестве источника выступает цвет металла, показывает, что объекты, цвет которых определяется через соотношение с серебром, платиной, оловом, свинцом, алюминием, цинком, нике-

лем, сталью, чугуном, чаще одни и те же, а вот их цвет может немного варьироваться в зависимости от внешних условий (температуры, освещенности, времени года и т. п.), и наиболее точное представление о нем дает именно отсылка к металлу. Контексты демонстрируют, что для носителя языка названные металлы все-таки отличаются по цвету и это сложные оттеночные цвета, противопоставленные чистым цветам, относящимся к тем же участкам палитры:

42) *Отягощенные, лениво*

Под летним ветром гнутся нивы;

Блеснут то серебром, то сталью,

То белой, облачной эмалью (К. М. Симонов).

Самые светлые из них серебро и платина, которые отличаются только аксиологически, серее свинец и сталь, где к серому добавлен синий оттенок, еще темнее железо. Чугун ближе всего к черному участку.

Кроме того, металл концептуализируется как носитель цвета, занимающего определенное место в аксиологической шкале. Будучи практически одинаковыми с физической точки зрения, цвета некоторых металлов различаются именно ассоциативной составляющей.

Красно-желтый участок спектра соотносится с цветом золота, латуни, меди, бронзы.

Цвет золота прежде всего связывается с солнцем. Однако это, как правило, не цвет самого солнца как объекта, а цвет, который придают солнечные лучи другим объектам: *всплывало солнце, **вызолотив** мох на огромных серых валунах вдоль дороги; с легкими и прозрачными облачками, подсвеченными **золотцем** солнца; в утреннем солнце **позолоты**; солнце **золотит** снег; незрелый солнечный луч **золотил** стенку; солнце вёдрами лило золото в лес: **золотые** деревья, и небо **золотое**, и мох **золотой**; закат-золотарь.* Также цвет золота приобретают предметы, освещенные костром или искусственными источниками: *свет люстры чудесно **золотит** ваши прекрасные*

волосы; лицо озолотилось под светом обычной лампы; фонарь слабо золотил его упавший высокий лоб; на лицо его падал слабый красноватый свет от костра и, казалось, золотил его бороду; мрачный, тусклый огонь позолотил ее очи; ночью золотилась кострами.

Контексты однозначно указывают, что это цвет, относящийся к желтому участку спектра ²⁷:

43) *Желтое солнце светло блестит, желтое платье в окне золотится...* (А. А. Ахматова);

44) *Под желтыми космами золотого же солнца* (А. Крамаренко).

Цвет золота ярко-желтый, что подчёркивается сопоставлением с редко варьируемым цветом некоторых растений (*золотарник* ‘солнечное растение ярко-желтого цвета с мелкими цветочками, собранными в пирамидальную метелку’; *золотого подсолнечника желтые космы; ароматный одуванчик золотисто-жёлтый мальчик*) или других хорошо известных объектов: осенних листьев (*золотой головой октября; золотились осенние поля*); плодов (*золотые ячменные зёрна; тихо золотилась дыня; золотые плоды ваших любимых цитрусовых; золотились огромные мессинские апельсины*); песка (*где ж тот пляж с золотым песком; золотится чистый, янтарный песок*). Именно интенсивность является подчас основанием сравнения цвета объектов с цветом золота (*взяв рыбешку копченую, что золота золотей*). Утрата стандартной интенсивности отмечается говорящими (*на бледно-золотом снегу*). Усиление интенсивности желтого оттенка интерпретируется как достижение эталонного цвета золота (*его светло-русые, позолотившиеся от солнца волосы*). Интенсивно-желтый цвет золота разграничивается с недостаточно интенсивным желтым, с одной стороны, и с красно-коричневым, оранжевым, с другой:

²⁷ Ср. выводы А. Вежбицкой, которая считает солнце эталоном красного цвета [Вежбицкая 1996].

45) **Золото**, которое давно должно было охватить лес, отчего-то запоздало ни **золотинки** не виднелось в березняках, ни **красной** крапинки в осинах (Ю. Коваль);

46) **Желтое соломы** были его волосы, они **золотились** на висках, прежде чем влиться в **темную рыжеватость** бороды (С. Липкин);

47) И никаких розовых глазок – осмысленные, **карие**, с **золотинкой** (Ю. Коваль);

48) В этот день в церкви выносят крест, освящают воду и мёд **золотой** донник, **янтарный** гречишный, **коричневый** каштановый (В. Дашкова);

49) Огромная тропическая бабочка, **оранжевая** с **золотым** и черным, важно подплывает по воздуху (А. Тайц);

50) Она опять посмотрела на руки отца волосы искрились **красными золотинками** (В. Слипечук);

51) В тесной бане каганец погашен, лишь в каменке раскаленные угли **золотились**, красноватые отблески мягко ошаривали напряженные лица казаков (В. Я. Шишков);

52) Они **золотились** и покрывались **багрянцем**, не теряя листьев (Г. Е. Николаева). Некоторый сдвиг в сторону красного участка маркируется многочисленными употреблениями следующего рода: **огненно-рыжая борода золотится при свете свечей; червонной позолотой; волосы рыжеватозолотящиеся.**

В контекстах встречается ассоциативная колористическая связь между золотом и луной:

53) **Озолоченные** месячными лучами прихотливые, сквозные фигуры (А. И. Левитов);

54) Медленно всплыл над Стамбулом легкий челнок **золотой** (Н. Н. Туроверов). При этом может обнаружиться указание на недостаточную интенсивность цвета:

55) *Проворно мелькая, пробегаю перед глазами жидкое золотице лунного света на черной зелени дубков* (Ф. Д. Крюков);

56) *Вечернее море занимало полмира; лимонная луна широко, но еще слабо золотила его васильковое поле* (В. П. Катаев).

Цветовая специфика золота подчёркивается сопоставлением с более холодным цветом серебра (примеры 57 – 59) и более красным цветом меди (пример 60):

57) *Зажжется ликование*

И запылать костру,

И утро горы золота,

И вечер серебра (В. Блаженный);

58) *Она горит над золотом осенним,*

Она горит над зимним серебром (Н. М. Рубцов);

59) *На самом деле при попытке все же их описать получается обычная ювелирная ерунда: стволы золотые, листья серебряные* (Т. Толстая);

60) *Перезвон и перезвяк листьев золотых и медных* (А. П. Межиров).

Трудно не согласиться с автором, говорящим об эмоциональной составляющей при выборе для номинации цвета именно *золотой*, который противопоставлен *желтому* не колористически, а аксиологически:

61) *Не жёлтый, а золотой, что передаёт не только цвет, но и эмоцию* (В. Смолин).

Цвет золота маркирует положительную зону аксиологической шкалы, с цветом золота связывается все лучшее, близкое, значимое, полезное, доставляющее эстетическое удовольствие, то, чем любят ²⁸:

62) *Посмотри, мои глаза,*

Раньше золотые,

Не видят нынче ни аза,

Мутные, пустые (А. А. Баркова).

²⁸ Об индивидуальном в символике цвета золота см.: [Дерюгина 2015].

Именно отнесение к положительной зоне аксиологической шкалы становится главным критерием при выборе наименования для цвета между *желтым* и *золотым*.

Цвет латуни нечасто используется для определения цвета других объектов. Анализ метафорического употребления слов *латунь* и *латунный* показывает, что латунь осознается как металл светло-желтого цвета (*цвет минерала латунно-желтый; небо латунно-желтое, с редкими кровавыми прожилками; цвет халькопирита латунно-желтый*), сопоставляемый по цвету чаще всего с луной (*люблю луны латунный свет; латунью выплыл месяц; месяц из латуни*). В контекстах цвет латуни характеризуется как светлый на фоне желтого и золотого как более ярких цветов:

63) *Озеро блестело внизу светлой латунью. За ним желтели стволы сосен, синели их уходящие вдаль вершины* (Н. И. Гаген-Торн);

64) *Над нами не было тревоги, менялась в золото латунь* (И. Михайловская). Подчеркивается и отличие от цветов белой зоны:

65) *Напротив запада в домах латунь, а иногда мерцанье белой ртути* (Д. Самойлов).

Цвет меди в словаре определяется как красно-желтый, причем колористическое значение выделяется особо, несмотря на то, что дефинируется и общеотносительное значение *медный* 'свойственный меди; такой, как у меди'. Это говорит об особом когнитивном статусе признака 'цвет' для данного металла.

Так же, как и цвет золота, цвет меди связывается с цветом солнца (*солнце медью самоварной; солнце драконье медное око*), но это скорее солнце на закате или восходе, т.е. с оттенками красного (*медь заката, медный закат, медный рассвет, закатная медная ширь*). Также медный цвет характерен для других натурфактов: луны красноватого оттенка (*возникла медная луна*), осенних листьев (*величавей делаются вязы, когда их одевают август в медь*). Специфику медных красок осени часто выявляют на фоне золота: *в нем золото и медь, и золотистым светом без солнца озарен весь*

уголок лесной; перезвон и перезвяк листьев **золотых и медных**; **золото и медь** дубов. Довольно часто цвет меди становится опорой при выборе номинации для цвета кожи (*смуглых щек обветренная медь*; *на темной меди строгого лица белел рубец*), а еще чаще волос (*медь стриженного затылка*).

При этом контексты с колористической лексикой выделяют цвет меди на фоне красного, коричневого (*краска на полочке стоит, цвета **красный, медный, коричневый** и т. д.*; *цвет его волос **медный**, с **красноватым** отливом*) и сближают его с рыжим (*коса **рыженькая медь***).

Цвет бронзы приписывается тем же объектам действительности, что и цвет меди. Однако в случае соотнесения с бронзой это цвет не просто загорелой кожи, а очень загорелой (***бронзовый, прокопченный солнцем парень***; ***загарная бронза; бронзовый загар; бронзовый румянец***; *от загара кожа, естественно, окрасилась в **бронзовый цвет***; ***бронза загорелых тел***; *кожу можно описать как **бронзовую** или **чересчур смуглую***), не просто осени, а поздней осени (*литая **бронза** груш, где осень не иссякла; край **забронзовевшего** от перестоя пшеничного поля*), позднего заката (***бронзов** был закат; в закате **бронза***), модных артефактов и аксессуаров (*лак для ногтей **бронзовый** в наличии; повесить в комнате **бронзовые** шторы; **бронзовый** цвет волос универсален и многогранен*). В нем есть ноты коричневого, но все же цвет бронзы дифференцируют с коричневым (***бронза влажная рук проворных** иль **коричневое** плечо*). Специфику бронзового цвета отражает и сопоставление с золотым, а также рыжим и другими цветами красного спектра:

66) *Лишь яблони в **золотисто-бронзоватой** мелкой мертвой листве.*
(И. А. Бунин);

67) *Сверкнул на солнце **бронзовый** лак ногтей, и будто язычки пламени вспыхнули в роскошной **темно-рыжей** гриве.* (А. Маринина);

69) *У нее был **смуглый кирпично-бронзовый цвет** лица; по его крепкому румянцу и **золотому** загару пестрели грязные следы размазанных слез*
(А. И. Куприн);

70) ***Розовела** на небе закатная **бронза*** (Б. А. Лавренев).

Цвет бронзы концептуализируется как престижный, благородный:

71) *Благородные бронзовые* словно отпечатки времени, подернутые патиной (Д. Локтева);

72) *В этом разделе Вы отыщете свой оттенок бронзы, который превратит Ваши ручки в настоящее произведение искусства* (В. Лев);

73) *Это все проходило без следа, кожа приобретала благородный бронзовый оттенок, отвисшие груди и животы переставали внушать отвлечение и даже как будто подтягивались* (А. Каменецкий).

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что восприятие цвета очень часто осуществляется с использованием ассоциативного сближения с цветом металлов. Более того, значительным является количество контекстов, где одновременно метафорически используются цветовые характеристики нескольких металлов для достижения точности и выразительности:

74) *Серебро реки тундровой, золото зари востока, бронза на вершинах сосен* (К. Ф. Жаков);

75) *Незвонкую медь дарят полям и лесам. Раскаленное серебро облакам* (В. Бурлак);

76) *И тот же час, и та же медь заката на облаке из тяжкого свинца* (Л. Гумилев);

77) *Желто-красное хищное пламя клубится, опадает, взмывает к вершинам деревьев и ползет по кустам у самой земли. Дорожки завалены медью, латуню и золотом. Золота очень много* (Г. Алексеев). Регулярность и частотность подобных контекстов позволяет говорить о наличии метафорической модели ‘цвет металла → цвет X’ и ее высокой продуктивности²⁹.

Анализ метафор с областью-источником ‘цвет металла’ помогает уточнить словарные дефиниции и разграничить очень близкие значения

²⁹ Ср. [Апресян 1974], где данная модель отнесена к непродуктивным.

слов, связанные с обозначением цвета, а также получить более точное представление об этих цветах.

Цвет металла является одним из важнейших когнитивных признаков, используемых для познания других областей действительности, поэтому должен быть отражен в словарной дефиниции, особенно в словарях активного типа.

Цвет металла может быть нагружен аксиологически. Аксиологическая составляющая часто является единственным признаком, позволяющим отличить цвета металлов, практически идентичные друг другу в физическом аспекте.

2.2. Блеск

«Разновидностью зрительных образов, лексикализованных различными частями речи, выступает концепт ‘отражение света’, который в русском языке репрезентирован разнообразно: глаголами (*блестеть, сверкать, сиять, гореть – штыки горят на солнце; искриться, мерцать, лосниться*), прилагательными (*блестящий, сверкающий, сияющий, искристый, искрометный, лоснящийся, глянцевый, глянцевитый*), существительными (*блеск, сверкание, мерцание, блик, отблеск, отсвет*)» [Крылова 2001].

Восприятие цвета металла часто осложнено его способностью к отражению света. Именно сочетание цветовых характеристик и блеска различной яркости (*блестящий, тусклый* и т. п.) дает специфический визуальный образ конкретного металла. Подобные наблюдения сделаны, например, в [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005]. Чтобы зафиксировать способность металлов в той или иной мере отражать свет, в словарных дефинициях используются у следующих металлов, используя в дефинициях слова с семантическим компонентом ‘блеск’: *серебро* ‘благородный металл серовато-бе-

лого цвета с блеском' [СЕ, СУ], *серебряный* 'блестяще-белый, цвета серебра' [СОШ]; 'цветом или блеском напоминающий серебро' [СЕ]; *платина* 'драгоценный тугоплавкий блестящий металл серовато-белого цвета' [СОШ]; *оловянный* 'имеющий цвет олова; светло-серый с тусклым отливом' [СЕ]; *золотой* 'цветом и блеском напоминающий золото' [СЕ], 'блестяще-желтый, цвета золота' [МАС]. Кроме того, внешний вид некоторых металлов (стали, железа, олова, никеля, свинца, цинка, чугуна) определяется через отсылку к свойству 'серебристый' (*серебристый* 'цветом и блеском напоминающий серебро, отливающий серебром' [МАС]), которое также связывается с представлением о блеске.

Интересно, что один из самых блестящих металлов – золото – ни одним из словарей не определяется через способность отражать свет, в то время как дефиниция прилагательного *золотой* фиксирует и цвет, и блеск золота (*золотой* 'цветом и блеском напоминающий золото' [СЕ], 'блестяще-желтый, цвета золота' [МАС]). При этом у глагола *озолотиться* производное значение толкуется таким образом, что между способностью отражать свет и приобретением оттенка золота устанавливается причинно-следственная связь: *озолотиться* 'осветившись, приобрести золотистый цвет, оттенок' [МАС].

Употребление наименований металлов и их производных в метафорических производных значениях часто базируется на признаке 'блеск'.

Именно наличие блеска отличает визуальное впечатление, обозначенное прилагательными *желтый* и *золотой*:

78) *Волосы волнистые, желтые, с золотым отблеском* (А. Мариенгоф);

79) *Все те нити, что ночами и долгими днями столяр из себя выпрядал, – все те нити, невидные прежде, теперь засверкали тысячами великолепий; будто желтое дерево стен оклеили золотой бумагой, и ярче солнца светила комната в тусклом свете четырех коптящих свечей* (А. Белый).

В контекстах, реализующих метафоры, основанные на признаке металлов ‘способность отражать свет’, используются предикаты *блестеть* ‘издавать блеск, светиться’, *сверкать* ‘сиять ярким, искристым, прерывистым светом’, *гореть* ‘сверкать ярким, ослепительным блеском (отражая свет)’ и т. п. и их производные, которые номинируют интенсивное свечение объектов, сравниваемых с металлом: *настоящая служба, мой друг, не блестит позолотой; сияя тусклой позолотой; кровавой позолотой сверкнул его убор; свинцом блестела вокруг картофельная ботва; горы свинцово поблескивали; крылья свинцово блестят; темный стальной океан сверкал так, что больно было смотреть; за серебром раки, серебро реки блестит; в своём обнажённом серебряном сверкании; сверкнув серебряной листвой, небо уже начинало сиять сплошным серебряным блеском; медь ее стриженого затылка вспыхнула; угасал латунный сверк; медный блеск облаков; увидел под водой яркий бронзовый блеск; оловянно светилось небо над городом; оловянно проблеснула река; оловянно взблескивали.*

Также в контекстах отражается и низкая интенсивность свечения или снижение интенсивности: *покрыл застывшим тусклым серебром*³⁰; *мерцали*³¹ *в солнца позолоте; волны Альп, мерцающих над синью платиной горбов своих ледяных; светится тусклой латунью волна от весла; тускло отливавшие*³² *платиновой проседью волосы; тусклым оловянным листом лежало море; тускло-оловянные мухи; по оловянно-перламутровому мерцанию, тусклый оловянный блеск реки затухал; факелы озаряли утесы оловянным мерцанием; матовым*³³ *свинцом мерцает в стеклах окон; струистым оловом проблескивает Волга.*

Как следует из примеров, яркое или не очень интенсивное свечение не связывается с какими-то конкретными металлами. Сила отражения света

³⁰ Тусклый ‘не имеющий блеска, потерявший блеск’.

³¹ Мерцать ‘о колеблющемся свете, слабо блестеть’.

³² Отливать ‘иметь какой-л. отлив (в 3 знач.)’, отлив ‘отсвет, отблеск’.

³³ Матовый ‘не имеющий блеска, глянца’.

зависит от ситуации. Всем основным металлам, цвет которых используется как источник когнитивной метафоры, присущ и блеск. Однако следует отметить и то, что олово все-таки чаще осознается как тусклый металл.

Синестезия перцептивной системы человека доказана в психологии и проявляется в работе языка ³⁴. Например, «наличие в семантике индоевропейских цветообозначений семы ‘светящийся’ доказывает изначальную синкретичность восприятия и отражения в языке свето-цветового зрительно воспринимаемого признака поверхности предмета. Понятие о цвете изначально тесно связано с понятием о свете, светимости, яркости. Цвет в древности – это различные яркостные вариации света, как бы излучаемого предметом. Как ‘светимость’ поверхности воспринимается не только наличие блеска, способность излучать свет, но и наличие яркой, насыщенной окраски, то есть способность создавать сильное зрительное ощущение» [Кожемякова 2001, с. 186]. Наш материал показывает, что восприятие цвета современным человеком также сопровождается оцениванием светимости. В контекстах метафорического познание внешнего облика объекта весьма часто производится на основе комплексного восприятия цвета и блеска металла:

80) *Да, увидел пруд, слегка **позолоченный** солнцем, темную зеленоватую воду, насквозь прогретую* (М. Кучерская). В данном предложении *позолоченный* передает смысл ‘покрытый желтоватыми отблесками’;

81) *Лицо его оставалось серым, зато **латунные** глаза явились из-под век во всем своем тусклом цепенящем блеске* (М. Дяченко, С. Дяченко).

Сопоставление *латунный* и *серый* позволяет сосредоточиться на цвете глаз, а словосочетание *тусклый блеск* на светимости низкой интенсивности. В результате создается целостный визуальный образ глаз;

³⁴ См., например, [Урысон 1998, 2003] об отражении зрительного восприятия средствами русского языка, [Алешина 2003] о переносе со слуховых ощущений на зрительные, обонятельные, кинестетические и т. д.

82) *Добраться до отливающих сталью скал у подножия конусовидной горы оказалось нелёгкой задачей* (И. А. Ефремов). Автор употребляет выражение *отливающих сталью*, в котором причастие (*отливать* ‘иметь какой-л. отлив (в 3 знач.)’, *отлив* ‘отсвет, отблеск’) отсылает одновременно и к серо-голубому цвету, и к блеску стали.

Таким образом, на нашем материале удалось подтвердить вывод о том, что «в современном русском языке некоторые отпредметные цветообозначения имеют сему 'с блеском', но она выступает лишь как дополнительная характеристика, обусловленная свойствами эталона, то есть предмета, от названия которого образовано цветообозначение» [Кожемякова 2001, с. 197], и то, что блеск является характеризующим признаком металлов как объектов – эталонов зрительного восприятия.

Гораздо реже, чем цвет, способность металлов блестеть все же тоже вписана в ценностную картину мира.

В ней способность к более интенсивному свечению концептуализируется как нечто положительное, более предпочтительное, чем отсутствие блеска:

83) *Над свинцом серой жизни сверкала мечта позолота* (М. О. Цетлин). Данный контекстуальный эффект вполне системен для русского языка и русской языковой картины мира, где *тусклый* не только ‘не имеющий блеска, потерявший блеск’, но и ‘бессодержательный, неинтересный, скучный, серый’ [МАС], а *блестящий* не только ‘яркий, сверкающий’, но и ‘великолепный, роскошный’, ‘выдающийся, замечательный, превосходный’.

2.3. Звук

В словарях отмечаются метафорические значения, базирующиеся на знании о том, какой звук издают предметы, сделанные из металла: *серебро* ‘перен. Мелодичность, звонкость и чистота (голоса, звука)’, *серебряный* ‘мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т. п.)’, *серебристый*

‘мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т. п.)’, *медь* ‘перен. Звонкий и резкий, напоминающий звук от удара по меди (о голосе)’. Очевидно, что указанные значения базируются на обыденных знаниях человека и стандартизированных представлениях. Представление о звуках, издаваемых металлами, весьма устойчивы и поэтому способны отчетливо противопоставляться или сопоставляться:

84) *Голоса детей хоронили их, но не медью звеня – серебром* (И. Г. Эренбург);

85) *На дальнем, недоступном болоте в серебряные и медные трубы переливчато заиграли-закурлыкали журавли* (Ю. Коваль).

При этом и изделия из других металлов издают определённый звук. Но этого рода ситуации метафорически осмысляются чаще в связи с железом. Звуки, связываемые с железом, представляются несколько разнообразнее, чем те, которые ассоциируются с серебром и медью и отмечаются в словарях.

Контексты позволяют определить звук железа следующим образом:

– громкий, раскатистый:

86) *Гром железо куёт в небесах, плети молний секут по вершинам* (Н. Н. Асеев);

– громкий, звонкий:

87) *Метлою лозунгов звенит железо фраз* (В. В. Маяковский);

– пронзительный, резкий, высокого тембра:

88) *Помню: слово за жизнь боролось, а за сердце брал и волок петушиный железный голос, мандельштамовский хохолок* (С. В. Петров).

Кроме того, с железом связываются представления

– о скрипе (*скрип* ‘резкий, высокий звук, возникающий при трении друг о друга предметов или их частей’):

89) *Моркошка же снова упал, застонал, рёбра его заскрипели железно, а воздух ветрено засвистел у него в горле* (С. Залыгин);

– о скрежете (*скрежет* ‘резкий скрипящий звук, возникающий при сильном трении каменных, металлических и т. п. предметов’):

90) *Заскрежещут железные пурги* (Д. Л. Андреев);

91) *Зубрил без умолку Иванчук, так что начинало железно скреже-
тать в ушах* (О. Павлов);

– лязге (*лязг* ‘звук, издаваемый металлическими предметами при ударе друг о друга или обо что-л. твердое’):

92) *Фраза замечательно лязгает железом – ясно слышится передер-
нутая цепь!*» (С. Гандлевский);

93) *Через минуту от центра комнаты железно лязгнуло: «Скажи,
что я нужен ему»* (А. Абрагамовский). Следует отметить, что скрежет и лязг как специфические звуки словари напрямую связывают именно с металлами. Разнообразие звуков определяется интенсивностью действия, в результате которого производится звук (скрип – трение, скрежет – сильное трение) или характером действия (скрип и скрежет – трение, лязг – удар).

Некоторое разнообразие звуковых ассоциаций вызывает и отсылка к стали:

94) *И вот они хватали друг друга за шеи, рвали в клочья сонные ар-
терии, валились на спины; обнимались, пытаясь задушить приятеля двой-
ным нельсоном; и клацали клыками со стальным звоном.* (В. Конецкий). В предложении 94 звук характеризуется как звон (*звон* ‘звук, издаваемый металлическими или стеклянными предметами при ударе’).

95) *Толик своим хрустально-стальным голосом приглашал меня
прийти к кинотеатру «Повторный»* (Л. Петрушевская). В данном примере словосочетание *стальной голос* не дает отчетливого представления о звуке, однако, создавая сложное прилагательное *хрустально-стальной*, автор отчетливо указывает на высокий тон, громкость, чистоту звука (*хрустальный* ‘чистый, звонкий, как у хрусталя (о звуках)’, *звонкий* ‘звучный, громкий, отчетливо звучащий’, *звнящий* ‘высокий, напряженный (о звуке, голосе)’).

Со сталью так же, как и с железом, связывается скрежет. В примере 96 высокая интенсивность, резкость звука подчеркивается тем, что результат воздействия такого звука номинируется глаголом *разрываться* ‘рывком, резким движением разделить на части’:

96) *Со стен Дома инвалидов падали пушки, – казалось, словно свет солнца разрывался стальным скрежетом* (Н. Толстой).

Особой звуковой характеристикой в русской языковой картине мира наделен чугун:

97) *Здесь, в казарме, он чувствовал себя увереннее, и в его голосе слышались низкие **чугунные** ноты* (Изъ Советской печати);

98) *Слушая бури **чугунный** гул, ухом к ущелью прильнул аул* (Г. А. Шенгели).

Как видно из примеров, звуки, которые ассоциируются с чугуном, характеризуются низким тоном. Кроме того, в примере 98 звук номинируется существительным *гул*, которое в словарях определяется как ‘не вполне ясный, сливающийся шум’ [СО, МАС], ‘длительный, непрерывный и не вполне ясно различимый шум’ [СЕ], что подчеркивает длительность звука, но не вполне соответствует значению, реализованному в контексте. Если исходить из того, что указанное словоупотребление не выглядит индивидуально-авторским, а вполне укладывается в сложившееся в русской языковой картине мира представление о гуле, то следует сказать, что более точно это представление отражает СУ, где наряду с указанным значением дается в качестве первого, исходного значения другое (*гул* ‘отдаленный шум большой мощности’). Эта формулировка и отсылка во всех дефинициях к существительному *шум* (‘совокупность неясных глухих звуков, сливающихся в однообразное звучание’) позволяют уточнить, что гул чугуна – это длительный глухой мощный низкий звук.

Как видно из дефиниций, лязг, скрежет и звон устойчиво связываются с металлом и иначе не определяются. При этом контексты демонстрируют,

что эти виды звука ассоциируются не со всеми металлами, а только с железом или сталью. Звуки же серебра и меди, толкуемые словарями через прилагательное *звонкий*, существенно выше по тону, а звон серебра более мелодичен, приятен на слух, чем звон стали и железа. Эта эстетическая составляющая звука серебра является важнейшей его характеристикой, выделяющей данный звук из ряда подобных. Как *серебряный* номинируется звук, о котором носитель языка хочет сказать, что он особенный, в ситуации любования, особой эмоциональности ³⁵:

99) *И радуют на холоду синиц **серебряные** струнки* (Д. Самойлов);

100) *Серебряней дождя, **серебрянее** шпоры звенел весенний час, куда-то уходя* (В. В. Казаков);

101) *И плывет печальная, **серебром** звеня, жалоба прощальная отжитого дня* (А. А. Штейнберг).

Кроме того, звук серебра интерпретируется как не имеющий никаких призывов, портящих его, не имеющий ничего лишнего. Это позволяет использовать этот признак серебра для выражения смысла ‘классический’:

102) *Хотел бы я твой слух забавить,*

Но, как ни изоцряй перо,

Наш синтаксис не переплавить

*В аттическое **серебро*** (С. М. Соловьев);

103) *Гексаметра **серебряные** трубы да тихий лад пастушьего рожка* (Д. И. Кленовский);

104) *Блестят стеклянные шары **серебряной** латынью* (В. Шаламов).

Таким образом, с серебром, медью, железом, сталью и чугуном связываются довольно определенные, четкие звуковые представления.

³⁵ Ср. *серебро* и *серебряный* о цвете пп. 2.1., где обнаруживается сходная концептуализация.

2.4. Вес

Вес ³⁶ – это свойство, объективно присущее любому металлу.

В словарях указываю это свойство отражается непоследовательно, только для единичных металлов: как легкий характеризуются алюминий, олово. Свинец определяется как тяжелый, а в [СУ] – как очень тяжелый металл. В дефинициях существительного *чугун* признак ‘тяжелый’ не указывается, но прилагательное *чугунный* определяется как ‘похожий на чугун, напоминающий чугун по виду, цвету или по тяжести, твердости’ [МАС], глаголы *зачугунеть* как ‘разг. Стать тяжелым, как чугун, налиться тяжестью (обычно о руках, ногах, частях тела)’ [СЕ], *чугунеть* ‘2. перен. Становиться очень тяжёлым’ [СЕ].

В речи признак ‘вес’ как источник метафоры встречается очень часто, в метафоры такого рода вовлекаются и прочие металлы. Вес других объектов материальной действительности определяется через сопоставление с металлами:

105) *Женщина вздрогнула всем телом, но **тяжелая** рука Агеларре, лежащая на ее плече **свинцовым грузом**, уняла дрожь* (Е. Хаецкая);

106) *До полудня лежала **свинцово-тяжелая**, обильная роса* (М. А. Шолохов);

107) *По шоссе густой серой смолой текли знакомые шинели, потемневшие до пояса, давно не просыхавшие, измятые, **свинцово-тяжелые*** (Ф. Д. Крюков);

108) *Решительно оторвав от пола **чугунный** чемодан, я вернулся в вестибюль* (В. Рецептер);

109) *Он был невероятно, неправдоподобно **тяжел**. Гора железных мышц. Лишь теперь, неся его на руках, я уловил взаимосвязь: понял, сколь*

³⁶ Вес понимается в бытовом смысле – как характеристика, связанная со смыслами ‘тяжелый’ – ‘легкий’.

весом должен быть в балете партнер, чтобы легко, как пушинку, возносить балерину в заоблачную высь... (А. Е. Рекемчук).

Значительный вес этих объектов подчеркивается элементами контекста, в котором отображается способ и результаты воздействия тяжелого объекта (*давить, ахать, стонать, скрипеть, гнуться*):

110) *Железная земля тяжка, гроб гулко ахает и стонет* (В. Л. Корвин-Пиотровский);

111) *В синей рубахе, плотный и широкоплечий, он весь – чугу́н: грузно давил локтями стол, давил скамью, и пол под его ногами скрипел и гнулся* (В. Я. Шишков).

Некоторые из объектов материальной действительности, вес которых невозможно проверить по онтологическим причинам, квалифицируются как тяжелые на визуальной основе: они выглядят так, как будто сделаны из металлов:

112) *Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо* (И. Бунин);

113) *И над всем этим великолепием нависало северное небо, свинцово-тяжелое, с лохмотьями грязно-белых облаков* (Э. Володарский);

114) *Море было свинцовое и тяжелое под низко нависшим тяжелым, свинцовым небом* (Л. А. Авилова);

115) *Всё проходит, а вот это огромное, чугу́нное, тяжёлое солнце в вечернем дыму, этот горький ветер, полный до краёв полыньёю, не забудутся* (В. Гроссман);

116) *На западе, в стороне Хунзаха и Ведено, в стороне аулов, закутанных в дым романтических преданий, тяжелой медью горели горы* (К. Г. Паустовский);

117) *Наливаться потоком тяжелого олова стало небо с утра* (А. Бельй).

Этот способ познания действительности зафиксирован и в словарях, где впечатление о тяжести связывается с расположением и цветом туч: *Чугунные тучи* (низкие и темные) [СОШ].

Данные словоупотребления подтверждают синестезию человеческой перцепции.

Другая группа метафор, в которых эксплуатируется признак ‘тяжелый’, отображает телесные ощущения человека. Скованность в движениях, трудности в управлении телом ассоциируются с гипотетической ситуацией заполнения частей тела тяжелым металлом:

118) *И ноги сделались тяжелы, как чугунные, и тело освинцовилось* (В. Липатов);

119) *...Сказал Шахов, с трудом поднимая тяжелые чугунные веки* (В. А. Каверин);

120) *Лучи втягивались назад в мое тело, вместе с ним возвращалась в меня и тяжесть; свинцовеющими шагами, задыхаясь от бега, я достиг наконец отверстия в своде пещеры* (С. Д. Кржижановский);

121) *Иду я назад к машине Буренкина, а ноги чугунные, спина взмокла* (А. Васильев);

122) *Все равно с чем-то новым затеваться поздно, да и мозги какие-то чугунные* (А. Маринина).

Чаще всего в такого рода метафорах задействованы знания о весе свинца и чугуна, эта ситуация зафиксирована и во фразеологизмах: *голова* (или *руки, ноги и т. п.*) *как (словно, точно) свинцом налита (налиты)* ‘об ощущении тяжести в голове, руках, ногах и т. п.’ [МАС]; *чугунная голова; чугунные ноги* (или *руки и т. п.*) ‘об ощущении сильного утомления, болезненной тяжести в голове (ногах, руках и т. п.)’. Однако встречаются и ассоциации с другими металлами:

123) *Почему она останавливалась, я теперь знаю. Голени ее наливались тяжелым серым оловом. Это обычно доходит до нестерпимого предела, и шагнуть становится невозможно, и обязательно надо на какое-*

то время остановиться, чтобы отпустило (А. Эппель). (См. также примеры 116, 117, 126, 146).

Физические ощущения от контакта с тяжелым металлом переносятся в психологическую сферу. Подчеркивание крайней негативности чувств и состояний производится через сопоставление со свинцом – металлом, квалифицируемым как один из самых тяжелых: **свинцовом** налете лжи и грязи; **свинцовая** тяжесть недоброжелательства; картинами **свинцовых** мерзостей нашей жизни; **свинцовой** ненависти; просто-таки **свинцовой** злостью; возбуждало то гадостное, **свинцовое**; в душе **свинцом** нависли тучи; заклеяны **свинцом** гостинодворской приветливости; весь **свинец** горя; наливаются **свинцом** ревности.

Особая группа негативных чувств и состояний осознается следующим образом:

– как наличие внутри человека тяжёлого металла:

124) *Печаль **свинцом** в душе лежит, ни до чего нет сердцу нужды* (К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев);

125) *Зачем же какое-то тяжёлое, неприязненное чувство **свинцовым** грузом ложится ему на сердце?* (В. А. Соллогуб);

126) *Когда багровое солнце слепит нам память из **олова** темного и тяжелого* (К. А. Большаков);

– как давление металлического предмета, помещенного сверху:

127) *Молчание, уличный холод да сырость, и темная-распретемная ночь, с мутно-красноватым отблеском фонарей, с мертвыми улицами и с чем-то **свинцово-тяжелым, давящим** в воздухе* (В. В. Крестовский);

128) *И вы не раз свевали мне печали, мой скорбный дух **давившие свинцом*** (Н. П. Огарев);

129) *Круциферский молчал; вопрос Негрова **придавил чугунной** плитой его грудь* (А. И. Герцен);

130) *Закон о доступности архивных источников, освобождении их из-под **чугунной** руки ведомств для отдачи под контроль общественности только обсуждается, вызывая бурные политические страсти* (М. Зараев);

131) ***Чугунная тяжесть**, что сгибает плечи* (Б. Кушнер);

132) *Ближе к рассвету вовсе **чугунным** сном **придавило** его сторожей* (А. Кабаков);

133) *И это рождало тупой, **чугунный ужас**, и она шла **под гнетом** этого ужаса, ничего уже не соображая* (Б. Васильев);

134) *Участь друга **свинцом** налегла на сердце* (А. А. Бестужев-Марлинский);

– как некоторый другой вид контакта с металлом (проникновение внутрь человека, соприкосновение и. т. п.):

135) *Ефрейтор в свою очередь передавал документ человеку в штатском, а тот точными пронзительно-внимательным взглядом сличал фотографию на документе с личностью его владельца. И не у одного пассажира возникло ощущение, что этот взгляд пронизывает его насквозь и на стене вагона, как на экране, в эти мгновения возникает если не его силуэт, то трепещущий абрис его мыслей. Забрав документы у последнего пассажира, офицер теми же **тяжёлыми, оловянными** словами объявил: – Порядок, спокойствие, неподвижность. И ушел* (В. Кожевников);

136) *Черный, **чугунный страх** перед приближающейся виселицей, видимо, пронизывает все его существо и как бы вытирает наружу* (Б. Ефимов).

Психологические ощущения противопоставляются через метафоры веса тяжелого металла и чего-то легкого:

137) *В приливы время само подталкивает человека, и здесь все зависит от того, чем человека снабдили в детстве: **воздушными пузырями идеалов** или **чугунными веригами материальной озабоченности*** (Б. Васильев);

138) *Любовь, как пух, взовьется вдруг: тоска – свинец внутри сердец* (А. Ф. Мерзляков).

В метафорах, актуализирующих признак ‘тяжесть’ задействованы знания о других свойствах предмета, обусловленных его значительным весом:

– малоподвижность ³⁷:

139) *И формулы округлые, как гири, железный шаг тяжелоброухой мысли* (В. А. Луговской);

140) *Нечеловеческое опьянение висело на нем, как цепи, от этой чугунной тяжести он не двигался, а ворочался, медленный и громоздкий, обросший сырой земляной теменью* (М. Елизаров);

141) *Есть на свете тяжелые, неподвижные, чугунные люди, называющие себя основательными* (О. И. Сенковский);

– чувствительность удара, нанесенного тяжелым предметом:

142) *Снова тяжкий медный удар потряс подземную комнату, заставляя находившихся там людей настораживаться и напрягать все внимание* (А. Ефремов);

143) – *Я тебе покажу мою душу! – приговаривал он, нанося мне чугунные удары* (Ч. Айтматов);

– тяжелый предмет трудно перемещать:

144) *Весь день молчал, думы свои чугунные ворочал* (Б. Васильев);

– тяжелый предмет перевешивает:

145) *Слезы сирот и вдов, что из мертвых очей струятся, на чашку страшных весов тяжким свинцом ложатся* (Э. Г. Багрицкий);

146) *Джедефра говорил медленно, стараясь придать словам тяжесть и прочность бронзы* (И. А. Ефремов).

Анализ материала показывает, что в метафоры с исходной информацией ‘тяжелый’ вовлекаются не все металлы. Только свинец, чугун, железо,

³⁷ Связь способности к передвижению и веса отмечается в [Кустова 2004; Кюсева, Рыжова, Холкина 2012].

олово, реже медь и бронза осознаются как образцы тяжелого. Именно с этими металлами связывается представление тяжести как об отклонении от нормального физического и психологического состояния ³⁸. Возможно, практика взаимодействия с металлами обусловила восприятие названных металлов как носителей признака ‘тяжесть’, поскольку из них чаще всего изготавливаются предметы, размер, устройство и материал которых предопределяет то, что их трудно поднять, что они ощущаются и воспринимаются как тяжелые: *чугунный радиатор, чугунный казан, свинцовый аккумулятор, свинцовая пуля, железная цепь, железная рама, медный колокол, медный таз, бронзовая статуэтка, бронзовый гонг, оловянная кружка, оловянный браунинг*. Изделия из золота, серебра, платины, как правило, небольшого размера, поэтому объективно не могут много весить. Кроме того, доминирующими в их восприятии являются не физические свойства, а красота и ценность (см. пп. 3.2. и 3.3.).

Интересным представляется тот факт, что ощущение физической тяжести передается через довольно частотное вовлечение в метафору олова, которое в словаре определяется как легкий металл.

Думается, что эта ситуация связана с несколькими моментами. Во-первых, обращает на себя внимание то, что в качестве когнитивной основы познания других областей действительности используется только признак металлов ‘тяжелый’, и никогда ‘легкий’ ³⁹. Видимо, это обусловлено тем, что ‘легкий’ и ‘тяжелый’ – это свойства, неопределимые без точки отсчета. Легкими в словаре называются металлы, которые легче остальных. Здесь металлы сравниваются по весу между собой. Когда же знания о металлах

³⁸ Опора на ощущения человека при интерпретации признака ‘вес’ отмечается и в [Кустова 2004; Григорьева 2015]. В основе представлений о весе лежит «прототипическая ситуация взаимодействия с предметом, имеющим небольшой / большой вес» [Григорьева 2015, с. 10]. ‘Тяжелый’ здесь трактуется как тот, вес которого является отклонением от нормального, который человек замечает, так как этот вес доставляет дискомфорт. Из этого проистекает и место, отводимое ‘тяжелому’ на аксиологической шкале, – в ее отрицательной зоне.

³⁹ Данный факт уточняет выводы об асимметричности фреймов ‘легкий’ и ‘тяжелый’, сделанные в [Кюсева, Рыжова, Холкина 2012].

используются как источник метафоры, то в качестве точки отсчета выступают ощущения человека, а чаще любое значительное количество любого металла человеку трудно поднять, переместить ⁴⁰. Поэтому металлические предметы и оцениваются в обыденной жизни как тяжелые, причем признак ‘тяжелый’, способный обычно проявляться в разной степени интенсивности [Ефанова 2013; Григорьева 2015], по отношению к металлам не имеет такого параметра.

Таким образом, в словаре «при ближайшем рассмотрении становится ясно, что речь идет о двух разных ‘тяжелых’ – антропоцентричном ‘тяжёлом’, описывающем предметы, которые человеку тяжело нести, поднимать и объективным ‘имеющим большой вес’ (ср. весомый, веский)» [Кюсева, Рыжова, Холкина 2012, с. 252]; (см. также [Зализняк 2006; Бабаева 2010; Григорьева 2015]). «В наивном сознании значение этого слова связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами – для их смещения, поднятия, переноса» [Апресян 1974, с. 33]. В метафорических выражениях квалификация предмета как легкого или тяжелого опирается на человеческое восприятие, а не на какие-либо объективные показатели, поэтому ‘вес’ следует считать антропоцентрическим понятием ⁴¹.

Отсылка к ситуации взаимодействия человека с тяжелыми объектами позволила бы более точно и однозначно дефинировать признак ‘тяжелый’ ⁴² и указать разные значения прилагательного ⁴³.

⁴⁰ Необходимо отметить, что при оценке веса металлического предмета имеют значение и знания о том, что одинаковые предметы, сделанные из разных металлов, отличаются по весу (ср. золотое кольцо – чугунное кольцо, серебряная пуля – свинцовая пуля).

⁴¹ Другие основания и результаты квалификации этого признака см. в [Кустова 2002; Кустова 2004; Григорьева 2015].

⁴² Ср. толкование *тяжелый* ‘имеющий большой вес, большую тяжесть’, в котором «большой вес» допускает различную интерпретацию.

⁴³ Подробнее о лексикографической значимости выводов см. п. 2.7.

Антропоцентризм языковой картины мира обуславливает то, что металлы, составляющие рассмотренную группу, концептуализируются только как образцы чего-то такого, что создает дискомфорт при контакте с ним. Как видим, в данном фрагменте действительности реализована только одна часть оппозиции ‘легкий’ – ‘тяжелый’, причем ‘тяжелый’ не способен изменять интенсивность, что еще раз доказывает наличие интерпретационного компонента в составе представления о свойстве ‘вес’.

2.5. Прочность

Многие металлы обладают признаком ‘прочный’, ‘крепкий’.

Как показал предварительный анализ, признак ‘крепкий’ трудно отделить от признака ‘твёрдый’. Это ярко продемонстрировано в словарных дефинициях: в каждом из словарей прилагательные *крепкий* и *твёрдый* толкуются друг через друга. Значимым для характеристик этой ситуации представляется толкование прилагательного *крепкий* в [СУ]: *крепкий* ‘1. Твёрдый, прочный. *Крепкое дерево. Крепкий кирпич. Крепкая верёвка*’. Здесь прочность связывается с твёрдостью, что справедливо для иллюстраций *крепкое дерево, крепкий кирпич*. Дерево и кирпич, будучи твёрдыми, являются и прочными, т. е. крепкими. Но в примерах встречается *крепкая верёвка*, которую невозможно отнести к твёрдым объектам.

Как представляется, более адекватно отражены эти свойства в [СД], где отчётливо разграничиваются *крепкий* и *твёрдый* (*крепкий* ‘не поддающийся ломке, разрыву: верёвка и мягка, да крепка’). Здесь и в статье *твёрдый* целенаправленно разводятся *твёрдый* и *крепкий*: *твёрдый* ‘противопол. мягкий, рыхлый; крепкий и жёсткий, хотя при том, может быть, хрупкий, ломкий, неупругий. Песчаник твёрже, но хрупче известняка’. Но даже и здесь автор, поставив задачу разграничить указанные свойства, в толковании *твёрдый* использует прилагательное *крепкий*, что говорит о когнитивной связанности представлений об этих свойствах.

Таким образом, общее в свойствах ‘твёрдый’ и ‘крепкий, прочный’ то, что их наличие проявляется как реакция на внешнее воздействие, а отличие – в том, каковы результаты этого воздействия: твёрдый объект не изменяет своей формы, остаётся постоянным, обладает теми же свойствами, что и перед воздействием, а крепкий, прочный не теряет целостности, крепкий – «это устойчивый к такой деформации, при которой объект распадается на части» [Рахилина 2000, с. 113], «не-твёрдый» объект не перестаёт существовать, но существует в другом виде, а «не-крепкий» объект разрушается, перестаёт существовать.

Ещё сложнее разграничить эти свойства в отношении металлов, поскольку эти свойства у металлов онтологически связаны, однако и здесь они все же разные. При квалификации металла как твёрдого или крепкого, прочного в фокусе оказываются разные аспекты его существования: крепкий объект при воздействии не разрушается, т. е. его крайне трудно разбить, разрезать, разорвать, сломать и т. п. (примеры 147– 151):

147) *Сегодня началась великая работа освобождения людей из **крепкой, железной паутины** прошлого* (И. А. Бунин);

148) *Вы ожидаете, что он с тревожным нетерпением устремится **разорвать железные** путы, связывавшие его движения* (М. Е. Салтыков-Щедрин);

149) *Я любил в ней Марью Моревну и просил ее быть моей женой и понимал эту жену, как **стальную** связь мою с Марьей Моревной* (М. М. Пришвин);

150) *Общее дело – видимое, чувствуемое, решаемое совместно – может **спаять стальными** узами единства* (Д. А. Фурманов).

151) *Нельзя **сломить стальную** поступь века* (М. П. Юрин).

Как следует из анализа дефиниций и контекстов, именно железо и сталь равноправны как образцы крепости (пример 152), они используются как точка отсчета при измерении степени проявления этого свойства (примеры 153, 154):

152) *Пока доедаем консервы, огромный античный запас, зато **железные нервы, стальные нервы** у нас* (Б. А. Слуцкий);

153) *Я создана не из **железа**, но я **крепка!*** (М. А. Светлов);

154) *Александр, имея душу **крепче железа**, приказал продолжать двигаться вперед* (Е. Водолазкин).

Сопоставимость по прочности с железом и другими, менее крепкими или вовсе не крепкими, материалами мотивирует выбор номинации (примеры 155, 156, 160):

155) – *Не **медная** вы, а **железная**. **Крепче железа** в мире нет. – Теперь мы все **железные**, – отвечает она, – а вам бы хотелось, чтобы мы были **кружевные?*** (Н. Н. Берберова);

156) *Как хрупкое **стекло**, всё вдребезги разбито **железным** молотом судьбы!* (И. С. Никитин).

Встречаются единичные случаи, когда смысл ‘крепкий, прочный’ связывается с другими металлами:

157) *Видишь – опять мои дни коротки, ночи идут без сна, **медные** бронхи гудят в груди под рёбрами бегуна* (В. А. Луговской);

158) *Любая голова (будь в ней хоть **медный** лоб) как бы под тем ногтем по швам не распаялась!* (А. П. Платонов);

159) *...Получал вдвое больше потому, что высидел **свинцовым** задом диссертацию* (Ю. Трифонов);

160) *Кто-то, молот взявши в руки, из **стекла** куёт союзы, из **свинца** куёт разлуки* (М. И. Цветаева).

Упоминание стекла – хрупкого материала – позволяет трактовать значение существительного *свинец* как ‘нечто прочное, крепкое’.

Показательным является пример 161:

161) *Бокино – торговое село, стоящее при одном из тех бойких тракторов, которые в зимнюю пору являют собою что-то вроде чистилища для господ проезжающих; тут такие ночлеги и ухабы, для которых надо иметь в запасе и **чугунную** голову, **стальные** бока* (Е. Э. Дряинский). Здесь

о частях тела человека говорится, что они остаются целыми даже после интенсивного воздействия ударов, тряски, жестких постелей. Для обозначения этого качества выбраны прилагательные *стальной* и *чугунный*, выступающие как контекстуальные синонимы. Производное значение обоих базируется на представлении о стали и чугуне как прочных металлах. При этом чугун характеризуется в словаре как металл, ‘более хрупкий, чем сталь’, т. е. ‘ломкий, непрочный, легко поддающийся разрушению, распадению на части’. В контекстах же ни существительное *чугун*, ни его дериваты не обнаруживают ни одного употребления, основанного на признаке ‘хрупкий’.

Таким образом, несмотря на объективно присущее металлам свойство ‘крепкий, прочный’, которое в окружающей действительности может у разных металлов проявляться в разной степени интенсивности, вплоть до полного исчезновения, в русской языковой картине мира металлы выступают как образец прочности, крепости.

2.6. Твердость

Твердый и *мягкий* в русском языке слова многозначные. Первое значение прилагательного *твердый* в словарях формулируется как ‘сохраняющий свою форму и размер в отличие от жидкого и газообразного’. ‘Твердый’ в данном значении включен в ряд ‘твердый’ – ‘жидкий’ – ‘газообразный’. Металлы же в словарях последовательно характеризуются по признаку ‘твердость’ – ‘мягкость’: твердыми называют железо, сталь и платину [СД], мягкими медь, золото, олово, свинец, серебро. Оппозиция ‘твердый’ – ‘мягкий’ позволяет вывить, что прилагательное *твердый* в применении к металлу надо понимать во втором из указанных в словарях значений – ‘такой, который с трудом поддается сжатию, сгибанию, резанию и другим физическим воздействиям; противоп. мягкий’, а мягкий как ‘легко поддаю-

щийся сжатию, давлению; противоп. твердый'. Именно это свойство актуально для металлов в русской ЯКМ, хотя и не жидкое и не газообразное, а твёрдое физическое состояние, на которое указывают дефиниции, определяя первое значение *твердый*, – это тоже характеристика, которой обладают типичные металлы ⁴⁴.

Если соотнести подверженность физическому воздействию и свойства металлов, которые определены как мягкие, то становится понятно, что нечто из золота, серебра, олова, свинца, меди тоже довольно сложно деформировать в обычных условиях, без применения специальных устройств или приложения особых усилий. С позиции обыденной жизни все металлы являются твердыми, поэтому можно сказать, то в словарях металлы характеризуются по твердости не с точки зрения наивного носителя языка, а с позиций энциклопедического знания.

Этот вывод можно подтвердить несимметричностью участия признаков металлов 'твердый' и 'мягкий' в освоении других областей жизни. Только признак металлов 'твердость' используется как источник метафорического познания действительности, причем устойчиво и часто.

Словари фиксируют языковые, т. е. общенародные, закрепившиеся производные значения дериватов, образованных от названий твердых металлов: *железный* 'перен. непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений. *Железная воля. Железная дисциплина*' [МАС]; *железно* 'твердо, с полной уверенностью (прост.). *Обещать железно*'; *железно* 'непременно, обязательно (прост.)' [СОШ]; *стальной* 'перен. Выносливый, сильный, устойчивый, не поддающийся влияниям. *Стальные нервы. Стальная воля*' [СОШ]; *стальной* 'перен. Стойкий, непоколебимый, непреклонный. *Стальная воля*' [МАС]; *стальной* 'перен. Твердый, уверенный (о голосе)' [СЕ]; *чугунный* 'похожий на чугун, напоминающий чугун по виду,

⁴⁴ Ртуть – жидкий металл – в работе не описывается.

цвету или по тяжести, твердости' [МАС; СЕ] *чугунный* 'перен. Тяжелый и твердый'.

Еще шире такого рода метафоры представлены в контекстах. Эта широта проявляется в том, что признак 'твердость' актуализируется не только в указанных словарями языковых единицах и реализуется не только в указанных значениях. Например, частотно значение 'с трудом подвергающийся физическому воздействию', т.е. такое же, как прямое значение прилагательного *твердый*:

162) *Он продвинулся на сиденье вперед, увидел запыленную, **чугунной** твёрдости резьбу покрышек...* (А. Анфиногенов);

163) (Певчий Северовостоков) *пощупал свое **железное** тело. – В лотобойцы, что ли, хоть пойти?* (С. Г. Петров);

164) *Хотелось ударить, уже ощутил ту внезапную **железность** в мышцах, в кулаке* (В. Маканин);

165) *И стало вдруг стыдно своих **железных** ладоней, каменных бицепсов, сильных рук* (К. М. Симонов);

166) *Нет, господа, это Ибсен вспоминает о времени, когда он пробовал **сталь** своих мускулов* (И. Ф. Анненский);

167) *Самый могучий, самый **чугунный** бицепс у Романюка находится там, где у других людей помещается мозг...* (Д. Рубина).

Если обратиться к многотомным словарям, которые достаточно подробно описывают значения слов (например, МАС), то можно обнаружить, что проиллюстрированное в примерах 162 – 167 значение невозможно выявить с помощью дефиниций, хотя указанные словоупотребления очень частотны, и их невозможно считать авторскими. Значение 'с трудом подвергающийся физическому воздействию' в словарной статье [МАС] можно отнести только к отсылочной формулировке '2. Прил. к железо (во 2 знач.). *Железная стружка. Железные опилки.* || Свойственный железу. || Сделанный из железа'.

Обратившись же к дефиниции *железо*, обнаруживаем, что свойство ‘твердый’ у него не указано: ‘Химический элемент, тяжелый ковкий металл серебристого цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун’. Как представляется, такого рода лакуны не способствуют решению задачи словаря представить сведения, даваемые в Словаре о словах, в «отчетливой и удобной для читателя форме» [МАС, с. 5].

Также регулярно реализуется значение ‘неизменный, стабильный, устойчивый’:

168) *Непостижимо, как можно было закончить такое стихотворение **чугунной** формулой пословицы...* (Б. Кушнер);

169) *Терпел он, терпел, однако ж не **чугунный**, – долго ли вытерпишь* (С. Черный);

170) *До недавнего времени мода на кухонную посуду оставалась **чугунно стабильной** – алюминиевые и эмалированные кастрюли стояли на каждой кухне* (Д. Зыко);

171) *Во-вторых, она сейчас уедет на целину – это уже **железно**, решено и подписано, и никаких отступлений быть не может* (А. Волос);

172) *И если после мучительных сомнений она все-таки принимала решение, то уж следовала ему до конца, стояла на своем **железно**, не сворачивая ни на йоту* (В. Валеева);

173) *Но сама игра не обуславливает это поведение железно, она оставляет ему выбор* (Ю. Богомолов);

174) *...Когда **железные** понятия своих страстей, своих забав дает он угнетенным братьям в неизменяемый устав* (Е. Бернет);

175) *Разговор о «**железном** сценарии» возможен там, где есть стандартизованные стили режиссёров и актёров, то есть тогда, когда сценарий отправляется уже от известного киностудия* (Ю. Н. Тынянов).

Подчеркнутые элементы контекста эксплицируют смысл ‘неподверженность влиянию внешних факторов’.

Особый характер, высокая степень твердости, связываемой с металлами, реализуется в контексте через сопоставление с деревом:

176) *В этом имени, в звуках его, есть что-то твердое, но не железно-твердое, а скорее деревянное, не устойчивость духовной деятельности, а устойчивость довольно случайно и неглубинно определившейся воли, – не устойчивость, а упорство, которое, впрочем, не настолько мелко, чтобы быть отождествлено с капризом* (П. А. Флоренский).

Также в контекстах проявляется представление о стали и железе как эталонах твердости:

177) *Но сталь и железо, ребята, помягче гвардейского духа!* (М. А. Светлов);

178) *«Мальчики цинковые. Писатели – все железнее». А журналисты и редакторы «Комсомольской правды» – все гуттаперчевее?* (С. Алексиевич).

Все языковые единицы, связанные с номинацией железа, стали, чугуна, похожим образом в контекстах реализуют признак ‘твердый’, проявляя подобие семантической структуры. Кроме того, наблюдается и существенное совпадение со значениями прилагательного *твердый*.

Казалось бы, прилагательные, образованные от названий мягких металлов, должны были бы называть хотя бы некоторые противоположные признаки, ведь прилагательные *твердый* и *мягкий* имеют антонимичные значения. Однако наблюдается ситуация, отображенная в таблице 1. Лексика, номинирующая металлы, регулярно используется в значениях, базирующихся на признаке ‘твердый’. При этом не встретилось ни одного употребления слов изученной группы в значении, основанном на использовании признака ‘мягкий’. У существительных *медь, золото, олово, свинец, серебро*, определяемых словарями через признак ‘мягкий’ и их дериватов ни в словарях, ни в НКРЯ не встретилось ни одного метафорического значения, основанного на признаке металла ‘мягкий’. Более того, встречаются

единичные употребления, отсылающие к представлению об указанных металлах как о твердых:

Таблица 1. Актуализация признаков ‘твердый’ – ‘мягкий’ в метафорических значениях названий металлов

значение	языковые единицы			
	<i>твердый</i>	<i>мягкий</i>	наименования твердых металлов	наименования мягких металлов
‘легко / плохо поддающийся сжатию, давлению’	<i>твердый грунт</i>	<i>мягкий воск</i>	<i>железные, стальные, чугунные мышцы</i>	—
‘поддающийся / не поддающийся какому-л. воздействию, напору’	<i>твердый характер</i>	<i>мягкий характер</i>	<i>железо, сталь характера</i>	—
‘выражающий стойкость, непреклонность’ / ‘приятный для глаз, слуха, не раздражающий, не резкий’	<i>твердый голос</i>	<i>мягкий голос, тон</i>	<i>железный, стальной тон</i>	—
‘с несколько неопределенными, расплывчатыми чертами, границами’ / ‘резких, прямых, отчетливых очертаний, линий (о чертах лица)’	<i>твердый подбородок</i>	<i>мягкие черты</i>	<i>железный, стальной, чугунный подбородок</i>	—

179) *В глаза лезла эта кряжистая, чуть **свинцовая**, рабочая рука и соблазняла* (Н. Каратыгина);

180) *Нет, чушь. В России бытует плебейское правило «сдавать номер» – как рапорт. А как его сдашь с этой задрыгой! Гарри вспомнил камуфляжного хряка и его **свинцовый** затылок* (А. Боссарт);

181) *Петерс принимал на себя все тяжкие боевые удары, и как бы действительно была у него **медная** грудь, о которую со звоном разбивался противник* (А. В. Туркул, И. С. Лукаш);

182) *Я горшок глиняный, а вы – **чугунный**, если слишком близко стоять с вами рядом – разобьешься»* (М. К. Куприна-Иорданская);

183) *В довоенное время обычно верх брали русские матросы, они ходили стенкой, дружно, крушили чугунными кулаками турецкие, французские, итальянские скулы* (А. Н. Толстой).

В примерах 181–183 твердость, обозначенная прилагательными *медный, свинцовый, чугунный*, подчеркивается употреблением глаголов *разбить, крушить*, называющих действие, в результате которого некоторый объект разрушается из-за контакта с более твердым – металлическим – объектом. Онтологическое обоснование такого рода контакта иллюстрируется в СД «*Горшок чугуну (котлу) не товарищ (расшибется об него)*».

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что только признак ‘твердость’, т. е. ‘неподверженность изменению в результате внешнего воздействия’ является актуальным для металлов в русской языковой картине мира, а металлы представляются как образцы твёрдых объектов ⁴⁵.

2.7. Анализ источника метафоры как прием выявления когнитивно значимой информации

Как показал анализ, по отношению к свойствам металлов ‘твёрдый’ и ‘крепкий’ в словарях представлены разные позиции.

Признак ‘подверженность / неподверженность физическому воздействию’ (‘твердость’/ ‘мягкость’) для металлов последовательно отражается словарями. Как твёрдые металлы характеризуются железо, сталь и платина [СД], как мягкие – медь, золото, олово, свинец, серебро.

При этом важным является тот факт, что ни в одном словаре в дефинициях имен металлов не отмечается признак ‘крепкий, прочный’, однако в [СУ] [СОШ], [СЕ] металлы сравниваются по крепости между собой: *чугун ‘железо, содержащее некоторую примесь углерода, получаемое выплавкой*

⁴⁵ Ср. о расхождении энциклопедической информации и наивного представления признака ‘тяжелый’ в п 2.4.

из железной руды в доменной печи, более хрупкое и менее ковкое, чем сталь'.

Но производных значениях дериватов существительного *железо* этот признак эксплуатируется, на что указывают и словари. При этом значения, возникающие на основе эксплуатации признака 'крепкий, прочный', отделяются от значений, базирующихся на признаке 'твердый': *железный* '3. перен. Сильный, крепкий'; '4. перен. Непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений' [МАС]. Такой способ структурирования значения полисеманта представляется когнитивно обоснованным, поскольку как разные поданы значения, базирующиеся на разных знаниях о железе.

При дефинировании производного значения прилагательного *железный* с когнитивной основой 'крепкий, прочный' используется прилагательное *крепкий*, имеющее очень разветвлённую и сложно организованную систему значений, тем самым включенное в большое количество синонимических рядов. Такая языковая форма толкования затрудняет восприятие его содержания. Определение же значений с основой 'твердый' включает описание сути этого признака – неподверженности изменениям, что представляется более определенным и понятным толкованием.

Необходимо указать, что в целом ряде дефиниций можно наблюдать и смешение этих признаков. Например, в [СУ] переносное значение *железный* формулируется так: 'перен. Сильный, крепкий, абсолютно здоровый. *Железные кулаки. Железное здоровье. Железная натура.* | перен. Непреклонный, твёрдый (книж.). *Железная воля. Железный закон заработной платы. Железная дисциплина. Железная логика*'.

Если проанализировать саму дефиницию, то видно, что ‘твердый’ рассматривается как оттенок ‘крепкий’, что неверно ⁴⁶. Примеры же демонстрируют еще большую непоследовательность. Прилагательное *железный* в сочетании с существительным *здоровье*, несомненно, имеет значение, базирующееся на признаке ‘крепкий, прочный’, т.е. такой, который невозможно разрушить. Но в то же время прилагательное *железный* в сочетании с существительными *кулаки* и *натура* может быть истолковано как ‘твердый на ощупь’ (*твердый кулак*) и ‘непреклонный, не изменяющийся’, т.е. ‘твердый’ (*железная натура*), но возможен и смысл ‘такой, который невозможно сломать’ (*сломать* ‘одолеть, победить кого-л. или подавить, преодолеть что-л.; сломить’), т.е. ‘крепкий’.

Иллюстрации к выделяемому в [СУ] оттенку значения ‘непреклонный, твердый’ нуждаются в отдельном анализе. Мы выяснили, что твердый – это такой, который не изменяется, не знает отклонений от первоначального вида. К таким явлениям можно отнести железную дисциплину (установлена раз и навсегда, не изменяется), железный закон. В контекстах такого рода употребления подчеркиваются синонимами *непреложный*, *непоколебимый*, антонимами *вероятный*, *возможный*.

Сложнее с трактовкой словосочетания *железная воля*, ведь *воля* – это ‘сознательное стремление к осуществлению или к достижению поставленной цели; упорство, настойчивость’ [СЕ]. Настойчивость не может качественно изменяться, она может только исчезнуть. То же можно сказать и о выражении *железная логика*. Логика – это ‘правильный, разумный ход рассуждений, умозаключений’, т.е. именно такой, который и называется словом *логика*. Отступление от правильности и разумности, любое изменение

⁴⁶ Значение ‘твердый’ подается как оттенок значения ‘крепкий’ и у прилагательного *стальной* в МАС: ‘2. перен. Сильный, крепкий. *Стальные мускулы. Стальные нервы.* || Стойкий, непоколебимый, непреклонный. *Стальная воля.* || Твердый, уверенный (о голосе)’. При этом очевидно, что выражение *стальные нервы* базируется на представлении о прочности, а *стальной голос* – такой, который не изменяется, с постоянными интонациями, т.е. основой является признак ‘твердый’.

этих качеств не позволяет рассуждение называть логикой. Таким образом, выражения *железная воля* и *железная логика* скорее эксплуатируют признак железа ‘крепкий, прочный’, а не ‘твердый’ и не могут быть поставлены в один ряд с *железная дисциплина* и *железный закон*. То же можно сказать о примере из [СОШ] *железные доводы*, которым иллюстрируется значение ‘твердый, непреклонный, неотразимый’. Как железные характеризуются доводы, которые невозможно разбить, т. е. уничтожить. Следовательно, когнитивным основанием этого употребления является признак ‘крепкий, прочный’.

Указанные смыслы постоянно эксплицируются с помощью некоторых элементов контекста с общим компонентом ‘уничтожить’:

184) *Этот удар едва ли не был один из тех, который окончательно сломил крепкую натуру «железного графа» и вскоре свёл его в могилу* (Н. Э. Гейнце);

185) *Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.*

*Меня – понимаете сами –
чернильным пером не убить,
двумя не прикончить штыками*

и в три топора не свалить (Я. В. Смеляков);

186) *Да уж, и правда, железная голова, крепка, – подумал Ваня, – Как я ещё с ума не сошёл!* (С. Шаргунов);

187) *Крепкая у меня голова, чугунная, золотая. Как я ещё соображаю что-то в таком стрессе!* (С. Шаргунов);

188) *И ты хочешь, чтобы я разбил последнее звено утешения в чугунной цепи жизни* (А. А. Бестужев-Марлинский).

Формулировки производных значений в словарях часто обусловлены частотной сочетаемостью дефинируемого слова. В МАС формулировка

стальной ‘2. перен. Сильный, крепкий. *Стальные мускулы. Стальные нервы*’ наведена наиболее устойчивой сочетаемостью, хотя не очевидно, что смыслы ‘сильные мускулы’ и ‘крепкие нервы’ однородны с когнитивной точки зрения.

Выделенный в словаре оттенок этого значения дефинирован как ‘твёрдый, уверенный’. Здесь также обнаруживается ограничение, наведенное сочетаемостью. Словарь связывает указанный смысл только с голосом (‘о голосе’). Анализ контекстов показывает, что не изменяющимся, не отступающим от определенного вида, облика, т. е. твердым может быть не только голос:

189) *Все то, что было твёрдого во мне, **стального**, – от тебя и от машинки. Ты исправляла все мои ошибки* (Б. А. Слуцкий);

190) *Но та была правда в этом случайном вздоре, что пригнулась моя **стальная** решимость, с какой я прорезался все годы от ареста и без какой – не дойти.* (А. И. Солженицын);

191) *А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая **стальная** решимость расплылась вдруг киселём* (А. Стругацкий).

Другой оттенок этого значения ‘жесткий, холодный, недружелюбный’ также связывается словарем только с одной сферой применения (‘о взгляде’), что существенно сужает реальное функционирование единиц в данном значении и искажает языковую действительность⁴⁷.

Из проведённого анализа следует сделать несколько выводов, важных для лексикографической практики.

⁴⁷ Когнитивная основа этого оттенка значения описана в п. 3.1.

1) Когнитивный подход к изучению семантической структуры многозначного слова позволяет использовать новый исследовательский инструментарий⁴⁸. Выдвигаемая гипотеза состоит в том, что метафорические значения слова – результат когнитивной эксплуатации различных признаков ОИ метафоры. Проанализировав, какие знания об ОИ положены в основу некоторого значения и какого рода когнитивной обработке они подверглись в ходе метафоризации, мы можем более объективно разграничить или отождествить разные значения соответствующего слова и дефинировать каждое из них. Одно значение и оттенки этого значения слова должны базироваться на одном и том же когнитивном признаке.

2) При отсылочной дефиниции в формулировку значения слова, к которому отсылает словарь, следует включать признаки, которые выступают основой метафорических значений дериватов⁴⁹. Например, прилагательное *железный* регулярно используется в значении ‘твердый, не изменяющий своих свойств, устойчивый к внешнему воздействию’. Из всех предлагаемых словарями формулировок значения прилагательного *железный* с подобными употреблениями можно соотнести только отсылочное значение ‘2. Прил. к *железо* (во 2 знач.). *Железная стружка. Железные опилки.* || Свойственный железу’. Но *железо* определяется в словаре как ‘химический элемент, тяжёлый ковкий металл серебристого цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун’. Из перечисления свойств металла следует, что *железный* в значении ‘свойственный железу’ может выразить

⁴⁸ В [Алешина 2003] предлагаются некоторые способы применения результатов семантического моделирования для более корректного отражения в словарях метафорических значений.

⁴⁹ Подобные выводы делает и О. Н. Алешина в связи с проектом толкового словаря русских метафор: «В дефиниции метафоризатора должен быть отмечен мотивирующий перенос наименования признак, в дефиниции метафоры должно, по возможности, присутствовать указание на сходство называемого референта с тем объектом, наименование которого стало теперь “принадлежностью” иной реалии» [Алешина 2003, с. 264].

смыслы ‘тяжёлый’, ‘ковкий’, ‘серебристый’, что существенно обедняет область использования слова и не соотносится с реальными значениями в контекстах типа *железные ладони, железные когти*.

3) Формулировка значения слова, к которому отсылает словарь, не должна содержать сведений, противоречащих речевой практике, как это происходит с прилагательным *чугунный* в значении ‘крепкий’⁵⁰.

4) При дефинировании продуктивнее избегать использования слов, называющих онтологически и когнитивно связанные признаки. Дефиниция становится более информативной тогда, когда описано содержание называемого свойства, например, *железный* перен. Непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений’ [МАС]. Данный способ является более информативным еще и потому, что в контекстах довольно широко представлены употребления, которые подводятся под описательную формулировку ‘не знающий отклонений, отступлений’, но не ограничены частотной сочетаемостью.

5) В словаре необходимо распределить значения так, чтобы каждое из них, во-первых, базировалось на метафорическом освоении одного и того же свойства, признака или набора признаков, во-вторых, признак должен быть одинаково осмыслен.

6) Толкования метафорических и прямых значений слов не должны быть когнитивно противоречивыми. Например, значение *хрупкий* в [СУ] ‘ломкий, непрочный, легко поддающийся разрушению, распадению на части’ иллюстрируется словосочетанием *хрупкое железо*. При этом *железный* этим же словарем определяется как ‘сильный, крепкий’.

⁵⁰ Напомним, что в [СУ] *чугун* определяется как ‘железо, содержащее некоторую примесь углерода, получаемое выплавкой из железной руды в доменной печи, более хрупкое и менее ковкое, чем сталь’, что противоречит употреблению прилагательного *чугунный* в значении ‘крепкий’.

2.8. Редко эксплуатируемые признаки

В метафорическом освоении действительности задействованы и другие перцептуальные признаки металлов. Они используются не так регулярно, как описанные выше, но наличие такого рода метафор говорит об актуальности этих знаний о металлах.

2.8.1. Непроницаемость

Признак ‘непроницаемость’ связан с железом и свинцом, актуализируется элементами контекста с компонентом ‘преодолеваемый с трудом’:

192) *Есть страшная железная преграда – молчание* (Ф. И. Чернов);

193) *Она хотела выскочить в окно, но самый воздух стал таким плотным, вязким, свинцовым, что...* (В. А. Каверин);

194) *Непроницаемая тьма свинцовым пологом оцетинилась и отяжелела над этими хижинами* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Этот признак положен в основу фразеологизма *железный занавес* ‘преграды (обычно намеренно создаваемые по идеологическим соображениям), препятствующие взаимным контактам различных стран и создающие их политическую изоляцию’.

2.8.2. Температура

Очевидно, что металлы могут приобретать разную температуру вплоть до очень высокой, однако в метафорических выражениях актуализируется представление о низкой и очень низкой температуре металлов. Возможно, в силу антропоцентричности ЯКМ, здесь играет роль то, что при нормальных температурных условиях, т. е. при средней температуре, металлы ощущаются человеком как холодные.

195) *Железною стужей заносит шаги мои ветер* (В. Блаженный);

196) *Давит пальцы **железными** клещами **холод*** (Е. Г. Гуро);

197) *На **железном** на ветру встала вьюга на хвосты* (Б. К. Семенов);

198) *Кто тебя, дитя, принёс в край **железных**, звёздных зим?*
(С. М. Соловьев);

199) *Но когда вдруг почувствовала, что уходит в эту **холодную стальную** пустоту, последней мыслью было, что зря все это.* (А. Моторов);

200) *Пар от окон, стен и крыши, мерзлые решетки. Воздух **сталь**, Нева – Иртыш* (С. Черный);

201) *И едко там стужа **стальная** сжигала ветрами в тайге* (А. Бельй);

***Стальной** ветер, который постоянно дует здесь, требует определенной закалки* (Б. Немцов);

202) *Встреча духа отца с Гамлетом на берегу **холодного, свинцового** моря.* (Н. Н. Чушкин. В. В. Дмитриев);

203) *В **холодный, серебряный** блеск потонули вершины громадных синеющих гор* (Я. П. Полонский);

204) *Вода с шумом ворвалась в уши, **холодным свинцом** затянула голову* (Ю. Рытхэу).

В нефизической области знания о тактильных ощущениях от контакта с металлом осложняются неприятными психологическими обертонами, вызванными разветвленными когнитивными связями представлений о холоде, закрепленных во множестве многозначных единиц русского языка:

204) *Отчаянье в сердце вонзает **холодный железный** костыль*
(С. Черный);

205) *...Сердце, чуждое любви, суровым облитое **хладом**, скорей **железным** назови!* (В. Г. Бенедиктов);

206) *Но у гостя были такие страшные глаза, что лучше с ним не связываться: **холодные, стальные** – не глаза, а **льдинки**.* (Е. и В. Гордеевы);

207) *А глаза настезь, **стылым оловом**...* (Е. Носов).

Таким образом, металлы концептуализируются как холодные, и этот холод неприятен.

2.8.3. Запах

Запах – это признак, который объективно имеется у металлов, но который трудно воспринимается человеческим обонянием. Это, видимо, и является обоснованием редкого использования признака металлов ‘запах’ в метафорах:

208) *Небывалый коричневых сельдей **железный** запах, лимонные полоски на полу* (В. А. Луговской);

209) *Я рванул дверцу и, уже чувствуя **свинцовый** запах артериальной крови, по инерции сказал...* (В. Скворцов);

210) *И я содрогаюсь от ... **медного** запаха слюны, заливающего гортань...* (Э. Г. Багрицкий).

Специфику запаха металлов трудно определить и тем более описать, однако отсылка к запаху определенных объектов позволяет его представить: это запах старой рыбы, крови, слюны, т. е. неприятный. Встречается и прямая оценка запаха металла:

211) *Давило обнюхал следы, и запах показался ему **противным. Жесткий, железный*** (Ю. Коваль).

2.8.4. Вкус

Вкус металлов также сложно воспринимать, однако существует некоторое представление о металлическом вкусе или привкусе, чаще соотносимом со вкусовыми ощущениями во рту после серьезной физической нагрузки или плохого физического состояния:

212) *Прознулся уже на закате с тяжёлой головой и свинцовым привкусом во рту* (Е. Парнов);

213) *Маэстро долго глотал слюну с железным привкусом и успокаивал прыгающее мячом сердце, прежде чем сумел ответить* (А. Иванов).

Однако в контекстах этот вкус получает описание. Он неприятный (пример 214), горький (пример 215), противопоставленный сладкому (пример 216), связан со вкусом снега (пример 217):

214) *Он чувствовал себя счастливым, физически крепким, не было противного свинцового вкуса во рту, не щемило сердце* (В. Гроссман);

215) *Без долгих – до света – бессонниц в аду, без горечи этой свинцовой во рту* (А. П. Ладинский);

216) *Только появился во рту какой-то медный вкус и постоянно хотелось сладкого* (М. Бутов);

217) *Пробовала снег – от него какой-то железный вкус во рту* (Ю. Бондарев).

Наличие этих редких метафор говорит о том, что в этой части заключается когнитивный потенциал данной денотативной области как источника метафор.

ВЫВОДЫ

К числу имманентно присущих металлам признаков относятся ‘цвет’, ‘блеск’, ‘вес’, ‘твёрдость’, ‘прочность’, ‘звук’, ‘температура’, ‘запах’, ‘вкус’.

Среди признаков выделяются те, которые актуализируются в метафорах регулярно (‘цвет’, ‘блеск’, ‘вес’, ‘твёрдость’, ‘прочность’), и те, которые составляют когнитивный потенциал данной понятийной области (‘температура’, ‘запах’, ‘вкус’).

Наиболее часто для освоения других областей действительности используется признак 'цвет'. Для никеля и алюминия это единственный перцептуальный признак, задействованный в метафоре.

Объективно присущие металлам признаки проявляются как антропоцентричные, так как в русской ЯКМ представлены через интерпретацию человеком. Наивное представление может не совпадать с энциклопедическим. Это несовпадение обнаруживается в том, что все металлы, знания о весе которых используется в метафоре, концептуализируются как тяжелые. Кроме того, металлы в ЯКМ не сопоставляются по степени проявления признаков 'тяжесть', 'прочность', 'крепость'.

Указанные перцептуальные признаки концептуализированы в связи их местом, отводимым им в жизни человека, т.е. вписаны в систему ценностей.

Лексикографическое описание значений слов, номинирующих указанную сферу, нуждается в существенной корректировке. При отборе информации, подлежащей отражению в словарной статье, надежным критерием является выявление признаков, задействованных в метафорическом процессе. Опора на эти признаки позволяет также адекватно отразить семантическую структуру многозначного слова.

Среди физических признаков металлов, отмеченных в словарных дефинициях, встретились такие, которые не используются при метафорическом познании действительности: железо и олово 'ковкость', золото 'ковкость' и 'тягучесть', медь 'ковкость' и 'вязкость', свинец 'ковкость' и 'легкоплавкость'.

Лексика, называющая в качестве ОИ латунь и бронзу, функционирует как наименования металлов, а перцептуальные признаки, задействованные в метафоре, и их концептуализация полностью совпадают с данными, выявленными о металлах и их наименованиях.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАЛЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИЕ В КАЧЕСТВЕ КОГНИТИВНОГО ИСТОЧНИКА МЕТАФОРЫ

Современные исследования семантики единиц русского языка доказали, что его антропоцентричность проявляется, в частности, в том, что он отражает вписанность объектов действительности в деятельность человека: как они используются в общественной практике, какими ценностными характеристиками наделяются. Такого рода признаки в диссертации названы экспериенциальными.

С этой точки зрения некоторые группы лексики уже описаны как в системно-структурном, так и в когнитивном аспекте. В данном случае нам важно отметить выявленную лингвистами связь с семантикой слова признаков, происхождение которых напрямую связано с человеком. Например, доказана значимость для номинации объектов и / или категоризации признака ‘тип использования’ [Корнева 2015; Пляскина 2009; Чистякова 2015; Потапова 2013; Хаустова 1999; Лукьянова 2017], ‘действия человека во время использования’ [Попова, Стернин 2007], ‘магические свойства’ [Бурнакова 2016], других экспериенциальных признаков [Горбунова 2018].

Задача данной главы – изучить, какие из экспериенциальных признаков задействованы в метафорическом процессе при использовании понятийной области МЕТАЛЛЫ в качестве источника. Также необходимо раскрыть, как эти признаки понимаются носителями русского языка и какое участие принимают в формировании русской ЯКМ.

3.1. Неспособность чувствовать

Металлы являются объектами неживой природы, в то время как человек – часть живой природы, что формирует такую черту русской ЯКМ, как

противопоставленность человека и металлов по целому ряду признаков и определяет концептуализацию этой противопоставленности.

Человеку свойственно проявлять чувства. Наличие эмоциональной жизни – это одна из отличительных черт человека как представителя живой природы [Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Романов 2004]. Ю. Д. Апресян отмечает, что эмоциональная система человека – одна из самых развитых, сложных и широко представленных в языке [Апресян 1995]. Современная русистика успешно изучила целый набор метафорических моделей, лежащих в основе образного осмысления эмоций и отраженных в метафорических выражениях [Апресян 2003; Зализняк 2006; Красавский 2001; Лакофф, Джонсон 2004; Рахилина 2000 и др.].

Бесчувственность квалифицируется в русской ЯКМ как девиация [Арутюнова 1987]. Одним из способов осмысления данного отклонения от нормы является сопоставление человека с некоторыми металлами.

Отсутствие чувств и их проявлений порождает соответствующие метафоры. Онтологической основой таких метафор с ОИ МЕТАЛЛЫ является осознание металлов как элементов неживой природы. В контекстах регулярно обнаруживаются метафоры, основанные на противопоставлении ‘чувствующий человек’ – ‘не способный чувствовать металл’.

В данный способ представления человека втягиваются многие металлы:

– железо:

218) *Никто из сотрудников сети «Оксиджен» не мог бы представить себе, как сердце несокрушимой Ольги Виторт, железной Лары Крофт, разрывается от горячей любви и острой жалости* (А. Маринина);

219) *И он плачет от обиды. Когда-то железный нарком* (С. Алексеевич);

220) *И стремившийся слыть железным, покупает конверт с цветком, пишет: я хочу быть полезным* (Б. Слуцкий);

221) *Грудь **железную** смягчила нега пламенной **мечты*** (В. Г. Бенедиктов);

– свинец:

222) *...На наших **одеревенелых, свинцовых** глазах* (Б. А. Слуцкий);

223) *Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего **свинцового уха, наш праведный, неумолимый, необлажисмый** Боже?* (Т. Г. Шевченко);

– олово:

224) *Метцельдер пусто хлопал **оловянными** глазами; лицо **раскаяния** не выражало, мягко говоря* (С. Самсонов);

225) *С тем большим удивлением он вглядывался в **железный** каркас научного здания, в «техническую душу», «**оловянных** людей»* (В. В. Библихин);

– сталь:

226) *Лицо, движенья, речь и взгляд **стальное** сердце **распалют*** (А. В. Кольцов);

227) *Я не сомневался, что в каких-то других отношениях она была другой, не **стальной**, и в чем-то, может быть, **эмоциональнее** меня* (Г. С. Померанц);

– цинк:

228) *Ему показалось, что за его спиной стоит гражданин с **цинковой** мордой соглядатая...* (Т. Молдавер);

229) ***Цинковыми** глазами глядел он в течение всего вечера в тарелку, ничего не ел, а только глушил водку* (Вс. В. Иванов);

– чугун:

230) *В такие моменты она – моя сильная, уверенная в себе, **чугунная** мама – была сама на себя не похожа, совершенно беззащитная, с **оголенными нервами, испуганная, растерянная*** (М. Трауб);

231) *Мой самоубийца есть именно **страстный** выразитель своей идеи, то есть необходимости самоубийства, а **неиндифферентный** и не*

чугунный человек. Он действительно *страдает и мучается* (Ф. М. Достоевский);

232) Тем на этот раз хуже: я ненавижу **чугунные сердца**, – на них невозможно сделать **никакого впечатления!** (А. А. Бестужев-Марлинский);

233) Трудно было отыскать это **хорошее** в его **чугунном** никогда не смеющемся взгляде, в **безрадостной** нескладной пожимке толстых губ (А. Солженицын);

– бронза:

234) Плоские муляжи, **забронзовевшие** лики уступают место человеческим **страстям**, подлинным драмам (В. Воронов).

Особенно часто отсутствие чувств связывается с оловом: **оловянно** чеканила; глухим, бездушным **оловом**; **оловянным** утихим сердцем; уставился мутными **оловянными** кружочками глаз; смотрела на него **оловянными** глазами без любви; выражение глаз стало **оловянным**; няля **оловянные** глаза; **оловянно-суровые** глаза; бесстрастными **оловянными** глазами. Такого рода метафоры подчеркиваются другими элементами контекста и согласуются с метафорами цвета, где цвет олова концептуализируется как присущий неживому (см. п. 2.1.).

Также регулярно источником такого рода метафор является знание об отсутствии чувств у меди:

235) При такой-то явственно киплингианской закваске, которая сама по себе уже предполагает **цельнометаллическую** мужественность безо всяких там комплексов, – и вдруг **отчаяние, раздраженность, нервность!** Словно интеллигентский тик на **медном** лице солдата (С. Б. Рассадин);

236) – Значит, он **медный лоб?** – Ну, вот уж и **медный лоб!** Напротив, он человек **довольно чувствительный** (Н. С. Лесков).

С медью связывается представление об отсутствии стыда, зафиксированное во фразеологизме *медный лоб* ‘бесстыжий, нахал’. Данное словосочетание в этом значении используется довольно часто с ярко выраженной отрицательной оценкой:

237) *Как невозможно истребить в саду червей и других вредных пресмыкающихся, так невозможно изгнать из общества этих пролаз с **медными лбами**, которые вотрутся всюду, где только двери не заколочены наглухо* (Ф. В. Булгарин);

238) *А тот, **медный лоб**, набил наново рот семгой, и еще начал мне читать нравоучение* (Н. С. Лесков).

В некоторых контекстах когнитивная связь стыда и меди мотивируется тем, что внешне стыд часто проявляется в покраснении лица, а медное лицо красно-коричневого цвета не позволяет обнаружить этого состояния человека:

239) *Между тем другой, кому боги благосклонны дали **медное** лицо, дабы все законны **стыда** чувства презирать, не рдась, не бледнея* (А. Д. Кантемир).

Такого рода примеры свидетельствуют о целостном восприятии металла, о том, что его образ включает признаки, коррелирующие друг с другом.

Иногда в контексте для подчеркивания неспособности чувствовать используется несколько подобных метафор с источником – элементом неживой природы:

240) *Современным политикам с их **стеклянными** – или **оловянными**, или **свинцовыми** – глазами этой живой влаги на ресницах, **свидетельства нормальных человеческих чувств**, очень и очень недостаёт* (А. Медведев).

Важнейшей чертой в восприятии металлов является то, что они очень часто использованы для выражения смысла ‘отсутствие сочувствия, состра-

дания'. Данный факт в том числе позволяет говорить о приписывании металлам не только противопоставленности человеку, но и в противонаправленности. Это доказывается большим количеством метафорических употреблений имен металлов для выражения неспособности к эмпатии, милосердию:

241) *Как связать **железную** суровость, непоколебимость с **нежностью**, с любовью, не знающей ни закона, ни линии* (В. Гроссман);

242) *Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златую одеждою пышных слов сокрыть **железное** сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели!* (Н. М. Карамзин);

243) *Что-то вроде **жалости** показалось на **медном** лице* (В. Хлебников);

244) *Голос старика **сделался суровым**, в нем снова зазвенела **сталь*** (Д. Глуховский);

245) *Возможно, эти обстоятельства создавал сам бригадный комиссар, **жалея** проштрафившуюся дочь в глубине своего **чугунного** сердца* (Ю. М. Нагибин).

Регулярно встречаются контексты, в которых когнитивное основание метафоры эксплицируется через синонимы: *оловянно-суровые глаза, сердитыми оловянными глазами, глаза оловянно-строгие, железная суровость.*

3. 2. Неспособность мыслить

Высокоразвитый интеллект – отличительная черта человека как биологического вида. Интеллектуальная сфера является сложно организованной системой [Апресян 1995, с. 45], поэтому широко представлена в языке лексическими и грамматическими средствами, которые хорошо изучены в лингвистике [Богуславская 1999; Урысон 1995; Пименова, Сергеева 2003;

Леонтьева 2008]. Ю.Д. Апресян отводит уму ведущее место в иерархии органов [Апресян 1995]. «Интеллектуальная деятельность человека является одной из тех сфер процессуально-событийного мира, которые “притягивают” к себе значительное количество метафор, обладают в плане ассоциативно-образных связей большой центростремительной силой» [Воронина 2000, с. 298].

Металлы, являющиеся элементами неживой природы, осознаются как не обладающие интеллектом. Наиболее часто неспособность мыслить связывается с медью, чугуном, свинцом и оловом. Актуализация именно этого знания подчеркивается использованием в следующих контекстах единиц *вбить в голову* ‘внушать, заставлять усвоить, запомнить’, *пустая голова* ‘пустой, глупый человек’, *тупой* ‘свидетельствующий об умственной ограниченности’:

246) *По своей старой привычке он никогда не упускал малейшей возможности укрепить боевой дух своих солдат, вбить в их **медные** головы простые, а потому неоспоримые истины* (Н. Дежнев);

247) *На нос вашей пустой **медной** головы... что торчит на столбе, знаете...* (Ф. А. Кони);

248) *Видал я молодых в золотых кафтанах, да с **свинцовой** головою* (Д. И. Фонвизин);

249) *Не Фемистокла Алкивиадовича вина, что у Феди **свинцовые мозги!*** (А. В. Амфитеатров);

250) *У столиков – **тупых** зрачков **свинец*** (С. М. Рафальский);

251) *Надобно иметь совершенно **чугунный** лоб, чтоб лезть туда, где вас не спрашивают, чтобы напоминать об вашем существовании людям, которые об нем если ещё не забыли, то, во всяком случае, вспоминать не любят* (М. Е. Салтыков-Щедрин);

252) *А всегда всему помеха – человечья **чугунная глупость*** (М. Горький).

Кроме уже указанных, в русском языке активно используются и фразеологизмы с отрицательной оценкой *медный лоб* ‘(разг., бран.) о бестолковом, тупом человеке’, *чугунная голова* ‘прост. презр. Глупый человек, тугодум’, *чугунные мозги* ‘разг. презр. Об очень тупом человеке; тугодуме’.

Следует отметить, что прилагательное *оловянный* в одном из значений словари дефинируют следующим образом: ‘перен. Тусклый, ничего не выражающий (о глазах, взгляде)’, не уточняя, какие состояния и качества человека не получили отражения во взгляде. При этом они могут быть различными по природе, проявлять разные системы человека, что ярко отражено в контекстах. Это может быть отсутствие эмоций (см. п. 3.1.), а также отсутствие мыслей:

253) *Оставайся со своим папой Римским, в дурдом тебя пора, балда оловянная!* (П. Алешковский);

254) *Оловянное безумие* полуденно стояло в глазах медведя (А. Битов);

255) *Взгляд у девочки временами – тупой, оловянный* (А. И. Пантелеев);

256) *А глаза оловянные, бессмысленные, чуть не выскакивают наружу* (А. И. Куприн);

257) *От Угрозы Борисовны Служкин вышел со спиральной завивкой, с оловянными глазами и блуждающей улыбкой олигофрена* (А. Иванов).

Отсылка к отсутствию интеллекта эксплицируется использованием в предложениях слов *балда*, *бессмысленный*, *олигофрен*. Кроме того, частотны контексты, где метафора интеллекта с источником **олово** актуализируется за счет синонимов или других элементов, имеющих в лексическом значении сему ‘глупый, медленно думающий’: *оловянно-бессмысленными глазами*; *оловянно уставился*; *глаза мужчин оловянно-болванны, пошлый дурак с оловянными глазами*.

Неспособность мыслить в метафорах с источником-металлом чаще получает отрицательную оценку и номинируется именами прилагательными, что противоречит выводам Н. Д. Арутюновой о том, что «в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными» [Арутюнова 1999: 62].

3.3. Наносящий урон

Металлы осознаются не только как часть природы, не имеющая признаков, свойственных человеку, т. е. противопоставленная ему, но и как часть противонаправленная, что выражается в том, что металлам приписывается способность наносить урон. Такого рода смыслы чаще связываются с железом и сталью.

Это может быть физический урон, проявляющийся в лишении человека возможности двигаться, в боли, в уничтожении:

258) *При Иване Ефремовиче он молчал из страха перед его **железными пальцами**, которыми тот действительно мог «отвернуть уши», – печальный опыт у Ванька был* (В. Михальский);

259) *Знали, что **железной рукой**, калёным **железом**, ежовой рукавицей... эти ребята наведут порядок* (С. Алексиевич).

Контакт с железом и сталью в нефизической сфере вызывает ощущение несвободы, в высшей степени дискомфортного состояния, угрозы существованию, смерти:

260) *Боренька испытывал всю **железность** пяты, давящей профессорскую квартиру* (А. Белый);

261) ***Жестокая вещь** – воля **железная** – все на своём пути дробит и ломает* (Е. Скобцова);

262) *Не говори о счастье, о свободе там, где царит **железная судьба*** (А. А. Фет);

264) *Я дерзал называть Вас жестоким, **железным**, немилосердным деспотом* (М. А. Бакунин);

265) *Целая литература из нас никак уже не получится, работала чекистская метла **железнее**, чем я думал. Сколько светлых умов и даже может быть гениев – втёрты в землю без следа, без концов, без отдачи* (А. И. Солженицын);

266) *Акра и гадать не стал, просветив его жёстким излучением **стальных** глаз* (С. Осипов).

Встретился единичный пример, где убивающим воздействием надеется медь:

267) *А я знаю, что если человек взглянул на другого человека **медным** взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьёт его* (Д. Хармс).

Характер негативного воздействия на человека (лишение возможности двигаться, боль, нанесение ран, смерть) ярко проявляется в семантике предикатов и других элементов контекста, используемых для описания ситуаций взаимодействия человека с железом и сталью: *крепко стискивая **железными** руками* (стискивать ‘сжимать, зажимать, крепко обхватывая, держа (руками, зубами и т.п.)’); *стиснув **железными** коленями; сдавленный крепкими, **железными** руками* (сдавить ‘стиснуть, сжать с силою, крепко’); *топталась неспроста мучительного быта **железная** пята* (железная пята ‘о принуждении, подавлении, гнёте со стороны кого-либо’, топтать ‘давить, мять, попирать ногами’, мучительный ‘причиняющий мучение, муку’); ***железной** пятой наступил по случайности на коллективное достоинство граждан; без **железных** клещей регламента* (клещи ‘металлический инструмент в виде щипцов’); *держала второй этаж... в **железном** кулаке* (держать в кулаке ‘подчинять себе кого-либо’); *судьбы в **железных** лапах затиснутый* (затискивать ‘усилием помещать во что-л. узкое, тесное; втискивать’); *зажатые **железной** клятвой* (зажать ‘сжать туго, охватив со всех сторон’); *рукой **железной** пригнула смерть немые города* (пригибать ‘перен. разг. Подчинять, проявляя власть, насилие; притеснять’);

сердце сжато железным обручем тоски (сжать ‘перен., что. Оказать давящее, тяжелое действие на что-н’); *тебя железная судьба казнила жребием тяжёлым* (казнить ‘перен. Подвергать суровому наказанию; истязать’); *день жестокий, день железный вокруг меня неумолимо очертил замкнутый круг* (жестокий ‘крайне суровый безжалостный, беспощадный’, неумолимый ‘неотвратимый, беспощадный’); *житейский холод в тиски железные сожмёт; тоска простирает объятия железные и жмёт меня крепко к гранитной груди* (жать ‘давить, стискивать, сжимать’); *вечную, стальную, беспощадную зависть* (беспощадный ‘жестокий, безжалостный’); *несвобода своими стальными руками впилась мне в горло* (впиться ‘впустить, вонзить в кого-, что-л. жало, зубы и т. п. или крепко присосаться’); *пронзил его молниеносным стальным взглядом* (пронзать ‘наносить сквозную рану, делать в чем-л. сквозное отверстие чем-л. остроконечным, колющим; прокалывать’); *душу снова ранит сталь людских клевет* (ранить ‘перен. Причинять кому-л. душевную боль, страдание’); *рукою сталь правды вонзится* (вонзать ‘втыкать что-л. острое, колющее во что-л.’).

Часть указанных метафор обусловлена метонимической связью, знаниями о том, что из железа, а чаще из стали изготавливают оружие, с помощью которого можно ранить и убить человека.

3.4. Жесткость

Одним из экспериенциальных признаков металлов, задействованных в метафорическом познании действительности, является признак ‘жесткость’. Значение прилагательного *жесткий* трактуется в словарях как ‘твердый, крепкий, плотный на ощупь’ [МАС]. При некоторых вариантах дефиниций в толковании обязательно используется отсылка к ощущению, возникающему в результате действия человека, – ‘на ощупь’, что говорит

об экспериенциальном характере этого признака. В дефинициях также используется указание на признаки ‘твердый’, ‘крепкий’, что свидетельствует об их онтологической связанности с признаком ‘жесткий’. Однако последний отличается своей природой (см. об этом [Pavlova, Kholkina 2013]). ‘Твердый’ и ‘прочный, крепкий’ существуют у металлов независимо от человека и могут проявляться в его отсутствие, даже в неживой природе. Например, твердость, т. е. способность сохранять форму демонстрируется при давлении тяжелого предмета на металлический предмет, а крепость, т.е. способность сохранять целостность, при падении с большой высоты. Для проявления этих признаков человек как субъект восприятия не обязателен. Признаком ‘жесткий’, в отличие от близких признаков ‘прочный’ и ‘твердый’, объект наделяется именно человеком, что и демонстрируется в словарных дефинициях компонентом ‘на ощупь’, где делается акцент на неприятных ощущениях человека при контакте с чем-то жестким. При сопоставлении контекстов типа *твердая кровать* и *жесткая кровать* в первом случае в фокусе находится способность объекта сохранять форму, быть устойчивым к деформации, а во втором – ощущения человека от контакта с ним.

Признак ‘жесткость’ при метафорическом освоении действительности связывается чаще с железом и сталью, хотя имеются единичные примеры использования в этом качестве и знаний о других металлах:

268) *Серый костюм, **стальные, жёсткие** волосы, железный взгляд, уверенная и невысокая; подала твёрдую руку* (А. Терехов);

269) *И при стичке Коля увидел лицо отца, как из тяжёлого камня, и пегая отцовская борода будто ещё **жестче** – из **железной** проволоки* (Б. С. Житков);

270) *А волосы **железной** щёткой росли от середины лба* (А. А. Баркова).

Негативность физического ощущения от контакта с жестким объектом эксплицируется и другими элементами контекста: *уродливый* ‘очень некрасивый, безобразный’, *кошмарный* ‘ужасный, отвратительный’:

271) *Уродливые уценённые товары: женские шляпы, которые можно увидеть разве в кошмарном сне; жёсткая, бесформенная обувь – железный башмак...* (И. Грекова).

Осмысляться как результат контакта с жестким металлическим объектом могут не только тактильные, но и другие по происхождению негативные ощущения:

272) *Вроде бы все как всегда, но в голосе начинала звучать жёсткая, отдающая железом нотка* (Н. Дежнёв);

273) *В голосе Орлова были жёсткие удары меди* (Б. А. Лавренёв);

274) *Глаза жёсткие, стальные, злопамятные, самолюбивые* (Ф. В. Гладков);

275) *В вихревую эту метель безгосударственную, кровавую, удалую – вмешалась, вплелась чёрная чья-то рука, жёсткая, бескровная, стальная, государственная* (Б. А. Пильняк).

Оценивание объекта как жесткого, т. е. вызывающего определенные ощущения в результате тактильного контакта, подчеркивается противопоставлением с мягкими объектами:

276) *Как отметил верховный лидер (рахбар) страны Али Хаменеи, Обама протянул Ирану руку в «бархатной перчатке», но «под мягким бархатом скрывается железная десница»* (А. Терентьев);

277) *Скажите мне ещё и то, почему... никогда такая душа во время рождения не попадётся в жёсткое, медное мужское тело – ни душа мужская, душа смелая, гордая, сильная... не завалится случайно в тихое, роскошное, пуховое тельце девушки?* (О. И. Сенковский).

3.5. Способность украшать

Для человека характерно то, что многие стороны жизни он оценивает с эстетической точки зрения. Металлы довольно часто используются для создания украшений, произведений искусства. Этот способ взаимодействия

человека с металлами является онтологической основой того, что металлы наделяются способностью придавать объекту внешнюю привлекательность. Отсылка к данному свойству металлов может быть усмотрена в дефиниции прилагательного *золотой* ‘4. перен. Замечательный по своим достоинствам, прекрасный, очень хороший’ [МАС]. Прекрасный – это ‘очень красивый’, ‘привлекательный внешне, производящий очень приятное впечатление’. Однако в иллюстративном материале в статье *золотой* нет примеров, демонстрирующих именно красоту, эстетичность объекта. Кроме того, прилагательное *прекрасный* многозначно и в контексте использованных в дефиниции синонимов, отсылающих к ценности золота, понимается скорее как ‘очень хороший’, ‘то же, что: отличный’, нежели как ‘очень красивый’. Таким образом, концептуализация золота как красивого металла в словарях отражена недостаточно отчетливо.

Контексты же регулярно демонстрируют, что способность золота украсить, улучшить внешний вид, впечатление является для носителя русского языка очень актуальным качеством:

278) *Как бы сердечно мы ни были расположены друг к другу, мы не можем, чтобы не **золотить** нашей речи всякой китايщиной, вроде: «вы изволили справедливо заметить», или «как я уже имел честь вам сказать* (А. П. Чехов);

279) *Небьющееся – разлетелось вдрызг,*

и нержавеющей вся заржавела,

*но солнечный все **золотее** диск*

не только Пушкина, но и Державина (Б. А. Слуцкий);

280) *И приветствую малых сих,*

Тех, которым я не нужна,

Но которыми в серый стих

Золотая нить вплетена (Л. А. Алексеева). В данном примере противопоставление золотого как красивого, яркого, запоминающегося серому

как безликому в области поэзии подчеркивает, что золото в русской ЯКМ мыслится как эстетически ценное.

Знание о том, что объект, покрытый золотом, считается более красивым, привлекательным, закреплено в производном значении глагола *золотить* и его дериватов ‘перен. Представить что-л. в более привлекательном, благоприятном свете; приукрасить’ и многократно реализовано в контекстах:

281) *Ты хитростным умеешь языком позолотить все, что тебе пригодно!* (А. К. Толстой);

282) *Потом он, потянув воздух в себя, начал переводить, по обычаю, расстановисто, с спирающимся хохотом в горле – знак, что передаёт какой-нибудь отказ и этим хохотом смягчает его, золотит пилюлю* (И. А. Гончаров);

283) *Но идеалам нет места на земле: человек обязан жить с постылою действительностью и только золотить её, страшась будущего, как злого врага* (Н. А. Полевой).

Реже встречаются примеры, в которых использовано аналогичное знание о серебре:

284) *Чуть-чуть страшит обряд,*

Где вас, как вещь, со всех сторон покажут

И золото судьбы посеребрят,

И, может, серебрит в ответ обяжут (Б. Л. Пастернак);

285) *В моей душе лёд мёрзлых луж, зову, окрась, осеребри, согрей, спаси меня* (У. Нова);

В примере 286 золочение противопоставлено лужению именно как процессы, дающие разные результаты с точки зрения их оценивания:

286) *Не хочу золотить того, что и полуды не стоит: это был явный пример самовластия тела над волею, и этим еще не кончилось* (А. А. Бестужев-Марлинский).

Придание более выгодного внешнего вида может оцениваться иронично:

288) *Тканевые переплёты, уже в силу особенностей самого материала, предполагают некоторую сдержанность дизайна, хотя и здесь масса примеров безудержного наклепывания фольги по принципу: больше золота – больше шику* (Е. Марголин).

Устойчивым является противопоставление красоты истинной и красоты, достигнутой золочением как пустой, ненастоящей, что является одним из проявлений характерной для русской ЯКМ оппозиции **внешнее, физическое – пустое, ненастоящее, низкое / духовное (душевное) – значимое, характеризующее, ценное** [Булыгина, Шмелев 1997; Никитина 1999]:

289) *Но не простит искусство – позолоте*

И вычуре искусственных утех (В. А. Меркурьева);

Пусть позолотой мишурною свет его манит,

Жизни, как людям, он верить не хочет, не станет! (А. Н. Апухтин);

290) *Существовая без гроша,*

без наружной позолоты –

лишь плодом своей работы

ты жива, моя душа (А. С. Присманова);

291) *Творила мир без цели, без границ, блестящий яркой, ложной позолотой* (А. Н. Майков);

292) *Для этих блестящих качеств мотыльковской природы, для этой раззолоченной пыли, стряхиваемой в глаза людям с легких крыльев великосветской бабочки, слишком часто жертвуется всем внутренним, глубоким, нужным и спасительным* (Е. П. Ростопчина).

Интересным в связи с приписыванием металлам разной способности выглядеть красиво и привлекательно представляется пример 293, где чугун представлен простым, не способным вызвать эстетических чувств металлом:

293) *Мой стих, с любезным реверансом,*

В благополучный дом не вхож:

Чугунных строф не спеть романсом,

Жене не подарить, как брошь (Д. Андреев).

3.6. Ценность

В жизни цивилизации металлы занимали и занимают значительное место, поэтому обладают стоимостью как объекты купли-продажи. Это обстоятельство отражается в дефинициях названий некоторых металлов. Например, в [СОШ] указывается, что золото, платина и серебро являются драгоценными металлами, а в [СД] – что золото является самым дорогим металлом. При этом в [СЕ] ценность отмечается только у платины, причем более высокая, чем у золота, золото и серебро характеризуются как благородные металлы. Однако само сравнение в дефиниции ценности платины и золота позволяет понять, что золото тоже считается весьма ценным металлом. На данном участке ЯКМ полностью соответствует научной.

Ценность серебра и золота обусловила использование этих металлов как эквивалентов стоимости других товаров, а также то, что на основе ассоциации ‘высокая стоимость – ценность’ представления о высокой цене металлов не ограничены только смыслом ‘имеющий высокую стоимость’⁵¹, они стали связываться с интерпретацией ценности как ‘важности’, ‘нужности’, ‘больших достоинств, достижений’, ‘статусности’ и под.⁵²

Устойчивое представление о градации металлов по этому признаку сформировало «металлическую» шкалу ценности, используемую для характеристики объекта по значимости, достоинствам, достижениям, в которой участвуют золото и серебро как регулярные маркеры первого и второго ме-

⁵¹ Именно так трактуется концепт «богатство» в [Макеева 2009; Сафонова 2014].

⁵² Ср.: *ценный* ‘1. Имеющий большую цену (в 1 знач.), дорогой. Ценная вещь’. ‘2. перен. С большими достоинствами, важный, нужный’[СОШ].

ста. Регулярное и частотное употребление метафор с таким смыслом, широта охвата ими разных аспектов действительности говорит о центральности места, которое занимают золото и серебро в поле ценности в русской ЯКМ.

Для русской ЯКМ характерна оппозиция «золотой ‘очень ценный’ – серебряный ‘ценный, но все же обладающий меньшими достоинствами’»:

294) *Сказано – серебро, не сказано – золото* (Погов.);

295) *Сказанное слово – белое серебро, сбереженное – красное золото* (Погов.);

296) *Сон после обеда – серебро, а до обеда – золото* (Погов.);

297) *Не битый – серебряный, битый – золотой* (Погов.);

298) *Первый день гость – золото, второй – серебро, третий – медь, и домой едь* (Погов.);

299) *Кроме того, название «серебряный век» предполагает, что в художественном отношении литература этого времени уступает литературе пушкинской эпохи («золотого века»)* (Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия).

Метафорические названия сроков жизни в браке также часто связаны с представлениями о металлах (*чугунная, медная, оловянная, стальная, никелевая, бронзовая свадьба*). В наименования закладываются разные смыслы, связываемые с различными свойствами металлов⁵³, но то, что 25 и 50 лет совместной жизни, очень высоко ценимые русским социумом, именуются *серебряной* и *золотой свадьбой*, несомненно, отражают именно ценностный аспект и градацию золотого и серебряного.

Третье место в шкале ценности может быть представлено вариативно. Например, на фоне золота и серебра бронзой в сфере различного рода соревнований. При этом бронза – это всегда тоже ценность:

⁵³ См., например: [Годовщины свадеб и их названия по годам].

300) *Как и положено, победителей ожидают три наградных номинации – бронзовая, серебряная и золотая* (Е. Налимова);

301) *Алексей Якименко (на фото слева) в пятый раз взял еврозолото, а проигравший ему в полуфинале Камиль Ибрагимов (справа) получил бронзу* (А. Беляев).

Контексты подчеркивают, что наименования регалий в самой незначительной степени обусловлены материалом, из которого изготовлены:

302) *Знак отличия ГТО имеет форму стилизованной многоконечной звезды, в центре которой расположена окружность с изображением бегущего спортсмена на фоне красного цвета для золотого знака отличия, синего – для серебряного значка, а для бронзового решили выбрать зеленый цвет с изображением восходящего солнца* (П. Панов).

Ценностный, а не материальный аспект смысла подчеркнут и в формулировке одного из значений существительного *золото* в СЕ: ‘золотая медаль или золотые медали как высшая награда за выдающиеся успехи в спортивных соревнованиях, на конкурсе и т.п.’ Также в СЕ фиксируются и аналогичные значения у слов *серебро* и *бронза*.

Место в соревновании вообще может быть не связано с металлической наградой, что однозначно выводит на первый план именно смысл ‘значимый, имеющий большие достоинства’:

303) *Бронзовый призер золотой сенаторской гонки – представитель заксобрания Камчатского края Валерий Пономарев* (А. Сивкова, С. Подосенов);

304) *Как и положено, победителей ожидают три наградных номинации – бронзовая, серебряная и золотая* (Е. Налимова).

В периодизации третье место после *золотого* и *серебряного* часто именуется *железный*, метафорическая основа этой номинации носит характеризующий смысл (‘индустриальный’, ‘бездушный’, ‘жестокий’), который в свою очередь связан и со смыслом ‘более низкая’ или ‘очень низкая ценность’:

305) *Литературный XIX век – золотой. Конец XIX–начало XX в. – серебряный. XX век и его литературу, имея в виду в первую очередь социалистический реализм, принято именовать – железным* (О. Клинг);

306) *Бунин был из золотого века, а уже шел серебряный и совсем близко был железный!* (С. Сокол);

307) *Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век! Тобю в мрак ночной, беззвездный беспечный брошен человек!* (А Блок).

Время, следующее за серебряным веком и отличающееся от него качественно в худшую сторону, может ассоциироваться со свинцом:

308) *Свинцовый век, пришедший на смену серебряному, разметал по свету утонченных юношей, порочных гимназистов и миловидных послушников, оставив для Николая Романовича и ему подобных опасные связи с алчными и жестокими молодыми людьми, с которыми ухо остро, потому что предадут, разоблачат, оклеветают, посадят...* (Л. Улицкая).

Расположение за пределами первой тройки однозначно считается провалом, здесь начинается отрицательная зона шкалы ценности:

309) *Лобачевой и Авербуху светит и бронза, и серебро, и золото, но точно, что не медный грош четвертого места* (И. Порошин).

В шкале ценности, представленной метафорами металлов, медь, часто противопоставленная серебру и золоту, маркирует крайне низкую ценность и значимость: *на медные деньги* (учиться, быть воспитанным) ‘на скудные, ничтожные средства; недостаточно’; *гроша медного* (или *ломаного*) *не стоит* ‘ничего не стоит, никуда не годится’;

310) *Только у молодца и серебреца, что медненький грошик* (Посл.);

311) *Видена девка медяна, а не видена золотая* (Посл.);

312) *Завистнику кажется, что у другого золото блестит, а подойдет поближе – медная пуговица* (Посл.);

313) *И она соглашается лишь для того, чтобы наутро понять, что в очередной раз приняла за золотую монету медный грош* (Секс на первом свидании);

314) *Мы разучились нищим подавать, дышать над морем высотой соленой, встречать зарю и в лавках покупать за **медный** мусор – **золото** лимонов* (Н. Тихонов).

Такое восприятие подчеркивается использованием сниженных номинаций *медяшка, медяк* (пример 315), семантикой существительного *мусор* (пример 314). Отрицательная зона шкалы связывается и с некоторыми другими металлами. Особенно ярко градация металлов по ценности проявляется в сопоставлении:

315) *И я в большом унынии прикидываю тщательно: кружок я **алюминия, медяшка?** Или **платина?*** (И. В. Елагин);

316) *Вырастали **золотые, шелковые**, из дали манили и тешили, а сошли к нам и вот уж из **олова**, где же **золото?*** (Н. С. Тихонов);

317) *Суждена тебе жизнь дворцовая,*

***Сребром-золотом** осиянная;*

*А моя судьба – ох! – **свинцовая***

*Моя долюшка – **оловянная**.*

Серебро** твое – чисто **золото

*Не пошло на сплав **свинцу-олову**.*

Дума черная стуком молота

Простучала мне буйну голову (В. Г. Бенедиктов);

318) *Писали же после **золотого** века Пушкина, Лермонтова и Гоголя, хуже, но – писали. Отошел и **серебряный**, и **бронзовый** век. Но есть еще **медный, оловянный, деревянный, глиняный, картофельный, наконец, говенный**, и все это еще будет литература – прежде чем окончательно наступит век синтетический, бесконечный, как вечность.* (А. Битов);

319) *Господи, неужто можно так загубить на корню редчайший шанс по превращению грез в реальность, а **олова** – в **серебро!*** (Д. Симонина);

320) *У доброго молодца только и **золотца**, что **оловянна** пуговка* (Погов).

В последнее время в градационную шкалу включается платина как образец чего-то более значимого, обладающего большими достоинствами, чем золото:

321) *Помимо золотых, есть также бриллиантовые, алмазные, платиновые, бронзовые, серебряные номера, флэш-рояли и «бабочки»* (И. Смирнова);

322) *Для «золотых» и «платиновых» членов клуба предусмотрена гибкая система скидок* (В. Александров);

323) *Золотой концерт и платиновая пластинка... Хорошая сказка, веришь – живешь* (А. Кириллин);

324) *Можно стать обычным и привилегированным членом клуба. Первым вручают «золотую» карточку, вторым – «платиновую»* (В. Александров);

325) *Первыми музыкантами, получившими «платиновую» премию по итогам интернет-продаж собственных песен, стали рэперы из «Outkast».* (Новости);

326) *По количеству предоставляемых услуг: VIP (серебряная, золотая, платиновая), обычная (базовая) и с ограничением услуг* (М. Капсулецкая);

327) *Вы узнаете золотое, платиновое и серебряное правило тренировок на этом тренажере* (Т. Рогов);

328) *Вполне возможно, что с дистанции времени (не сейчас, а позже) подводное течение другой литературы в эпоху **Железного** века и сам конец XX – начало XXI века в России назовут **платиновым*** (О. Клинг).

Анализ метафорических выражений позволяет сделать еще один важный вывод: золото и (реже) серебро в русской ЯКМ являются образцами того, что обладает достоинствами, так как знания об этих металлах используются как когнитивная основа при отнесении объектов к положительной

зоне шкалы оценки, причем часто безотносительно к сравнению этих металлов по ценности. Серебро и золото – эталоны, безусловные образцы хорошего, ценимого:

329) *Хорошие дети, золотые дети, но – что греха таить! – какие-то разболтанные.* (И. Грекова);

330) *Мы юностью нашей богаты, мы встретим их солнечным днем, всем золотом наших закатов и всех наших зорь серебром* (М. А. Светлов);

331) ... *Дом хрустальный на горе для нее.*

*Сам, как пес бы,
так и рос в цепи.*

Родники мои серебряные,

Золотые мои россыпи! (В. Высоцкий);

332) *Серебро и золото, красота какая! Стойкость серебристая, гордость золотая* (К. Эрберг).

Этот компонент представлений о золоте эксплицируется в словарях: «Компонент фразеол. *золотить / позолотить* связан с эталоном, мерилем высшего качества – с золотом. Фразеол. выступает как стереотипное представление о ситуации, когда что-л. неприятное, некрасивое маскируется под приятное, красивое» [БФСРЯ].

В подобных метафорах как их источник встречается и серебро (пример 333) или золото и серебро одновременно без элемента сопоставления (примеры 330–332, 334):

333) «*Но мифы лгут, – возражал Льюис, – хотя это и посеребренная ложь*» (С. Алексеев);

334) *Нет, вот как я тут позолочу да там посеребряю, а ежели и это не помогает, так где ползком, а где и на задних лапках... так-то, папенька-крестный* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Метафорические устойчивые наименования некоторых ценных и значимых фрагментов действительности также часто отсылают к представлению о ценности золота: *черное золото* ‘о нефти или каменном угле’; мягкое *золото* ‘о ценных мехах пушных зверей’; *белое золото* (‘о хлопке’).

Обилие устойчивых выражений, эксплуатирующих метафору, связывающую золото и серебро с ценным, считающимся хорошим, говорит о важности данного способа квалификации объектов для языкового коллектива: *золотые руки* ‘о том, кто умело, искусно все делает, справляется с любой работой’; *золотая середина* ‘об образе действий, поведении, чуждом риска, крайности’; *золотое сечение* ‘гармоническая пропорция, в которой одна часть относится к другой как все целое к первой части’; *золотое время терять (или упускать)* ‘терять время, ценное для каких-л. дел, занятий’; *золотой век* ‘подъем, вершина, процветание, лучшая пора, расцвет, пик, наилучший, беззаботный период жизни, время благоденствия’; также *золотое правило, золотые слова, золотой фонд*.

Расширение сферы референции выражения *золотой век* также подчеркивает важность и востребованность данного вида метафоры:

335) *Для таких репортёров, как Артём Бутейко, настал золотой век, только успевай подгрести чужие окурки со следами губной помады, только подставляй микрофон и камеру под щедрый поток интимных откровений* (П. Дашкова);

336) *Товарищи технологи, машиностроители и энергетики, теплотехники и коммунальщики, особенно слесари-котельщики и сантехники! Для вас наступает золотой век* (из журнала «Техника – молодёжи» 1998-02).

Важнейшим элементом знаний, связываемых в русской ЯКМ с золотом и серебром, является включение в личную сферу говорящего. Серебром и золотом именуется только значимое, важное, приятное человеку, то, что, с его точки зрения, обладает большими достоинствами, т.е. связанное с широким спектром положительных эмоций:

337) *Такие я встречал людские души: овеяны **серебряной** печалью* (З.Н. Гиппиус);

338) *И любит буйная моя мятежность их детскую **серебряную** нежность* (З. Н. Гиппиус);

339) ***Золотые** берега дорогого детства стали чуть виднеться...* (С. И. Кирсанов).

Частотное использование такого рода выражений в качестве обращения к близкому человеку также проявляет указанное когнитивное содержание:

340) *Да доча ты моя! Да **золотко** ты мое **золотое!** Да разумница ты из разумниц* (В. Астафьев);

341) *Странно подумать, что был ты ребенком, и матушка на коленях тебя качала, называла «**золотцем**» и «теленочком», и не было для нее ничего дороже на свете* (Ю. М. Нагибин);

342) *Я сидел у дерева, и рядом со мной холодела живая человеческая **золотинка**, мой друг, мой товарищ, мой брат Леша* (В. Драгунский).

Использование в контекстах метафор с источником **золото** наряду с метафорами с источником **серебро** или с гибридным источником говорит о когнитивном равноправии признака 'ценность' у этих металлов, так как соответствующие метафорические выражения имеют одинаковое значение или используются для усиления положительной аксиологии:

343) *Приходи, кое-что тебе скажу, кое-что покажу, – говорила Людмила, подпрыгивая и напевая, подергивая юбочку, отставляя розовые пальчики, – приходи, миленький, **серебряный, позолоченный*** (Ф. К. Сологуб);

344) *Это значит – летом ли, зимой ли порошей постучит в оконце звонкое ружье, **золотой-серебряный**, друг ты мой хороший* (И. Л. Сельвинский).

На аксиологической шкале имеется еще один фрагмент, ассоциативно осмысляемый через представления о золоте. Он относится к крайней точке отрицательной зоны и эксплицирован значениями следующих слов:

золото ‘навоз, назем, удобрение, особ. сок из-под гнойного назьма и человеческого помет’ [СД]; *золотарь* (устар.) ‘то же, что ассенизатор || *прил. золотарский*’; *золотая рота* ‘деклассированные слои общества, опустившиеся, обнищавшие люди’; *золотить* ‘ругать последними словами’. Примечательно, что у всех этих единиц имеется значение, соотносимое с положительным явлением. Значения, отсылающие в противоположную зону аксиологической шкалы, скорее всего, появляются в результате ироничной или даже саркастической реакции. Этот факт позволяет расширить представление о том, какого рода оппозиции характерны для русской ЯКМ, на фоне уже описанных [Толстой 1995; Шмелев 1997; Зализняк 2006].

3.7. Корреляция перцептуальных и экспериенциальных признаков

Изучение информации о металлах, используемой как основа метафорического отражения других фрагментов мира, позволяет сделать вывод о том, что образ конкретного металла как элемента русской ЯКМ является целостным. Рассмотрим выявленный в исследовании набор признаков каждого из металлов (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Перцептуальные признаки металлов

	алюминий	бронза	железо	золото	латунь	медь	никель	олово	платина	свинец	серебро	сталь	цинк	чугун
цвет	+ 'неприятный'	+ 'престижный, благородный'	+ 'бесчувственный, жестокий'	+ 'хороший'	+	+	+	+ 'безжизненный'	+ 'дорогой, модный'	+ 'мрачный'	+	+ 'бесчувственный, жестокий'	+	+
блеск 'положительный'		+		+	+	+		+	+	+	+	+		
звук			+ 'неприятный'			+ 'резкий'					+ 'приятный, чистый'	+		+ 'низкий'
тяжесть 'доставляет дискомфорт'		+	+			+		+		+				+
прочность			+			+				+		+		+
твердость			+			+				+		+		+
непроницаемость			+							+				
холод 'неприятный'			+							+	+	+		
запах 'неприятный'			+			+				+				
вкус 'неприятный'			+			+				+				

+ – отмеченное в языке наличие свойства

'неприятный' – концептуализация свойства

Таблица 3. Экспериенциальные признаки металлов

	алюми-	бронза	железо	золото	латунь	медь	никель	олово	платина	свинец	серебро	сталь	цинк	чугун
неспособность чувствовать		+	+			+		+		+		+	+	+
неспособность мыслить						+		+		+				+
наносающий урон			+			+						+		
жесткость			+			+						+		
способность украшать			-	+							+			
ценность	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-

+ – отмеченное в языке наличие свойства

- – отмеченное в языке отсутствие свойства

Анализ данных, представленных в таблицах, позволяет сказать, что среди металлов выделяются такие, знания о которых часто задействуются в метафорическом освоении действительности и формировании русской ЯКМ. К ним относятся железо, сталь, чугун, золото, серебро, медь. Алюминий, никель, латунь и цинк формируют группу металлов, единичные признаки которых используются как источник метафоры.

За редким исключением, металлы группируются как носители таких ценностей, которые отчетливо занимают место в положительной или отрицательной зоне аксиологической шкалы. Место в той или иной зоне им обеспечивается двумя факторами.

Во-первых, это экспериенциальные признаки, полученные металлом как объектом, определенным образом контактирующим с человеком. Все выявленные экспериенциальные признаки легко отнести либо к положительной, либо к отрицательной зоне: 'ценность', 'способность украшать, улучшать' / 'неспособность чувствовать', 'неспособность мыслить', 'жесткость', 'наносающий урон'. При этом у конкретных металлов, как правило, обнаруживается набор признаков только из одной зоны.

С экспериенциальными признаками коррелирует то, как концептуализированы перцептуальные признаки. Как уже было сказано, перцептуальные признаки присущи металлам от природы и их наличие не зависит от существования человека. Однако при формировании ЯКМ и в метафорическом процессе задействованы не сами эти признаки, а то, как они познаны и интерпретированы человеком. Поэтому, даже будучи объективно существующими в действительности, перцептуальные признаки получают определенную обработку, концептуализацию, когда становятся объектом отражения в ЯКМ. Характер концептуализации перцептуальных признаков металла – это второй фактор, который определяет место, отводимое конкретному металлу в русской ЯКМ. В положительной зоне шкалы в соответствии с концептуализацией признаков ‘цвет’, ‘блеск’, ‘звук’ располагаются золото, платина, серебро, в отрицательной в соответствии с концептуализацией признаков ‘цвет’, ‘звук’, ‘вес’, ‘запах’, ‘вкус’ – железо, сталь, свинец, чугун, в меньшей мере олово. Бронза концептуализируется несколько противоречиво: у нее отмечаются как положительные признаки (цвет ‘престижный, благородный’, способность блестеть), так и отрицательные (‘тяжесть’, концептуализированная как ‘доставляющая дискомфорт’).

Итак, выявляется следующая закономерность. Если у металла имеются перцептуальные признаки, которые интерпретированы в русской ЯКМ как отрицательные, то среди его экспериенциальных признаков имеются такие, которые относятся к отрицательной зоне аксиологической шкалы. Кроме того, у таких металлов, средствами языка, как правило, фиксируется отсутствие положительно оцениваемых экспериенциальных признаков. Например, сталь обладает перцептуальными признаками ‘холод’, ‘запах’ ‘вкус’, которые по отношению к металлам концептуализированы как ‘неприятные’, а ее цвет концептуализирован как ‘бесчувственный, жестокий’. С данным образом стали коррелирует набор экспериенциальных признаков: ‘неспособность чувствовать’, ‘жесткость’, ‘наносащий урон’.

Показательно и то, что в языковых выражениях не отмечается положительный признак 'способность украшать' и фиксируется отсутствие признака 'ценность'. В то же время золото не обладает ни одним из отрицательно оцениваемых перцептуальных признаков и является носителем положительно оцениваемого признака 'блеск', а цвет золота в русской ЯКМ связывается со всем близким, лучшим, достойным любования. Также у золота среди экспериенциальных признаков отмечены только 'высокая ценность' и 'наличие способности украшать'.

Таким образом, в русской ЯКМ металлы представлены системно и непротиворечиво, поскольку средствами русского языка зафиксированы целостные образы, связанные с четко определенным местом, отводимым конкретному металлу в жизни человека. Отдельные исключения не влияют на общую картину.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования было доказано, что в русской ЯКМ металлы мыслятся как элементы неживой природы, вписанные в деятельность человека. Это отражается в эксплуатации знаний о способе использования металлов, о характере их включенности в жизнь индивида и общества при познании других сфер окружающего мира.

Языковой коллектив приписывает металлам такие свойства, которых нет в природе. Такого рода признаки металлов названы экспериенциальными, поскольку они приобретаются металлами лишь в результате контакта с ними человека.

Анализ экспериенциальных признаков позволяет говорить о том, что некоторые из этих признаков появляются в результате осмысления оперативного взаимодействия человека и металлов. В них закрепляется практика использования металлов в деятельности человека как мерил ценности и

средства украшения. Эти виды экспериенциальных признаков могут проявляться у металлов в разной степени интенсивности или отсутствовать вовсе. Причем отсутствие у металла данного признака или его низкая интенсивность также отмечены языком как значимое свойство.

Другой вид экспериенциальных признаков возникает в результате осмысления человека и металлов как взаимодействующих и сосуществующих элементов окружающего мира. Здесь на первый план выступает их противопоставленность и даже враждебность металлов по отношению к человеку. Этот вид экспериенциальных признаков задействуется только по отношению к металлам – носителям данного признака, не соотносится со шкалой интенсивности. Знания об отсутствии у металла подобного экспериенциального признака не используются в метафоре и соответственно не отмечаются языком.

Основой противопоставления человека и металлов является осмысление их как живого / неживого. Отмечается отсутствие у металлов эмоций и разума. Кроме того, осмысление металлов как неживого проявляется в концептуализации некоторых из них как враждебных человеку, вызывающих различного рода дискомфорт, приносящих ущерб.

Наиболее часто в метафорическом процессе задействованы признаки 'неспособность чувствовать' и 'ценность'.

Латунь и бронза так же, как и металлы, наделяются экспериенциальными признаками. Более того, они занимают определённое место на шкале ценности наряду с металлами.

Характер экспериенциальных признаков у металлов в значительной мере формирует фрагмент русской ЯКМ и отражается в метафорическом использовании соответствующей лексики.

Наличие определенного набора экспериенциальных признаков у металла обуславливает е функционирование языковых выражений, номини-

рующих в русском языке данный металл. Этот результат исследования демонстрирует антропоцентричность описанного фрагмента ЯКМ и семантики соответствующих языковых единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При исследовании понятийной области МЕТАЛЛЫ как ОИ метафорического осмысления действительности в диссертации изучена зафиксированная лексическими средствами русского языка информация о металлах, релевантная для познания и интерпретации других фрагментов действительности.

В ходе работы выяснено, что в русском языке имеется обширный корпус единиц, отображающих результаты метафоры с ОИ МЕТАЛЛЫ. В него входят наименования металлов, используемые в метафорических значениях (14 единиц), а также словообразовательные дериваты имен металлов, репрезентирующие результаты функционирования метафорического механизма (23 существительных, 27 прилагательных, 54 глагола, 9 наречий). Грамматическое и семантическое разнообразие, репрезентативное количество и внушительная частотность в контекстах слов данной группы демонстрирует значимость фрагмента МЕТАЛЛЫ для русской ЯКМ. Эти же факторы позволяют квалифицировать знания о металлах, регулярно и системно используемые в когнитивных процессах, как базовые. Данный вывод и проведенное исследование позволили дополнить представления науки о базовых знаниях – их составе и содержании.

Анализ языковых выражений, в которых слова описанной группы использованы в метафорических значениях, обусловил обнаружение признаков металлов, задействованных в метафорическом процессе в качестве основы познания других фрагментов действительности. Таким образом была продемонстрирована валидность избранной в работе методики выявления когнитивно значимой информации. В результате семантического анализа метафорических выражений, в фокусе которого находилась ОИ метафоры, удалось составить номенклатуру признаков металлов, задействованных в метафорическом процессе, разграничить онтологически связанные признаки, а также выявить, как эти признаки познаны и интерпретированы носителями русского языка, т. е. описать еще один фрагмент русской ЯКМ.

Изучение оснований метафорического переноса наименований с металла на другие фрагменты действительности позволило обнаружить два типа признаков, использованных в этом качестве. Первая группа – это признаки металлов, свойственные им как элементам неживой природы, внутренне присущие, проистекающие из их природы и тем самым определяющие их как некоторые объекты, существующие независимо от человека. Важнейшим из них является признак ‘цвет’, который актуален для всех без исключения изученных металлов. Удалось установить, что металлы в русской ЯКМ соотносятся со сложными оттенками цветов и знания такого рода используются для уточнения и более тонкого определения колористических характеристик описываемого объекта. Исключение составляет золото, которое используется как эталон желтого цвета.

С признаком ‘цвет’ тесно связан признак ‘блеск’, который также часто используется как один из ведущих, неотъемлемых признаков, отличающих металлы от других элементов природы. ‘Блеск’ отмечается у большинства металлов. ‘Блеск’ как источник метафоры довольно часто задействуется вместе с признаком ‘цвет’, что еще раз доказывает синестетичность человеческой перцепции.

Железу, меди, стали и чугуны в русской ЯКМ отводится роль эталонов прочности. К знанию именно об этом свойстве металлов отсылается слушатель, когда обозначается невозможность нарушить целостность чего-либо, уничтожить что-либо.

Отражение свойств ‘вес’ и ‘твердость’ в русской ЯКМ существенно отличается от трактовки соответствующих свойств в научной картине мира, а в некоторых случаях прямо противоположно ей. Все металлы, знания о весе которых используются в метафоре, в ЯКМ отнесены к тяжелым. Такая трактовка веса обусловлена практикой взаимодействия человека с изделиями из бронзы, железа, меди, олова, чугуна, которое сопряжено с физическим усилием. Таким образом, в русской ЯКМ металлы не делятся на тяже-

лые и легкие. Также единообразно по отношению к металлам концептуализируется признак ‘твердость’. Несмотря на то что в реальности разные металлы в различной степени устойчивы к деформации, в русской ЯКМ все металлы, у которых отмечен этот признак (железо, медь, свинец, сталь, чугун), считаются твердыми, поскольку в обыденной жизни человеку сложно изменить форму чего-либо сделанного из этих металлов, что и отражается в интерпретации свойства ‘твердость’. Тот факт, что в основу концептуализации признаков ‘вес’ и ‘твердость’ положен способ взаимодействия человека и металлов в обыденной практике, проявляет антропоцентричность ЯКМ.

Данная группа признаков названа перцептуальными, поскольку, несмотря на их имманентную природу, характер их отражения в ЯКМ доказывает, что каждый из них несет отпечаток человеческого восприятия. Это проявляется в том, что блеск, тяжесть, прочность, твердость в реальности являются относительными и разные объекты обладают ими в разной степени. В русской ЯКМ для металлов это абсолютные признаки, они не могут изменяться по степени интенсивности, поэтому металлы не распределяются на шкале «блестящести», твердости, прочности, тяжести. Кроме того, в языке отмечено только наличие этих признаков. Их отсутствие у металлов для русской ЯКМ не является релевантным при осуществлении метафорического познания мира.

Антропоцентричность перцептуальных признаков металлов проявляется также том, что многие из них получают дополнительную интерпретацию, связанную с ролью, отводимой данному признаку металла в жизни и практике человека. Так, многие цвета и звуки металлов характеризуются на основании широкого спектра впечатлений, производимых на носителя языка (престижный, благородный, безжизненный, бесчувственный, жестокий, дорогой, модный, резкий, классический, чистый). Наличие блеска интерпретируется положительно, признаки ‘холод’, ‘запах’ и ‘вкус’ квалифицируются как неприятные, ‘тяжесть’ как источник дискомфорта.

В ходе анализа языкового материала выявлена группа экспериенциальных признаков, которыми металлы наделяются как объекты, регулярно используемые человеком. Источником этих признаков является человеческий опыт, приобретенный в результате физических или оперативных контактов с металлами и изделиями из них, а также сопоставления места металлов и человека в окружающем мире. Наличие такого рода релевантных для формирования русской ЯКМ признаков еще раз демонстрирует ее антропоцентричность.

Языком отмечены как положительные, так и отрицательно оцениваемые результаты контактов с металлами и их применения.

К положительно оцениваемым экспериенциальным признакам металлов относятся 'ценность' и 'способность украшать'. При этом металлы практически без исключений отчетливо делятся на носителей и не-носителей данных признаков.

На фоне всех признаков металлов выделяется признак 'ценность', поскольку только здесь языковые выражения маркируют как его наличие, так и отсутствие. Кроме того, только этот признак распределяет металлы на шкале интенсивности в зависимости от приписываемой большинству металлов определенной степени ценности.

Отрицательно оцениваемыми являются признаки, базирующиеся на противопоставлении человека и металлов. Основаниями такого противопоставления является концептуализация физических контактов с металлами как негативных, а также оппозиция «живое – неживое». Анализ указанной оппозиции позволил впервые выявить признаки металлов, часто используемые как источник метафоры: 'неспособность чувствовать', 'неспособность мыслить'. Выделение данных признаков дает возможность непротиворечиво и определённо истолковать основания некоторых частотных метафорических употреблений целого ряда слов.

В результате изучения отдельных признаков металлов, задействован-

ных в метафорическом процессе, был смоделирован образ каждого из изученных металлов как элемента ЯКМ. Эти образы практически без исключения являются целостными и логически непротиворечивыми. Наиболее разнообразно и полно в метафорическом освоении действительности используются знания о железе (13 признаков из выявленных 16), меди (13), свинце (12), стали (10), которые концептуализированы как противопоставленные и подчас враждебные человеку. Интересно, что знания о металлах, концептуализированных как ценные, благородные (о золоте, платине, серебре, бронзе) не так разнообразны. Этот факт подтверждает известное мнение о том, что русская ЯКМ скорее ориентирована на отражение отрицательных сторон действительности.

Анализ базовых знаний о металлах, используемых как источник метафоры, позволил разграничить некоторые значения полисемантов, традиционно рассматриваемые как проявления одного значения или оттенков одного значения. Опора на признак, используемый как основание метафоры, является надежным когнитивным основанием для адекватного представления структуры значения многозначного слова, а также критерием для отбора информации, которую необходимо указать в словарной дефиниции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры / С. С. Аверинцев // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: сборник статей. – М.: Наука, 1973. – С. 43–52.
2. Алекперова, Э. Э. Лексическая репрезентация концепта «золото» на сопоставительном уровне (на материале русского, азербайджанского и французского языков) / Э. Э. Алекперова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 55–59.
3. Алексеева, М. П., Басалаева, Е. Г. О метафорическом потенциале зоонимов в латинском языке (на материале лексикографических источников) / М. П. Алексеева, Е. Г. Басалаева // Межвузовский сборник науч. трудов «Проблемы интерпретационной лингвистики». – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – С. 26–34.
4. Алешина, О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О. Н. Алешина. – Новосибирск, 2003. – 367 с.
5. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 3–15.
6. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
7. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М.: Языки русской культуры, 1986. – Вып. 28. – С. 5–32.

8. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян // Языки русской культуры. – М.: Восточная литература, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. – 480 с.
9. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
10. Апресян, Ю. Д. «Природные процессы» в сфере человека / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – 695 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
12. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
14. Бабаева, Е. Э. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью) / Е. Э. Бабаева // Проспект активного словаря русского языка. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 221–282.
15. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
16. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов. // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
17. Баранов, А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
18. Башкирцева, О. А. Когнитивная основа семантической структуры слова (на материале конкретных существительных с общим значением ‘возвышенность конической формы’): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. А. Башкирцева. – Красноярск, 2011. – 213 с.

19. Бесценная, Е. Д. О деривационных толкованиях значений разного уровня абстракции (К проблеме языковой «картины мира») / Е. Д. Бесценная // Актуальные проблемы русского словообразования: сборник статей. – Ташкент, 1982. – С. 301–304.
20. Боваева, Г. М., Халгаева, М. С. Национально-культурная специфика концепта «золото / алтын» в калмыцкой и русской лингвокультурах / Г. М. Боваева, М. С. Халгаева // Вестник современных исследований. – 2018. – № 4.1 (19). – С. 198–200.
21. Богуславская, О. Ю. Откуда ты знаешь, что она умная? / О. Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сборник статей. – М., 1999. – С. 64–72.
22. Болдырев, Н. Н., Магировская, О. В. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.
23. Болдырев, Н. Н., Панасенко, Л. А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5–12.
24. Будаев, Э. В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты / Э. В. Будаев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 1 (110). – С. 6–13.
25. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-ет, 2006. – 215 с.
26. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. / гл. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 277–288.

27. Бурнаков, В. А. Алтын төс – «Золотой фетиш» в мифе и обрядности хакасов (конец XX – вторая половина XX вв.) / В. А. Бурнаков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 1 (11). – С. 53–61.
28. Василевич, А. П., Кузнецова, С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко / Под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
29. Василевич, А. П. Языковая картина мира. (Методы исследования и прикладные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. П. Василевич. – Москва, 2003. – 95 с.
30. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
31. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М., Индрик, 1998. – 240 с.
32. Вендина, Т. И. Словообразование как историческая реконструкция языкового сознания / Т. И. Вендина // Вопр. языкознания. – 2002. – № 4. – С. 42–52.
33. Виниченко, Л. Г., Плешивцева, А. А. Семантика лексемы «gold / золото» (на материале сопоставления устойчивых единиц немецкого и русского языков) / Л. Г. Виниченко, А. А. Плешивцева // Многоуровневая языковая подготовка специалистов в высшей школе: проблемы и перспективы развития: сборник статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – С. 253–258.
34. Воронина, Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) / Т. М. Воронина // Язык. Система. Личность: сборник статей. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–306.

35. Всеволодова, М. В., Владимирский, Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М. : Рус. яз., 1982. – 262 с.
36. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
37. Гатауллина, Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. Р. Гатауллина. – Уфа, 2005. – 24 с.
38. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г. Д. Гачев. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 432 с.
39. Годовщины свадеб и их названия по годам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svadebka.ws/article/godovschiny-svadby-pogodam/>.
40. Горбунова, Л. И. В поисках универсальной концепции значения языкового знака / Л. И. Горбунова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 7–12.
41. Горбунова, Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели) / Л. И. Горбунова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. – 361 с.
42. Горбунова, Л. И. Перцептивная основа наивной категоризации предметного мира / Л. И. Горбунова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 48. – С. 5–18.
43. Горбунова, Л. И. Экспериенциальный аспект категоризации материальной действительности / Л. И. Горбунова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. Т. 17. – № 2. – С. 53–63.
44. Грановская, Л. М. Прилагательные, обозначающие цвет в русском языке XVII-XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. М. Грановская. – М., 1964. – 24 с.

45. Грановская, Л. М. Цветообозначения в истории русской лексики / Л. М. Грановская // Русская историческая лексикология. – М.: Наука, 1968. – С. 83–95.
46. Григорьева, Т. В. Аксиологические особенности оппозиции «легкий – тяжелый» в русском языке / Т. В. Григорьева // Вестник ТГУ. Серия: Филология. – 2015. – № 2 (34). – С. 5–13.
47. Гриценко, Н. И. Названия металлов в русском языке: Семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. И. Гриценко. – Майкоп, 2003. – 206 с.
48. Губенко, Е. В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б. А. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Губенко. – М., 1999. – 21 с.
49. Гусева, А. Е. Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление / А. Е. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 126–131.
50. Демьянков, В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике / В. З. Демьянков // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
51. Денисенко, Е. Н. Символика золота в славянской мифологической традиции / Е. Н. Денисенко // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сборник статей. – М.: АР-Консалт, 2015. – С. 35–37.
52. Дерюгина, А. А. Цветовая символика и цветообозначения в поэтическом сборнике А. Белого «Золото в лазури» / А. А. Дерюгина // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 4–2 (44). – С. 10–14.
53. Дехнич О.В. Язык и культура: рождение метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы / гл. 67. Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 862–867.

54. Ермакова, О. П. Контекстно обусловленная сочетаемость идентифицирующих существительных с прилагательными / О. П. Ермакова // Синтаксис текста: сборник статей. – М.: Наука, 1979. – С. 153–162.
55. Ермакова, О. П. Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.
56. Ефанова, Л. Г. / К вопросу о параметрических нормах / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – № 1 (21) – С. 22–30.
57. Житков, А. В. Функционально семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Житков. – Екатеринбург, 1999. – 19 с.
58. Жукова, О. Ю. Прилагательные эмоционально-позитивной семантики в вепском языке (на основе диалектных и фольклорных материалов) / О. Ю. Жукова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 6. (175) – С. 83–88.
59. Завьялова, Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов / Н. А. Завьялова // Лингвокультурология. – 2008. – № 2 – С. 99–106.
60. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
61. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

62. Каналаш, О. П. Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш // *Lingua mobilis*. – 2011. – №1 (27). – С. 60–64.
63. Карташова, Ю. А. Функционально-семантическое цветосветовое поле в лирике И. Северянина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Ю. А. Карташова. – Барнаул, 2004. – 23 с.
64. Клементьева, Е. В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ...канд. фил. наук / Е. В. Клементьева. – КГУКИ. – Краснодар, 2008. – 20 с.
65. Кобозева, И. М. Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // *Языки пространств. Логический анализ языка.* / отв. ред. Н. Д. Артюнова. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 152–162.
66. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал, 2000б. – 352 с.
67. Ковалев, Н. А. Метафорика холодной войны в диахроническом аспекте (на материале СМИ США) / Н. А. Ковалев // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2017. – № 6 (81). – С. 97–105.
68. Кожемякова, Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Кожемякова. – Н. Новгород, 2001. – 209 с.
69. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография / И. Ю. Колесов. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 354 с.
70. Колмогорова, А. В. Языковое значение и речевой смысл: Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. В. Колмогорова. – Иркутск, 2006. – 412 с.

71. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
72. Корнева, В. В. Естественные категории в естественном языке (по данным испанского языка) / В. В. Корнева // Древняя и Новая Романия. – 2015. № 1(15). – С. 105–118.
73. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Монография / О. А. Корнилов. – 2. изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 347 с.
74. Кравченко, А. В. Перцепция и когниция в семантике глаголов положения / А. В. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 87–95.
75. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
76. Крылова, Т. В. Лексика со значением отражения света / Т. В. Крылова // Диалог 2001. 2011. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6713&y=2001&vol=6077>.
77. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
78. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
79. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

80. Кузнецова, Е. Г. Экспериенцер как семантическая роль актанта предиката (семантическое толкование) / Е. Г. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 7 (188). – Вып. 41. – С. 82–85.
81. Кузьмина, М. А. Метафорические прилагательные-цветообозначения в русском и итальянском языках (на материале толковых словарей) / М. А. Кузьмина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 3–9.
82. Купчик Е. В. Ум / разум в словарях поэтических образов: метафорические модели и их репрезентация / Е. В. Купчик // Вопросы лексикографии. – 2018. – № 13. – С.117–140.
83. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
84. Кустова, Г. И. Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке / Г. И. Кустова // Семиотика и информатика. – 2002. – Вып.37: к 50-летию ВИНТИ. – С. 116–146.
85. Куцый, С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность»: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ...канд. фил. наук / С. Б. Куцый. – Ставрополь, 2003. – 20 с.
86. Кюсева, М. В., Рыжова, Д. А., Холкина, Л. С. Прилагательные «легкий» и «тяжелый» в типологической перспективе / М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова, Л. С. Холкина. / гл. ред. А. Е. Кибрик. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). – М.: РГГУ, 2012. – Вып. 11(18). – С. 247–255.
87. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: Моногр.: в 2 ч. / О. Н. Лагута / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2. – 208 с.

88. Лаенко, Л. В. Категория признака в научном пространстве современного гуманитарного знания / Л. В. Лаенко // Вестник ВГУ. – 2002. – № 2 (26). – С. 26–32.
89. Лаенко, Л. В. Организация концептуального поля *to fell* в английском языке / Л. В. Лаенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 50–55.
90. Лаенко, Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Лаенко. – Воронеж, 1988. – 232 с.
91. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.09 / Л. В. Лаенко. – Воронеж, 2005. – 465 с.
92. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации / Л. В. Лаенко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 303 с.
93. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
94. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
95. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 280 с.
96. Логический анализ языка. Ментальные действия / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
97. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
98. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // Новая литература по культурологии. – 1995. – № 3. – С. 30–42.

99. Лукьянова, И. В. Когнитивные модели наименований растений (на диалектном материале) / И. В. Лукьянова // Вестник ТГУ. – 2017. – № 418. – С. 36–43.
100. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии / под ред. А. А. Броноева. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 25–42.
101. Макарова, О. В. Семантическая деривация компонентов фрейма вкуса / О. В. Макарова // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты: сборник научных трудов / под ред. Л. О. Бутакова. – Омск: ОмГУ, 2005. – С. 16–25.
102. Макеева, Н.С. Концепт «богатство» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Н. С. Макеева. – Санкт-Петербург 2009. – 23 с.
103. Макеенко, И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национальное: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / И. В. Макеенко. – Саратов, 1999. – 258 с.
104. Маковский, М. М. «Картина мира» и миры образов. (Лингвокультурологические этюды) / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 31–38.
105. Максимова, Е. В. Функционально-семантическая характеристика названий металлов и производных от них прилагательных в русском и немецком языках: автореф. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. В. Максимова. –Махачкала. – 2006. –24 с.
106. Мартянова, Н. А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре / Н. А. Мартянова // Филология и человек. – 2013. – №4. – С. 56–67.
107. Мейлах, Б. С. Проблемы ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества / Б. С. Мейлах // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: сборник статей. – Л.: Наука, 1974. – С. 3–14.

108. Метелкина О. А. Драгоценные камни и металлы в современном русском языке // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 74–77.
109. Метелкина, О. А. Семантика драгоценных металлов «золото» и «серебро» в поэзии К. Бальмонта // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 41–43.
110. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 22 с.
111. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис. ... доктора филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2010. – 409 с.
112. Мишанкина, Н. А., Деева, А. И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) / Н. А. Мишанкина, А. И. Деева // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – № 6 (26) – С. 29–37.
113. Мишанкина, Н. А., Железнякова, А. Н. Восприятие музыкального звучания: метафорическая репрезентация в языке и дискурсе / Н. А. Мишанкина, А. Н. Железнякова // Вестник ТГУ. – 2015. – № 4 (36). – С. 43–55.
114. Мишанкина, Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2012. – №4 (20) – С. 32–45.
115. Мурьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопр. языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.

116. Мусси, В. Семантические и лингвокультурологические аспекты изучения энтомологических метафор в русском языке (в сопоставлении с итальянским): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. Мусси. – Новосибирск, 2014. – 262 с.
117. Никитина, С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С. Е. Никитина. – М., 1999. – 254 с.
118. Николаева, Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» / Т. М. Николаева // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. – М.: Наука, 1983. – С. 235–244.
119. Овсянникова, В. В. Метафорические модели в научном геологическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук / В. В. Овсянникова. – Томск, 2010. – 262 с.
120. Овсянникова, В. В. Метафорические модели терминообразования научного геологического дискурса (сферы-источники «Артефакт», «Животное», «Растение») / В. В. Овсянникова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Мат-лы конф. молодых ученых, 2 апреля 2010 г. – Томск, 2010. – Вып. 11. – Т. 1. – С. 160–165.
121. Онол Энхдэлгэр. Цветообозначения в русском языке: С позиции носителя монгольского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Энхдэлгэр Онол. – М., 1996. – 132 с.
122. Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: сборник статей. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2000. – 286 с.
123. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
124. Панасенко, Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014. – 42с.

125. Парина, Е. А. Семантический период ‘твердый’> ‘сталь’ в островных кельтских языках / Е. А. Парина // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2014. – № 18. – С. 771–788.
126. Пахомов, Л. В. Моделирование области-источника и области-мишени вокальных метафор / Л. В. Пахомов // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 8 (48) – С. 4–9.
127. Петров, А. М. Персонажи русских духовных стихов в свете народно-христианских представлений о золоте / А. М. Петров // Традиционная культура. – 2011. – № 3 (43). – С. 27–38.
128. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–146.
129. Пименова, М. В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ / М. В. Пименова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2012. – № 17. – С. 147–153.
130. Пименова, М. В., Сергеева, Н. М. Антропоморфизм как способ представления концептов (на примере концепта ум) / М. В. Пименова, Н. М. Сергеева // Вопросы филологии. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Вып. IV. – С. 7–12.
131. Пляскина, Е. И. Лексико-семантические группы наименований построек для животных и хозяйственных построек в говоре / Е. И. Пляскина // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2009. – № 3. – С. 249–252.
132. Попова, Г. В., Клименко, А. Н. Библейские метафоры в экономике (на материале современных публицистических текстов) / Г. В. Попова, А. Н. Клименко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 52–61.

133. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
134. Постовалова, В. И. Картина мира жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
135. Потапова, О. К. Лексико-семантическая группа названий оленевого транспорта у эвенков / О. К. Потапова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 1. – С. 81–87.
136. Потураева, Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «дом» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Потураева. – Кемерово, 2011. – 233 с.
137. Пушкарева, И. А. Дискурсивно-стилистическое воплощение медиаконцепта «сталь» в городской газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) / И. А. Пушкарева // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сборник статей. – Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. – С. 452–460.
138. Пятова, Е. А. Анализ мифологемы «золото» как компонента языковой картины мира / Е. А. Пятова // *Linguistica Juvenis*. – 2011. – № 13. – С. 126–139.
139. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
140. Резанова, З. И., Мишанкина, Н. А., Катунин, Д. А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин. – Ч. 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 209 с.
141. Резанова, З. И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия / З. И. Резанова // Вестник ТГУ. Серия: Филология. – 2012. – №2(18) – С. 29–43.

142. Резникова, Е. В. Образ-схема «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ» в аспекте регулярной многозначности / Е. В. Резникова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – №1. – С. 158–161.
143. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
144. Романов, Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни функционирования и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Д. А. Романов. – Белгород, 2004. – 30 с.
145. Рубинчик, О. Е. Серебряный век – «полуслучайный недотермин» или удачная метафора? / О. Е. Рубинчик // Сюжетология и сюжетология. – Новосибирск, 2013. – № 1. – С. 87–98.
146. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
147. Рузин, И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рузин Игорь Геннадьевич. – М., 1995. – 23 с.
148. Рябых, Е. Б. Монометафорические и полиметафорические модели в поэтическом дискурсе / Е. Б. Рябых // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 10. – С. 239–246.
149. Салимова, И. М. Содержательные возможности слов «золото» и «серебро» в поэтическом слого / И. М. Салимова // Елабужские филологические чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию юбилею филологического факультета ЕИ КФУ: сборник статей. – Елабуга: Издание Бубекова Л. Б., 2013. – С. 139–141.
150. Сандакова, М. В. Метафора со значением прочности в русском языке / М. В. Сандакова // Национальные коды в языке и литературе.

- Язык и культура: сборник статей. – Нижний Новгород: Изд. ННГУ, 2018. – С. 265–274.
151. Сапига, Е. В., Репина, М. В., Жукова, С. В. Цветовые обозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты / Е. В. Сапига, М. В. Репина, С. В. Жукова // Образование и педагогические науки. – 2016. – Т. 8. – № 2/2. – С. 192–195.
152. Сафонова С. Г. Реализация концепта «богатство» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Language. Philology. Culture. – 2014. – № 3. – С. 127–134.
153. Селиверстова, О. Н. Семантическая структура предлога НА / О. Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов. Сборник статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 189–242.
154. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
155. Сердюк, М. А. Своеобразие семантики лексемы «золотой» в фольклорном тексте (на материале волшебной сказки) // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4 (025). – 2010 г. – С. 117 – 125.
156. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 70–86.
157. Степанова, Н. С. Концепт «золото» в художественном мире И. С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето господне», «Богомолье») / Н. С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 82–89.
158. Тазиева, Е. М. Семантика производящей основы относительных прилагательных, развивающих качественные значения / Е. М. Тазиева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. Серия 2. – Новосибирск: НГУ, 2007. – Вып. 10. – С. 53–61.

159. Тележко, Г.М. Анализ названий меди в языках разных этносов // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2018 а. – № 2 (48). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508> (дата обращения: 11.10. 2019).
160. Тележко, Г. М. Анализ названий свинца в языках разных этносов / Г. М. Тележко // *Universum: филология и искусствоведение.* – 2018 б. – № 3. (49) – С. 9–17.
161. Тележко, Г. М. Анализ названий золота в языках разных этносов // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2018 в. – № 4 (50). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757> (дата обращения: 11. 10. 2019).
162. Тодосиенко, З. В., Кунафина, Г. А. Концепт «серебро» в башкирской и английской языковых картинах мира / З. В. Тодосиенко, Г. А. Кунафина // *Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии Материалы VII Международной научной конференции: сборник статей.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – С. 206–209.
163. Толстая, С. М. Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии.* – М.: ИСБ РАН, 1995. – С. 124–127.
164. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
165. Трубачев, О. Н. Языкознание и этногенез славян // *Вопросы языкознания.* –1985. – № 5. – С. 3–14.
166. Туреханова, А. М. Анализ фразеологизмов с компонентом «железо» / «Eisen», отображающих нравственные ценности (на материале

- ФЕ немецкого и русского языков) / А. М. Туреханова // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 1. – С. 44–57.
167. Урысон, Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке / Е. В. Урысон // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 11–25.
168. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
169. Урысон, Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25–38.
170. Урысон, Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3–16.
171. Урысон, Е. В. Языковая картина мира. VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.
172. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М.: Астрель, 2008. – 828 с.
173. Федянина Л.И. Способы объективации концепта «Geld» в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Федянина. – Барнаул, 2005. – 18 с.
174. Фесенко, Т. А., Шестеркина, Н. В. К проблеме когнитивно-вербального моделирования в русской фразеологии (на примере анализа концепта «металл») / Т.А. Фесенко, Н.В. Шестеркина // Вестник ТГУ. – 2006. Вып. 4 (44). – С. 464–469.
175. Фрумкина, Р. М. О методе изучения семантики цветообозначения / Р. М. Фрумкина // Семиотика и информатика. – М.: Русские словари, 1973. – Вып. 10. – С. 142–162.

176. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
177. Хаустова, Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э. Д. Хаустова. – Воронеж, 1999. – 23 с.
178. Хуснутдинов, А. А., Хуснутдинова, А. А. Лексикографический портрет слова *железо* / А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. (12) – С. 54–74.
179. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. / Т. В. Цивьян. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
180. Чидзиива, Х. Гармония цвета: руководство по созданию цветовых комбинаций / Х. Чидзиива. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 142 с.
181. Чистякова, Е. В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Чистякова. – Тамбов, 2015. – 24 с.
182. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. М. Чудакова. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
183. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
184. Чуньчунь, С., Чарыкова, О. Н. Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики // С. Чуньчунь, Чары-

- кова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 29-31.
185. Шестеркина, Н. В. Мифологический концепт «металлы» (железо): на материале русских заговорных текстов / Н. В. Шестеркина // Русский язык: исторические судьбы и современность IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: Изд. МГУ, 2010. – С. 279–280.
186. Ширшикова, Е. А. Категоризация действительности по признакам «тяжелый», «легкий» прилагательными английского языка / Е. А. Ширшикова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 60–63.
187. Шмелев, А. Д., Булыгина, Т. В. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина // Языковая концептуализация мира. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 481–495.
188. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
189. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрамм. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.
190. Berlin, B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 210 p.
191. Erofeeva, E. V., Pahomov, L. V. Vocal metaphor: analysis of source and target domains / E. V. Erofeeva, L.V. Pahomov // Metaphor as means of knowledge. Communication International Symposium: book of abstracts. – 2016. – P. 31–32.
192. Kay, P., McDaniel, Ch. K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms / P. Kay, Ch. K. McDaniel // Language, 1978. – Vol.54. – № 3. – P. 610–646.

193. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor//Metaphor and thought / G. Lakoff. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
194. Pavlova, E. K., Kholkina, L. S. Words of hardness and softness: towards lexical typology / E. K. Pavlova, L. S. Kholkina // Association for Linguistic Typology. 10th Biennial Conference (ALT10) (2013 August 15–18, Leipzig).
195. Vendler, Z. The grammar of goodness / Z. Vandler // Linguistics in philosophy. – Ithaca, 1967. – P. 95–121.
196. 王璐佳 (Ван Луцзя). 俄语时间概念隐喻研究 (Исследование концептуальной метафоры времени в русском языке: дис. ...магист. филол. наук.) / 王璐佳 (Ван Луцзя) – 长春吉林大学, 2017. – 77页.
197. 王芳 (Ван Фан). 俄汉人体词隐喻的认知对比研究 (Когнитивное сравнительное исследование метафоры анатомии человека в русском и китайском языке: дис. ... магист. филол. наук.) / 王芳 (Ван Фан). – 长春东北师范大学, 2013. – 48页.
198. 牛丽红 (Нью Лихун). 俄语爱情隐喻特征分析 (Анализ характеристик русских метафор любви) / 牛丽红 (Нью Лихун) // 外语研究, – 2007. – № 5. – 23–26页.
199. 苏傲 (Су Ао). 俄语拟人隐喻的认知研究 (Когнитивное исследование русской антропоморфной метафоры: дис. ...магист. филол. наук.) / 苏傲 (Су Ао). – 长春吉林大学, 2012. – 48 页.
200. 傅玲, 鲁速 (Фу Лин, Лу Су). 隐喻的微观研究:俄语中“心灵”的本体概念隐喻分析 (Микроскопическое исследование метафоры: анализ онтологических концептуальных метафор «разума» в русском языке) // 长春理工大学学报, – 2008. – № 3. – 102–104页.
201. 侯春媛 (Хоу Чуньюань). 俄汉语时间概念隐喻对比研究 (Сравнительное исследование концептуальных метафор времени в русском

- и китайском языках: дис. ...магист. филол. наук.) / 侯春媛 (Хоу Чуньюань). – 哈尔滨师范大学, 2015. – 66页.
202. 雨薇 (Ю Вэй). 汉、俄语味觉词隐喻用法比较研究 (Сравнительное исследование использования метафор вкуса в русском и китайском языках: дис. ...магист. филол. наук.) / 雨薇 (Ю Вэй). – 上海复旦大学, 2013. – 48页.
203. 颜晓 (Ян Сяо). 俄汉“愤怒”情感概念隐喻的认知对比研究 (Исследование познавательной контрастности концептуальной метафоры в понимании эмоции «гнев»: дис. ...магист. филол. наук.) / 颜晓 (Ян Сяо). – 长春吉林大学, 2015. – 49页.
204. 杨华 (Ян Хуа). 俄、汉语隐喻投射域异同研究—以“水”概念为例 (Исследование различий и сходства области-мишени метафоры в русском и китайском языках на примере использования слова «вода») / 杨华 (Ян Хуа) // 安徽大学学报, – 2014. – № 1. – 88–94页.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

205. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]: в 3 т.: – Москва: Си Этс, 2004.
206. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Аст-Пресс книга, 2006. – 784 с.
207. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М. – СПб: Норинт; 2-е изд., перераб. и доп., 2002. – 516 с.
208. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. И. Даль. – 8-е изд. – Москва: Русский яз., 1981–1982.
209. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.

210. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.
211. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., испр. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
212. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
213. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
214. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н Тихонов. – М.: Русский язык; 2-е изд., стереотип, 1990.
215. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. алюминевый
2. алюминий
3. бронза
4. бронзировать
5. бронзоветь
6. бронзово
7. бронзовый
8. впрозолоть
9. выбронзировать
10. выбронзироваться
11. выбронзовать
12. выбронзоваться
13. вызолачивание
14. вызолачивать
15. вызолачиваться
16. вызолотить
17. вызолотиться
18. высеребрить
19. высеребриться
20. железка
21. железнеть
22. железно
23. железный
24. железо
25. забронзовелость
26. забронзоветь
27. зазолотить
28. зазолотиться
29. засеребрить
30. засеребриться
31. зачугунеть
32. золотарник
33. золотарь
34. золотенький
35. золотеть
36. золотинка
37. золотисто
38. золотистость
39. золотистый
40. золотить
41. золотиться
42. золотишко
43. золотко
44. золотник
45. золото
46. золотой
47. золотце
48. золоченый
49. иззолотить
50. латунный
51. латунь
52. медный
53. медь
54. медяк
55. медянка
56. медяшка
57. никелевый
58. никель
59. обзолотить
60. обронзоветь
61. озолотеть
62. озолотить
63. озолотиться
64. олово
65. оловянистый
66. оловянно
67. оловянный
68. оловяшка
69. освинцевать
70. освинцовывать
71. освинцовываться
72. осеребренный
73. осеребрить
74. осеребриться
75. осеребровать
76. осеребряться
77. очугуневший
78. очугунеть
79. перезолачивать
80. перезолотить
81. платина
82. платиновый
83. побронзоветь
84. подсеребрить

85. позолота
86. позолотеть
87. позолотить
88. позолотиться
89. позолоченный
90. посеребренный
91. посеребрить
92. посеребриться
93. посеребрять
94. посеребряться
95. прозолоть
96. раззолачивать
97. раззолачиваться
98. раззолотить
99. раззолоченный
100. свинец
101. свинцоветь
102. свинцово
103. свинцовость
104. свинцовый
105. серебряный
106. серебрецо
107. серебрянка
108. серебристо
109. серебристость
110. серебристый
111. серебрить
112. серебриться
113. серебро
114. серебрянка
115. серебряно
116. серебряный
117. сребристый
118. сребряный
119. сталь
120. стальной
121. цинк
122. цинковый
123. чугун
124. чугунеть
125. чугунно
126. чугунность
127. чугунный

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Указанные в анкетах названия металлов

Название металла	Количество упоминаний
золото	114
серебро	112
железо	100
медь	95
алюминий	94
платина	69
олово	69
свинец	53
цинк	49
уран	49
бронза	37
сталь	33
никель	27
титан	21
чугун	20
латунь	20
палладий	16
литий	13
хром	12
вольфрам	11
калий	11
кальций	9
натрий	9
магний	8
кобальт	7
молибден	5
радий	4
цирконий	4
бериллий	3
кремний	2
кадмий	2
висмут	2
цезий	2
марганец	2
мельхиор	1
полоний	1
менделевий	1
скандий	1
таллий	1

барий	1
иридий	1
карбон	1
бром	1
ртуть	1
дюраль	1
осмий	1
галлий	1
фосфор	1
нержавейка	1
теллур	1
гальванопластика	1
коллодий	1
жесть	1

Опросный лист составлен на основе анкетирования 122 человек.